

Д. Я. САМОКВАСОВ
Рисунок О. Н. Енуковой с фотопортрета 1900-х гг.

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

С. П. ЩАВЕЛЁВ

ИСТОРИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Д. Я. САМОКВАСОВА

КУРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО КУРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1998

УДК 947
Щ 14
ББК 633 (2)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета КГМУ.

Рецензенты:
канд. историч. наук, доц. *И. А. Емельянова* (Казанский гос. ун-т);
канд. историч. наук, доц. *В. В. Енуков* (Курский гос. пед. ун-т);
канд. историч. наук, ведущий науч. сотр. Ин-та археологии РАН *А. А. Формозов* (Москва).

Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. — Курск: изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 1998. — 286 с., ил.

ISBN 5-7487-0132-4

Дмитрий Яковлевич Самоквасов **(1843-1911) известен в разных областях отечественной науки и культуры. Он – создатель оригинальных исследований по истории русского народа, государства и права; выдающийся организатор и теоретик архивного дела в России; археолог с мировым именем, один из основоположников научной методики раскопок. Эталонное значение для характеристики культуры древней Руси получили находки из Чёрной могилы и др. черниговских курганов, многих других древних погребений и городищ Восточной Европы, открытых и изученных им.**

Автор первой биографии учёного — профессор С. П. Щавелев использовал комплекс первоисточников: редкие материалы печати, выявленные им в разных архивах документы, мемуары современников, личные впечатления от участия в разведках и раскопках тех памятников старины, что были введены в научный оборот еще Д.Я.Самоквасовым. На страницах книги фигурируют многие знаменитые ученые и общественные деятели России второй половины XIX- начала XX вв. Особое внимание уделено столичным и провинциальным историко-просветительским организациям и обществам того времени, с которыми сотрудничал Д.Я.Самоквасов. Прежде всего тем, что действовали в Курской губернии, с которыми у героя книги сложились весьма плодотворные научные взаимосвязи.

Монография адресована специалистам-историкам, археологам, архивистам, музейным работникам, преподавателям; более широкому кругу любителей русской старины; может быть использована в качестве учебного пособия по курсам отечественной истории, культурологии, краеведения и др. предметам гуманитарного цикла в средней и высшей школах.

ISBN 5-7487-0132-4

© С. П. Щавелев, 1998 — текст, оформление.

ВВЕДЕНИЕ

Сделать из человека ясную и ложную схему или вообще отказаться систематизировать и понять его — такова дилемма, перед которой, по-видимому, стоит биограф.

А. Моруа. Аспекты биографии.

Имя Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843–1911) заслуживает того, чтобы его представить современному читателю, который заинтересован историей отечественной науки и культуры. Имя это было достаточно широко известно сразу в нескольких сферах общественной жизни России на рубеже XIX и XX столетий. Не так уж давно, в мае 1993 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Самоквасова. Юбилейная дата даёт лишний повод, чтобы вновь обратить внимание соотечественников на вклад учёного-патриота в различные области знания и практики.

Масштабы, пропорции этого вклада изменялись со временем. При жизни самого профессора его основным делом, научной специализацией считалось (по крайней мере в академической, университетской среде, куда он входил) изучение и преподавание истории русского права и государства. И сам он обыкновенно причислял себя к историкам-юристам (понятие, некогда довольно-таки распространенное, потом подзабытое, а ныне опять заявившее о себе в связи с расширением юридического образования в нашей стране). Роль дополнительного источника познания юридических древностей отводилась им излюбленной на досуге археологии и потеснившим её впоследствии занятиям в архиве.

Самоквасовым «прежде всего значительно расширена во времени область исследования истории русского права. Он начинал изучение этой истории за несколько веков до образования русского государства [с центрами в Новгороде и Киеве — С.Щ.] и привлекал к этому изучению новый материал, добытый — в значительной части им же самим — при раскопках, многократно им лично производившихся»[1], — отмечал его коллега и преемник по кафедре Московского университета профессор А. Н. Филиппов.

Другое слагаемое прижизненной известности Самоквасова связано с организацией архивного дела в России . Возглавив на середине своей служебной карьеры и практически воссоздав заново крупнейшее хранилище древних актов нашей страны — Московский архив министерства юстиции (МАМЮ), он энергично обобщил свой археографический опыт вплоть до общенациональных масштабов. Предложенные им проекты реформы архивного дела в государстве оказались явно самыми конструктивными для своего времени [2]. Самодержавная бюрократия в начале истекающего века похоронила их. Многие идеи данных проектов, новаторских трудов ученого по архивоведению оказались реализованы лишь впоследствии, после Октябрьской революции, а особенно полно согласно обновленному недавно законодательству Российской Федерации об архивах.

Согласно компетентной оценке его ближайшего сподвижника по архивным делам Н.Н.Ардашева, «как археограф, он единолично разбирает и в двух томах «Архивного материала» издает, в образцах, с историческим освещением, обширное и ценнейшее по древности наследие Новгородского Разряда XVI–XVII вв. ... Как архивист-теоретик, он изучил и издал не только русское, но и западное законодательство об архивах, для чего объездил едва не всю Европу. Выработанный им проект реформы архивного дела в России опередил своё время. ... Как архивист-администратор, он первый направил работу всего учреждения — МАМЮ на составление сухих, но неизбежных, ибо необходимых описей документов — лист за листом, документ за документом, не смущаясь толками о якобы их ненаучности вследствие какой-то примитивности, неосуществимости, будто-бы, для больших архивов, вследствие медленности. И вот, прошло 19 лет упорной, устойчивой работы и готово 9 томов такого описания Разрядного приказа, с окончанием которого ... лоскуточка не останется неописанного там, где учёные в течение полустолетия блуждали наугад ... Нет надобности говорить о значении одного этого памятника его деятельности для Истории, стремящейся стать возможно точной наукой ...»[3].

Следующим поколениям исследователей отечественной старины Самоквасов становится известен в основном как археолог . Такое определение перемещается на первое место после его фамилии в советских, а теперь уже и российских энциклопедиях, тогда как дореволюционные справочники величали его юристом или историком русского права. Теперь же о нём чаще всего вспоминают в связи с сенсационными раскопками «Чёрной могилы» и других черниговских курганов, воздвигнутых

восточнославянским «племенем» северян над могилами своих князей и бояр на закате язычества. Автор первых и до сих пор самых лучших очерков истории русской археологии А. А. Формозов называет Д. Я. Самоквасова среди основоположников этой науки [4]. Ценнейшие коллекции палео- и неолитических, скифо-сарматских, кавказских, славяно-русских, кочевнических древностей, собранные Д. Я. за 20 с лишним полевых сезонов, поныне украшают экспозиции и обогащают фонды Государственного Исторического музея (ГИМ) в Москве (в недавно вновь открытых его первых залах самоквасовские материалы опять на самом почётном месте), золотой кладовой петербургского Эрмитажа, многих краеведческих — областных и районных музеев Украины и России.

Еще важнее отметить смелый почин учёного по историческому осмыслению археологических находок, его борьбу за правильную методику раскопок, музейного хранения и комплексного издания вещественных памятников старины. «Если предлагавшиеся им археологические теории и оказывались иногда слишком смелыми, — отмечал добрый знакомый и нередкий оппонент Д.Я. академик Д.Н.Анучин, — то они, во всяком случае, как попытки осмыслить голые данные путём творческой фантазии, будили мысль и направляли к анализу и проверке намеченных сопоставлений. Что же касается фактов, то их внесено Д.Я. в археологию больше, чем кем-нибудь другим, и это уже одно сохранит надолго память о Д.Я.Самоквасове среди русских археологов как о выдающемся деятеле в области седой старины, страстно любившем ее памятники, положившем много сил и средств на их изыскание и собирание в обогатившие наши древлехранилища обширные и ценные собрания бытовых предметов различных эпох и народностей»[5].

О поражающих воображение, особенно юное, археологических находках Генриха Шлимана (гомеровская Троя, могилы микенских царей) или Говарда Картера (гробница фараона Тутанхамона) можно прочесть во многих научных и популярных книгах, выпущенных на русском языке за последние годы и продолжающих выходить. Публикации об аналогичных по своему значению для исторической науки и мировой культуры открытиях Дмитрия Самоквасова (пышные погребения скифских вождей и славянских князей, древние города Руси) затеряны в ставших антиквариатом изданиях. Репродукции уникальных вещей из «Чёрной могилы» до сих пор иллюстрируют школьные и университетские учебники по истории России, только почему-то без указания имени первооткрывателя.

Многие тезисы, на выдвижение и доказательство коих этот исследователь положил всю свою жизнь, по мере их утверждения в историческом сознании воспринимаются как общеизвестные, не нуждающиеся в историографической родословной, а то и вовсе приписываются другим авторам. Кроме того, на учёной репутации Самоквасова не лучшим образом сказалась полемика, которую он вёл с первых и до последних своих шагов на академическом поприще. Упоминания о нём в исторической литературе нередко страдают тенденциозностью и односторонностью, несут отпечаток преходящей злобы давно минувшего дня. При жизни профессора некоторые его концепции воспринимались весьма скептически, даже высмеивались представителями либеральной историографии. Не все споры с её корифеями он сумел выиграть. Многие предположения, атрибутации, выводы моего автора отвергнуты или уточнены современной наукой. Однако кое в чём весьма существенном он оказался наконец прав.

Это касается, скажем, заключения о значительной древности, а может и автохтонности славян как в пределах Поднепровья, так и на более обширном пространстве Центральной и Восточной Европы большей части I тыс. н. э. Самоквасов отстаивал и подтверждал фактами сравнительно высокий уровень, самобытный характер развития восточнославянского общества, его материальной и духовной культуры, её широчайшие международные взаимосвязи. Тогда как норманисты, задававшие тон в нашей официальной историографии до революции, сплошь и рядом выдавали восточнославянскую цивилизацию за низкосортную, производную от западноевропейских, византийских образцов государственности. Современные исследования этнокультурного синтеза на Руси эпохи ее объединения в «державу Рюриковичей», преодолевая опасные крайности и антинорманизма, и норманизма самоквасовских времен, продолжают, конкретизируют тезисы этого автора относительно однопорядковости развития и взаимной дополнительности варягов, славян и кочевников (хазар и др.) на просторах Восточной Европы [6]. Эти этносоциумы не только и не столько боролись, воевали, сколько шли навстречу друг другу, как явствует из старой работы Д.Я.Самоквасова «Происхождение русского народа»(1908).

Самоквасов привёл веские основания рассматривать быт так называемых «союзов племен» и «племенных княжений» восточных славян как изначально оседлый и по-преимуществу земледельческий. А ему возражал знаменитейший В.О.Ключевский со своей версией торгово-охотничьей поначалу Руси, оценивавший глубинные истоки древнерусской народности,

этногенез славянства как неразрешимое «уравнение с тремя неизвестными».

Самоквасов усматривал во многих городищах, покрывавших центральные области России, остатки древних городов славян и их соседей. Этот тезис стремился с порога опровергнуть известнейший М.М.Ковалевский и не он один. В частности, выдающийся филолог, академик И.И.Срезневский настаивал на богослужебном назначении этих археологических памятников. Через сто с лишним лет после их спора вывод о существовании у наших предков многочисленных городских (или по крайней мере протогородских) поселений еще в языческий период признан одним из новейших достижений науки и активно разрабатывается сейчас [7].

Самоквасов одним из первых среди этнографов-полевиков выявил в Курской губернии реликтовую форму большой крестьянской семьи и опубликовал её описание, сопоставил с древнерусской вервью и югославской задругой. А.Е.Пресняков же возвел в общегосударственную степень данный факт существования в прошлом крупнейших патрономий с неразделенным землевладением, предложив концепцию «княжого права» в древней Руси.

Самоквасов доказывал раннее, со времён «Русской правды» начавшееся закабаление крестьян-смердов феодалами, искал и нашёл свидетельства об окончательном оформлении крепостничества в архивных фондах XVI столетия. А сторонники так называемой «безуказной теории» — П.Н.Милюков, М.А.Дьяконов и др. — с ним довольно язвительно полемизировали. Отечественные и зарубежные исследователи данной проблемы поныне оперируют документами поместно-вотчинной системы учреждений Московского государства, открытыми и опубликованными Самоквасовым и его сотрудниками.

В свете отмеченных и аналогичных историографических коллизий нужно понимать сдержанные, а местами прямо очернительные характеристики Самоквасова-историка в старых энциклопедиях, работах отдельных авторов. Их претензии к Д.Я. подогревали прямо политические разногласия: он не скрывал своих убеждений консерватора-монархиста, а его критики вербовались главным образом из лагеря либеральной оппозиции императорскому трону. Конечно, мировоззрению и методу Самоквасова были присущи свои недостатки и даже коренные изъяны. Одни из них типичны для всей гуманитарной науки того времени, другие отражают особенности именно данной личности. Сегодня эти минусы виднее, чем когда бы то ни было. И мне бы не хотелось тащить заблуждения этого исследователя на арену нынешней идеологической борьбы, где «русопятства», преувеличенного

национализма всех мастей и без того излишек. Однако нам сейчас очевидно и другое — редкая гармоничность научных интересов, новаторский интеллект, цельность личности этого учёного, педагога и общественного деятеля [8]. Такой пример действенного патриотизма в условиях нынешней России, опять взыскующей некой национальной идеи, представляется далеко не лишним.

Археологические, этнографические, архивные разыскания составляли солидную, необычайно широкую для исторической науки источниковедческую базу его работ. В свою очередь, подготовленные Д.Я. историко-юридические труды служили посильным обобщением и объяснением собранных им же и при нем в изобилии вещественных и документальных источников. Правда, по части концептуальных построений Самоквасов действительно оказался слабее собственных фактологических штудий. Но педагогический опыт, заботы о научном приоритете, да и сам склад его размашистого характера требовали связного и аргументированного изложения, обнародования результатов ежегодных экспедиций. В итоге его систематические курсы истории русского права, разделяя отдельные недостатки многочисленных тогда изданий этого жанра, в целом отличались широким и оригинальным подходом к эволюции юридических и прочих общественных институтов.

Переплетение, а то и просто слияние различных на первый взгляд аспектов учёной деятельности Самоквасова находит дополнительное объяснение в целом ряде внешних обстоятельств. Среди них — и высокая степень интеграции историко-правовой и общеисторической науки в пореформенной России; и параллельное зарождение на русской почве специальных исторических дисциплин; и общий — весьма высокий гуманитарный потенциал тех десятилетий жизни нашей страны, не случайно получивших лестное название «серебряного века» отечественной культуры.

Последнее время выясняется: реконструкцию движения исторической, общественной мысли никак нельзя ограничивать только магистральным ее направлением. Для России оно в значительной степени уже очерчено внушительными монографиями и научно-популярными книгами о В. Н. Татищеве, Н. М. Карамзине, С. М. Соловьеве, В. О. Ключевском, представителях радикальной — революционно-демократической и марксистской, затем советской традиции познания прошлого. Переизданы и продолжают издаваться многие их сочинения. Целый же ряд колоритных фигур ученых-историков, стоявших несколько поодаль отмеченной стержневой линии, существенно дополняют панораму общественно-культурной жизни

своего времени.

За 1970–90-е гг. появились первые специальные исследования исторических и социологических взглядов К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Н. Болтина, Н. И. Костомарова, Б. Н. Чичерина, А. П. Щапова, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, И. Е. Забелина, А. А. Корнилова, Н. И. Кареева, А. П. Щапова, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова, П.И.Бартенева, П.Н.Милюкова, С. Ф. Платонова, М. В. Запольского-Довнара, кое-кого ещё среди их современников-коллег и учеников. Особо я бы выделил новаторский анализ А.А.Формозовым исторических взглядов классиков русской литературы [9]. В достаточно свежем стиле выполнены недавно сводные изложения ключевых моментов русской и советской историографии [10].

Другие персоналии того же проблемного ряда находят пока лишь беглое упоминание в соответствующих «акафистах», прежде всего диссертационно-монографических, а то отсутствуют и там. Среди обойденных исследовательским вниманием — историки М.П.Погодин, И.Д.Беляев, С.А.Гедеонов, Д.И.Иловайский, Д.В.Цветаев; археологи В.Б.Антонович, А.А.Бобринский, А.С. и П.С.Уваровы, В.Г.Тизенгаузен, Л.К.Ивановский, А.А.Спицын, В.А.Городцов; антропологи А.П.Богданов, Д.Н.Анучин; архивисты и археографы Н.В.Калачов, Н.А.Попов, М.Н.Покровский; правоведы-историки А.Д.Градовский, В.И.Сергеевич, М.Ф.Владимирский-Буданов, Г.Г.Тельберг; многие, многие другие видные представители русской гуманитарной науки рубежа XIX–XX вв.

На всём этом фоне фигура Д.Я.Самоквасова выглядит весьма импозантно. Однако специальных работ о нём, если не считать некрологических публикаций за 1911–12 гг., да нескольких позднейших заметок в провинциальной периодике, долго, вплоть до начала 1990-х гг. в печати не появлялось. Одна из причин тому — зачисление этого автора после революции по части дворянско-монархической, реакционной историографии, чьих представителей советская цензура старалась не жаловать монографическими исследованиями. Другая причина длительного полузабвения — реальная сложность, противоречивой данной фигуры. Привлекая историографа своей широтой и своего рода уникальностью, научное наследие Самоквасова одновременно ставит перед ним нелегкую для разрешения задачу охвата большого и разнородного комплекса источников.

К ним должны быть причислены в первую очередь собственные печатные

труды ученого, изданные им самим и после его смерти. Мне пришлось впервые составить библиографию опубликованных этим автором статей, рефератов, брошюр, монографий, курсов лекций, других учебных пособий, докладов и служебных записок, сборников исторических актов, археологических дневников, атласов, таблиц, каталогов, справочников, инструкций и карт — общим числом более 200 работ (Как «Биобиблиография Д.Я.Самоквасова» этот каталог подготовлен мной к отдельному изданию). Скорее всего получившийся список всё же не абсолютно полон, хотя всё самое существенное из текстового наследия ученого он должен включить.

Логичное дополнение этой — основной группы источников творческой биографии профессора составляют рецензии на его работы в повременной печати, а также многочисленные отклики по поводу его взглядов и находок в близких по тематике трудах различных авторов. К числу последних относятся скупые упоминания его имени и отдельных заслуг в старых историографических обзорах М.О.Кояловича и В.С.Иконникова, затем в советских «Очерках истории исторической науки СССР», да в двух-трёх изданиях по истории архивного дела и археологии в России. Отечественные и зарубежные исследователи вот уже более ста лет периодически обращаются ко многим трудам Самоквасова за справками, фактами, идеями. Подобные ссылки и попутные оценки его воззрений по конкретным вопросам истории я рассматриваю как немаловажный источник своей работы о нём и выделяю в особый раздел упомянутой выше биобиблиографии.

Замечательный массив сведений о личности и достижениях Д.Я. представляют мемориальные материалы: речи коллег и учеников при похоронах профессора, объединенные затем в сборник его памяти, на который мне не раз придется ссылаться. Помимо субъективных мнений дружески расположенных и многим ему обязанных людей, сборник этот еще содержит канцелярски объективизированный и последний по времени, самый полный «Формулярный список о службе управляющего Московским архивом министерства юстиции, заслуженного ординарного профессора Московского университета, тайного советника Димитрия Яковлевича Самоквасова».

К этому же разделу источников моей темы относятся статьи (а точнее, опять-таки авторизированные стенограммы речей, произнесенных на специальном заседании Императорского Московского Археологического общества (ИМАО), посвященном памяти Д.Я.), опубликованные в полупериодическом сборнике «Древности» за 1914 г. Целый ряд некрологов

учёного поместили тогда и другие повременные издания.

Авторы отмеченных мемориальных материалов отдавали себе отчет в том, что их суждения о месте этого человека в отечественной культуре носят во многом предварительный, комплиментарный характер. Они рассматривали свои отзывы именно в качестве материалов для его будущей биографии. Ещё более причудливо и разноречиво отразилась личность Самоквасова в зеркале мемуарных изданий, принадлежащих перу учёных (К.Н.Тура, А.А.Кизеветтера, Н.И.Кареева, А.А.Спицына, В.И.Пичеты, Н.Н.Оглоблина и др.) и писателей (Андрея Белого, Михаила Осоргина).

Архивные документы о жизни и деятельности историка отложились во многих хранилищах.

Фонд Петербургского университета (Санкт-Петербургский государственный исторический архив) сохранил личные дела студентов юридического факультета Дмитрия Самоквасова и его младшего брата Ивана. На их страницах — колоритные детали нищенского быта разночинной учащейся молодежи прошлого века. Далеко не все тогда могли вырваться из тисков бедности даже в университетских стенах. По документам видно, как сумели сделать это, подняться к высотам науки братья Самоквасовы.

Отдельные фонды Российского государственного исторического архива в том же Петербурге (министерств просвещения и юстиции, где служил Самоквасов; нескольких персональных коллекций) и Российского государственного архива древних актов (бывшего самоквасовского МАМЮ) в Москве содержат деловую переписку учёного, другие материалы, начертанные его рукой или же подписанные им; а также протокольные, формулярные сообщения о различных событиях его научной и служебной карьеры; особенно ценные для биографа черновики опубликованных и оставшихся в рукописях его работ, личные документы.

Ещё больше собственно научных материалов Самоквасова по археологии и архивному делу хранят Центральный государственный исторический архив г.Москвы; рукописный и фотографический архивы Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН (бывшего Ленинградского отделения Института археологии АН СССР); отделы рукописей Российской Государственной (бывшей Ленинской) в Москве и Российской Национальной (бывшей публичной им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) в Петербурге библиотек. Здесь, а особенно полно в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве представлена

неопубликованная переписка профессора за 1870–1910-е гг. Среди его корреспондентов — почти все крупные русские и многие иностранные археологи того времени, известные специалисты по другим отраслям науки, государственные деятели из Петербурга и скромные краеведы-любители из разных губерний. По Государственным архивам Черниговской и Курской областей, куда Д.Я. приезжал особенно часто — к себе на родину, отчетливо прослеживается его немалый вклад в историко-краеведческое и просветительское движение, набиравшее тогда силу в российской глубинке.

Все эти не публиковавшиеся, а в иных случаях даже не атрибутированные работниками соответствующих архивохранилищ документы помогли восстановить различные моменты биографии Д.Я.Самоквасова, интересные подробности его научной работы и общественной деятельности.

К сожалению, по разным — субъективным и объективным причинам часть документальных материалов о нем осталась мне пока недоступной (как например письма самого учёного его коллегам-землякам, в значительной части отложившиеся в киевских архивах).

С соотношении разных сторон — так сказать, теоретической и практической — в биографии учёного складывается вполне определенное мнение. «В жизни учёного и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»[11]. «Автобиография человека, делом которого было мыслить, должна быть повествованием о его мыслях»[12]. «... Научная биография — это идеи, а не события»[13]. «... Стержнем книги об учёном должен стать сам процесс рождения и становления научной мысли»[14]. И т.п. авторитетные отзывы, издавна кочующие по автобиографиям и биографиям представителей самых разных наук, прежде всего гуманитарных.

Сформулированный на разные лады, но один и тот же вывод претендует стать уже постулатом научно-биографического жанра. Действительно, нередко жизнь исследователя, мыслителя уходит в сказанные и написанные им слова целиком, без остатка, сколько-нибудь существенного для его биографа. Согласно зоркому наблюдению, «вот уже сто лет писатели, за немногим исключением, ведут замкнутый образ жизни между своим рабочим кабинетом и кафе»[15]. Схожий с ними жребий добровольно избрали многие замечательные люди науки. Кабинетный способ существования очевидно соответствовал природе их дарования, размерам того «урока», что они себе задавали. В отшельнические кельи мира сего творческих людей часто загоняли и посторонние характеру обстоятельства: болезнь, бедность, прочие

превратности судьбы. В общем, как будто «мало для кого из добившихся успеха учёных хобби или другие вненаучные виды деятельности играют сколько-нибудь заметную роль»[16].

Выходит, жизнеописание любого выдающегося представителя творческой интеллигенции — это по преимуществу «логография» (от греч. logos — слово, мысль, разум), т.е. «мыслеописание», «идеетворчество»? Можно ли придавать всеобщность этой формуле?

Попробуем проверить её на жизненном опыте русского историка Д.Я.Самоквасова. Посмотрим, будет ли слово «деятельность» именно применительно к нему просто синонимом проделанного научного исследования. Или же на сей раз данный термин полнее отразит содержание соответствующей философской категории, а именно — совокупность мыслей, чувств и социально значимых поступков, свершений личности [17].

* * * * *

Изложенное предисловие, как и вся работа были подготовлены к печати к началу 1990-х гг. Однако с издательствами этой рукописи явно не везло — кризис научного, некоммерческого книгоиздания несколько раз преграждал ей дорогу в свет после всей необходимой редакционной подготовки. Легкая правка изложения, кое-какие дополнения выходившей со временем литературы по российской историографии однако не меняли данного текста сколько-нибудь существенным образом. И сейчас, пересмотрев рукопись в очередной раз, я внёс в неё очень мало поправок. Хотя на многие проблемы истории и историографии я сейчас смотрю несколько иначе, чем лет 10 назад, когда готовился основной текст книги. Да и общий библиографический контекст настоящего издания выходит совсем иной, нежели в 1980-е гг.: наконец-то переизданы (репринтно или критически) произведения многих дореволюционных историков, чьи имена и идеи при советской власти томились под спудом, выпущены работы о них. Эта новейшая литература ныне почти не учтена. Причем не только по недостатку у автора времени и сил на радикальную доработку текста, но и в знак уважения тем усилиям, которые пришлось предпринять моим коллегам и, в частности, мне самому, чтобы получилась возможность более или менее правдиво, без политической, идеологической (само)цензуры писать о наших замечательных предшественниках — великих историках Русской земли.

ГЛАВА I

МАЛАЯ РОДИНА – НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.

Б. Л. Пастернак. Ветер.

Будущий ученый родился 15 мая 1843 г. (ниже все даты вплоть до смерти Д.Я.Самоквасова приводятся по старому стилю, а последующие, относящиеся к послереволюционному периоду — по стилю новому) в усадьбе Самоквасовых, расположенной на берегу одного из притоков Десны, в тогдашней Рыковской волости Новгород-Северского уезда Черниговской губернии.

Отчий дом

Указание «Большой советской энциклопедии» и других изданий на место рождения Д.Я. — «имение Молотеч» — не точно. Понятное название речки, от которого позднейшими справочниками образовано имя усадьбы, — Малотечна (иначе — Малотечь) — приводится самим историком на археологических картах. Местные жители сейчас называют её запросто — Малотечка. В одной из своих работ Самоквасов поясняет, что уже к середине прошлого века то была не река, а скорее ручей от двух до трех метров шириной. Воды тут текло мало — отсюда и название. С тех пор, впрочем, Малотечка, похоже, не слишком обмелела — при посещении этих мест мне не удалось форсировать ее, не промочив ног.

Еще одна поправка связана с наименованием отчего дома Д.Я. усадьбой, имением. Сам он в различных документах называет свое родовое гнездо то в самом деле «имением», то — чаще — «Хутором Самоквасовых», «хутором Малотечь». Последнее, очевидно, будет самым точным. «Хутор, — напомню, — выражает в Черниговской губернии понятие, присвоенное в великороссийских губерниях названию «выселок». Хутором именуется поселение из одного или нескольких дворов, стоящих в большем или меньшем отдалении от селений. Этого рода населенные пункты обыкновенно располагаются в лесистых местах или на сенокосных лугах»[1]. Место рождения будущего историка подходит под такое определение как нельзя лучше.

«Хутор Самоквасов» (именно так данное поселение официально обозначалось в различных топографических изданиях за всё время своего существования. «Имение Молотечь» — плод неосведомленной фантазии кого-то из авторов энциклопедической справки) стоял в двух верстах от большого села Стахорщины [2] и проходящего через него почтового тракта Новгород-Северский — Чернигов, ниже по течению Малотечи и невдалеке от неё. Чуть дальше, ближе к Десне, находится деревня Дегтяревка. Земли в их ближайшей округе сравнительно малоплодородны, сильно изрезаны взгорьями и ложбинами, но весьма живописны. С одной стороны, к хуторским строениям подступал частично заболоченный заливной луг, а с другой — вековой сосновый бор. И тот, и другой принадлежали тогда соседям Самоквасовых — богатым помещикам. На тех батрачили до революции беднейшие крестьяне здешних мест — об этом долго, еще в 1980-е гг. вспоминали ветераны насажденного тут же колхоза «Новая жизнь»[3].

Хутор Самоквасовых существовал в Рыковской волости по крайней мере с начала XIX и по 20-е гг. XX вв.[4]. Сейчас на его месте — только заплывшие дерном фундаменты бывших построек. Ещё — остатки сада: несколько престарых, давно отплодоносивших яблонь; такая же, в обхват, груша; линия кустов орешника. А Малотечка по-прежнему журчит рядом ...

Отчего дома Дмитрий, хотя был старшим в своём поколении семьи, не унаследовал. В последних формулярных списках о его службе соответствующая графа содержит однозначное разъяснение на сей счёт: «Имения у него самого, и у его родителей, и у жены ни родового, ни благоприобретенного — нет»[5]. Самоквасовское «имение» перешло, скорее всего, к среднему брату профессора — Петру Яковлевичу (1844 года рождения). Тот служил в земской управе уезда, обремененный пятерыми детьми и плохо обеспеченный своим очень маленьким чином коллежского регистратора [6]. Самоквасовский род продолжали еще один — младший брат Иван Яковлевич (1847 г.) и сестра София (чей возраст мне не известен; очевидно, младшая).

Попутно стоит добавить: вплоть до революции «именем» называли

как настоящие дворянские поместья с обширными земельными угодьями, дворцами и службами, так и просто дачи, дома для летнего отдыха. К примеру, имениями считались и пространная Ясная Поляна Л.Н.Толстого, и скромное чеховское Мелихово. «Имение» Самоквасовых в Новгород-Северском уезде, как можно себе представить, относилось ко второй категории.

Забегая вперед, следует подчеркнуть: Д.Я.Самоквасов получал образование на государственную стипендию; жил потом всё время достаточно скромно для своего чиновного (а под старость — прямо сановного) положения, в казенных квартирах, выделяемых по должности на время службы; существовал на свое преподавательское и директорское жалованья, львиную долю которых периодически тратил на свои и чужие научные работы, экспедиции, а также с благотворительными целями. Так что по образу повседневной жизни этот потомственный дворянин и высокопоставленный чиновник суть типичный для пореформенной России образец служилого интеллигента. Один из представителей такого класса метко назвал его «интеллектуально-трудовым»[7].

Сделать разъяснение на сей счет нелишне, ибо на историографическую репутацию дореволюционных ученых уже при советской власти, в СССР нередко бросала тень абстрактная справка об их социальном происхождении [8]. Думается, тут в расчет важнее принять действительное положение в обществе и поведение самого человека, порой контрастирующие с его происхождением. Так, некоторые коллеги Самоквасова — мастистые историки, выходцы из купеческих (Д.И.Иловайский, скажем), или из бедных разночинных кругов (например, И.Е.Забелин), или даже непосредственно из крестьян (как М.П.Погодин, Н.Г.Устрялов) на склоне лет оказывались приняты ко двору и делались едва не миллионерами. Тогда как лные дворяне родом «зарабатывали» себе «только» репутацию активных противников царского режима и подвергались с его стороны репрессиям. Впрочем, в интересующем меня семействе ни того, ни другого не наблюдалось.

Семейные корни

В черниговских архивах фамилия Самоквасовых встречается несколько раз среди представителей самых разных сословий. Но установить степень возможного родства этих однофамильцев с

интересующем меня лицом не удалось. Однако социальный слой, откуда и оно вышло, по сути своей — разночинный, характеризуется с их помощью довольно отчетливо [9].

Конкретные данные о происхождении Д.Я.Самоквасова обнаруживаются благодаря стараниям графа Г.А.Милорадовича, бывшего в то время черниговским предводителем дворянства. На досуге он много и плодотворно занимался историей и генеалогией дворянства своей губернии. Сначала Г.А.Милорадович опубликовал конспективный «Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии, внесенных в родословную книгу, разделенную на 6 частей». Части соответствовали принятым тогда разрядам лиц дворянского достоинства, различались по их происхождению и, так сказать, качеству. В самых почетных частях — 1 (дворянство, пожалованное самодержавной властью и дворянство до ста лет), 4 (иностранные роды), 5 (титулами отмеченные роды) и 6 (древние благородные роды) — Самоквасовы не значатся, как и в самой обширной части 3 (дворян, зачисленных в таковые по «статской службе»). Находятся предки Д.Я. под № 789 в части 2 (военное дворянство, прибретенное чином военной службы)[10].

В более подробной же «Родословной книге Черниговского дворянства» графа Г.А.Милорадовича отмечается основоположник дворянского рода Самоквасовых — Парфентий Леонтьевич, по воинскому званию — «значковый товарищ Нежинского полка»[11]. Его сын пошел уже по «статской службе» — губернский секретарь Ананий Самоквасов — дед моего героя. И, наконец, титулярный советник Яков Ананьевич Самоквасов (1809 года рождения) — его отец.

Еще меньше известно нам о матери Дмитрия — только, что звали ее Анастасия Никаноровна [12].

Самоквасовское дворянство оказалось сравнительно новым и худородным. «Род Самоквасовых, — пояснял Милорадович, — и в том числе значковый товарищ Парфентий Леонтьевич Самоквасов, считался в правах потомственного дворянства на основании определения Новгород-Северской дворянской комиссии 1786 г. Но в 1859 г. Правительствующий Сенат [эти] доказательства на дворянство признал недостаточными и исключил их из родословной книги»[13].

Лично Д.Я.Самоквасов упомянут графом-генеалогом в «Приложении» к «Родословной книге». А именно, в разделе XVII — «Профессора университетов», за кампанию с коллегами-правоведами А.Ф.Кистя-

ковским, Ф.И.Леонтовичем, В.Н.Лешковым. Получив в своё время чин IV класса — действительного статского советника, Д.Я. вернул тем самым себе потомственное дворянство. А затем выхлопотал и возвращение дворянских прав всему их роду, а именно братьям и племянникам. В связи с чем им была собственноручно составлена нижеследующая справка:

«Род Самоквасовых:

Моисей — значковый товарищ в войске Малороссийском —

Степан — Леонтий — Парфен — значковый товарищ и после правил сотней Новомлинскою за сотника :

а) Владимир — губернский канцелярист в 1786 г. 21 года;

б) Ананий — сотенный канцелярист 1786 г. 19 лет;

в) Григорий 13 лет в 1786 г.» [14].

Указанные последними три брата Самоквасовых жили поначалу в г.Короче Курской губернии и по их устным свидетельствам восстанавливались имена и военно-служилые звания их предков, начиная с Парфена (в быту Трофима).

Для нас теперь социальное положение и место жительства родителей будущего профессора интересны прежде всего тем, что они предопределили его первоначальное и среднее образование, да, что ни говори, и воспитание. Среднее образование было получено Дмитрием Самоквасовым в Новгород-Северской гимназии. О ней, к сожалению, почти не сохранилось документальных данных [15]. Однако опубликованы достаточно подробные воспоминания её выпускников. Ведь это учебное заведение имеет немалые заслуги перед отечественным просвещением.

Гимназия

Если вы в Новгороде-Северском подойдете к прекрасно доныне сохранившемуся каменному зданию бывшей гимназии, а ныне средней школы-интерната [15], то увидите у входа целую галерею мемориальных досок. Они расскажут вам, что с 1833 по 1840 (т.е. на десяток лет раньше Мити Самоквасова) здесь учился будущий «учитель русских учителей», великий ученый-педагог Константин Дмитриевич Ушинский. А несколько позже — с 1869 по 1871, ее же окончил с серебряной медалью легендарный революционер-народоволец, техник-изобретатель Николай Иванович Кибальчич. Кроме него, здесь учился в 1875—1884

другой революционер, опять- таки народник Александр Дмитриевич Михайлов.

Помнит гимназия и других своих замечательных выпускников. Среди них — близкий друг Н.В.Гоголя, первый ректор Киевского университета, ученый-энциклопедист М.А.Максимович; писатель, этнограф и историк Украины П.А.Кулиш; видный экономист, один из идеологов отмены крепостного права в России А.П.Заблоцкий-Десятовский.

Этой школе уже минуло 200 лет. В 1789 г. в Новгороде-Северском — тогда губернском центре — открылось главное народное училище (по изданному в 1786 г. Екатериной II «Уставу о народных училищах»). Одним из первых в стране, в 1808 г. его преобразовали в гимназию (согласно очередному школьному уставу 1804 г.). «Воспитание, которое мы получили ... в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Н-ска, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях»[16]. Приведенной оценке можно верить — она принадлежит К.Д.Ушинскому, оставившему воспоминания о своем обучении в Новгород-Северской гимназии. Высокая постановка школьного дела здесь была обязана Илье Федоровичу Тимковскому (1773—1853) — университетскому профессору-законоведу, юристу-практику и писателю. Именно он в качестве «визитатора» учебного округа ездил сюда открывать гимназию, а затем (с 1825 по 1838), ища под старость места поспокойнее, сам стал ее директором [17]. Согласно отзывам просвещенных современников, в это время она пользовалась заслуженной известностью лучшей гимназии на Украине, на ее базе собирались открывать высшее учебное заведение [18].

По традиции, заложенной И.Ф.Тимковским, учители здесь занимались краеведением [19], а «воспитанники Н-ской гимназии отличались на экзаменах во всех университетах. Между ними жило ... какое-то благоговейное отношение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались. Уменье переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение»[20].

Разумеется, обстановка и в этой гимназии не представляла совершенной идиллии. Между педагогами попадались и «человеки в футлярах», а среди полутысячи учеников находилось немало лоботрясов. «Небольшая часть из этого числа гимназистов принадлежала самому Н-ску; остальные собирались из губернии ...»[21], в основном среди

многочисленных семей мелкопоместных дворян. В числе последних попал туда и Митя Самоквасов. На его счастье, и в 1850-е гг. среди гимназических учителей оставались замечательные педагоги, у которых при желании можно было получить основательную и разностороннюю подготовку [22]. Преподанные в гимназии знания не легли в память этого ученика мертвым грузом. Интерес к памятникам истории, достижениям культуры со школьных лет стал определяющим в кругу его жизненных потребностей. Источники своих дальнейших ученых трудов он всегда цитировал на языках оригиналов — по- древнегречески, латыни, старославянски, французски, немецки, английски, польски, украински. Самоквасов всегда лично отвечал на письма из разных стран Европы, ездил туда без переводчика.

В интересующий меня период историю преподавал в гимназии Ф.Л.Метлинский. «В высшей степени оригинальный, всегда серьезный, вдумчивый, вечно над чем-то трудящийся, он умел и ученикам своим, — вспоминал один из них, — внушить любовь к труду, умел будить их мысль, и предметом, который он преподавал, так заинтересовывал их, что не заниматься этим предметом считалось между учениками постыдным»[23]. Школьным питомцам всегда оставалась открыта его учительская квартира; его книгами, консультациями по истории и другим предметам, включая иностранные языки, пользовался всякий ученик, кто хотел. Много раз приходил в гостеприимную квартиру Метлинского и сам ... автор цитируемых воспоминаний, скрывшийся под псевдонимом Северянин (в смысле — житель Северской земли). Но я имею основания предполагать, что вместе с ним бывал у школьного историка и Дмитрий Самоквасов.

«А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, — предлагал К.Д.Ушинский, — но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога ...»[24].

Любой может проверить справедливость этих впечатлений, если побывает в Новгороде-Северском — его пленительный ландшафт мало изменился за минувшее столетие [25]. А я точно знаю, — «ближняя родина» была исхожена юным Митей Самоквасовым вдоль и поперек.

На первой же составленной им археологической карте родного края он обозначит все окрестности города своего детства детальнейшим образом «на основании личных исследований».

Его интересовало и прошлое, и настоящее отчей земли. В научных трудах профессора Самоквасова не редкость будет встретить живое наблюдение над этнографическими особенностями быта и труда украинских и русских крестьян. «В Новгород-Северском уезде Черниговской губернии крестьянские дома, живущие по старине...» — и далее точное и красочное описание того или иного обряда из народной жизни. Так, например, развернутая характеристика семейных отношений, норм обычного права у патриархального крестьянства России приводится в самоквасовских лекциях и учебниках без единой ссылки на источники — ими служили собственные впечатления автора, смолоду изъездившего большинство европейских губерний и областей страны в своих летних археологических маршрутах — в коляске, а то и просто верхом на лошади, по неудобьям же — пешком.

Издавна входившая в сердцевинную для восточного славянства территорию, Черниговщина как нельзя лучше подходила для возбуждения первоначального интереса к отечественной истории. Как часть Черниговской земли и Новгород-Северское княжество многократно фигурирует в летописных сюжетах борьбы русских князей друг с другом и со степными кочевниками. Этот Новгород впервые упомянут в летописи (Лаврентьевской) под 1095 г. в связи с событиями 1078–79 г., описанными в «Поучении Владимира Мономаха [26], а возникает он, конечно, пораньше. Как показали раскопки экспедиции АН СССР и УССР под руководством А.В.Кузы — ориентировочно с 80-х гг. X в., когда на месте некоего сельского поселения — летописных северян (роменской археологической культуры) здесь был воздвигнут оборонительный вал [27]. Заложенная на высоком берегу Десны как резиденция северских князей, эта крепость — нынешнее городище За'мок [28] — защищала Полесье от хищных степняков, а затем и от прочих пришлых врагов Руси-России.

Тут, а также в соседнем Путивле готовился воспетый «Словом о полку Игореве» поход на половцев: «... Трубы трубять в Новъградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ!» «Игорь ждеть мила брата Всеволода»[29]. По мнению некоторых комментаторов «Слова», именно на крепостной стене Северского Новгорода, где она жила, а не в Путивле, резиденции

князя Владимира Игоревича, как утверждается в тексте памятника, чей возраст подвергается ожесточенным спорам исследователей, могла «плакать» в тревоге за мужа и его соратников княгиня Ярославна [30]. Так или иначе, но живые идеи и образы древнерусской культуры послужили, как видно, незаменимым дополнением к системе классического образования, полученного Дмитрием Самоквасовым в гимназии.

Как выяснилось из последующих разведок и раскопок археологов, прежде всего самого Д.Я., на Черниговской и сопредельной с ней землях сохранилось немало замечательных памятников старины, самой что ни на есть отдаленной. Да и без специальных исследований здесь повсюду встречаются сооружения явно древних и средних веков — большие и малые курганы, валы и рвы по берегам рек, каменные фундаменты и целые здания из диковинно тонкого и широкого кирпича-плинфы. Среди первых народная молва выделяла могилы легендарного основателя Чернигова — князя Чёрного и его дочери, княжны Чёрны; вторые именовала старыми городищами или городками; третьи нарекла крепостями, замками северских князей-Ольговичей. Вокруг самой Стахорщины несколько урочищ назывались «курганы», «городище». При распашке этих земель крестьянам попадались старинные монеты, узорчатые черепки, металлические изделия, человеческие кости. Священник здешней церкви, покупая у находчиков самые интересные предметы, собрал небольшую коллекцию древностей [31].Набожное семейство Самоквасовых должно было познакомиться с ней. На месте их собственного хутора впоследствии обнаружились остатки поселения III–V вв. до н.э. [32].

К.Д.Ушинский на склоне лет оживленно вспоминал впечатления, что произвели на него в детстве «воинственные предания Н-ска, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений ... [33]. Золотые купола черниговских и новгород-северских храмов венчают постройки XI–XIII вв. А кафедральный Спасо-Преображенский собор в Чернигове (на погосте которого Самоквасову в свое время доведется вести раскопки) — вообще старейшее из сохранившихся до наших дней каменных зданий Киевской Руси. Эту церковь (на месте бывшего языческого капища) заложил князь Мстислав Владимирович между 1024 и 1036 гг. после своего утверждения во главе Днепровского Левобережья. Всего же укрепленное поселение славян на месте современного Чернигова

насчитывает уже около 1300 лет [34].

Знакомство со славянорусскими древностями в детстве и юности должно было в немалой степени определить направление умственного развития, повлиять на формирование личности Дмитрия Самоквасова. Малая родина, чаще всего, — источник всежизненного вдохновения. Именно Черниговская губерния и смежные с ней области былого расселения восточнославянского «союза племен» под названием «Север»[35] оказались у этого исследователя первым и навсегда излюбленным объектом историко-археологических изысканий. Практически ежегодно студент, магистрант, доцент, профессор Самоквасов выкраивал часть своего летнего отпуска, чтобы заехать сюда на раскопки или просто для отдыха.

На склоне лет, выражая свою признательность за избрание в почетные члены Ученой архивной комиссии Курской губернии, расположенной в стык со Слободской Украиной, маститый ученый счел нужным отметить: «Присоединяю наилучшие пожелания успехов деятельности Комиссии в земле, близкой мне по рождению и по началу моих археологических работ»[36].

В связи с этим не удержусь от такой параллели: о троянской войне и ее героях читали у Гомера многие поколения образованных европейцев, пока сын бедного немецкого пастора, а впоследствии петербургский купец Генрих Шлиман не поклялся найти Трою и не сдержал своего юношеского зарока. Все наши гимназисты внимали летописным сказаниям о князьях древней Руси, а их многочисленные города-крепости и пышные захоронения первым открыл сын захудалого черниговского дворянина-канцеляриста, ставший правоведом и архивистом — Дмитрий Самоквасов.

ГЛАВА II.

НАЧАЛО УЧЁНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

О. Э. Мандельштам. Петербургские строфы.

Полного курса гимназии Дмитрий не закончил. Покинув выпускной, 7 класс, он через год [1] уезжает в Ярославль держать экзамены в юридический лицей, называвшийся по имени основателя Демидовским (Точнее сказать, на средства мецената-заводчика сначала — в 1805 г. основалось в Ярославле училище высших наук, преобразованное в 1835 г. в лицей для дворян. Обучение в нем приравнивалось к университетскому).

О причинах, побудивших Самоквасова оставить гимназию накануне выпуска, нам остается только гадать. В свете дальнейшей студенческой жизни новгород-северского уроженца, едва ли будет ошибкой предположить главным мотивом острую материальную нужду в семействе Самоквасовых и надежду на казенное пособие по новому месту учебы старшего сына.

Лицеист

Как бы там ни было, в мае — июне 1862 г. девятнадцатилетний «северянин» «подвергался испытанию для поступления в студенты Лицея и ... оказал познания: в Законе Божием, в Русском, Французском и Немецком языках, в Географии, Арифметике, Алгебре, Геометрии, Тригонометрии и Физике удовлетворительные; в Русской Словесности и в истории весьма удовлетворительные; почему ... 13-го июля 1862 г. ... принят в студенты Лицея на 1-й курс»[2].

Однако уже в конце сентября того же года новоиспеченный лицеист подает «исправляющему должность председателя временной комиссии»

по управлению Петербургским университетом прошение о зачислении его «в число студентов этого университета на физико-математический факультет, по отделу естественных наук»[3]. К прошению прикладывается свидетельство из Демидовского лицея и «документ отца» о дворянском происхождении.

Опять-таки малопонятная для нас сейчас метаморфоза. Отличник по истории и литературе, избравший стезю правоведа, подается в физики... Почему? Неожиданный конфликт в лицее? Внезапная перемена призвания? Заранее обдуманный план окольного пути в столичный университет?

Образцовый аттестат из лицея говорит против первого предположения («Во время учения ... поведения был хорошего. Ныне, согласно прошению, из Лицея уволен»[4]).

Вдруг всплывший физико-математический факультет оставляет место второй догадке. Эпоха буржуазных реформ, как известно, поставила положительное знание, естественные науки в центр мировоззрения нескольких поколений передовой русской молодежи. Припомним хотя бы диалоги отцов и детей в одноименном романе И.С.Тургенева. Немало современников Самоквасова, оставивших свои имена в истории гуманитарных областей знания (скажем, археологии или фольклористики, даже богословия) первоначально или после получали естественнонаучное образование. Не тот ли перед нами «случай, один из многих: человек восемнадцати лет, с резкими гуманитарными способностями ... вообразил, что для воспитания ума, для полного философского развития необходимо заложить естественнонаучную основу»[5]?

Если у Дмитрия и был порыв в таком направлении, он оказался недолговечным. Следующие бумаги из его личного дела относятся уже к юридическому факультету, что и логично для бывшего ярославского лицеиста. Впрочем, нам теперь трудно различить причину и следствие при окончательном выборе факультета. Ведь первое его прошение «о принятии в число студентов университета» отклонили. Без экзаменов принимались тогда в высшую школу только лица, успешно завершившие полный курс обучения в гимназии или же выдержавшие испытания экстерном в том же объеме. А Самоквасов, оказалось, поступая в лицей, «не держал экзамена из латинского языка». На этом вполне законном основании попечитель Петербургского учебного округа сначала отверг прошение недавнего лицеиста, а затем, согласно новой его просьбе, допустил

к испытанию по латыни в 3-й городской гимназии.

Рапорт из канцелярии попечителя во временную комиссию, управлявшую реформируемым тогда университетом, включает донесение директора гимназии о том, что «Димитрий Самоквасов, по произведенному ему испытанию, не оказал удовлетворительных познаний в латинском языке»[6].

На нижнем поле канцелярского бланка — автограф: «Читал. Димитрий Самоквавасов». Представим себе потрясение юноши, если собственную фамилию он начертал здесь с опиской — единственный случай среди множества виденных мной его факсимиле разных лет, всегда стандартных и четких.

Тем временем шел уже март 1863 г. Выходец из Малороссии провел в Северной Пальмире свою первую зиму. На неопределенном положении бывшего (или будущего?) студента. Жизнь начала всерьез испытывать его характер — тот оказался не из слабых. Следующий лист личного дела датирован июнем того же года, когда Самоквасов экзаменовался повторно «из латинского языка вместе с воспитанниками VII класса» и «получил на испытании оценку удовлетворительно»[7]. Доступ в университет был наконец открыт и с 10 сентября 1863 г. он — студент юридического факультета.

Студент

Как раз тогда окончательно избранное им место учебы оказалось в довольно благоприятных обстоятельствах. Несколько раньше, в 1861 г. вследствие студенческих волнений Петербургский университет закрыли «по высочайшему повелению, впредь до пересмотра университетского устава». Новый, сравнительно либеральный устав 1863 г. предоставлял высшей школе некоторую автономию при решении академических проблем. Начатые в стране буржуазные преобразования потребовали подготовки специалистов, способных к их проведению в жизнь более гибкими методами, нежели те, которыми ограничивалась в своей деятельности малокультурная масса российских чиновников, в том числе и в особенности — юристов. К перестройке высшего образования подталкивало также убыстряющееся развитие наук, естественных и общественных.

На юридическом факультете, вновь открытом именно в 1863 г., увеличивалось число кафедр (восстанавливалась, в частности, упраздненная в революционные для Европы 30—40-е гг. кафедра истории иностранных законодательств); увеличивались штаты преподавателей (до 13 профессоров и 6 доцентов); расширялся набор студентов (был создан еще один, IV курс); отменялось ограничение в приеме лицами дворянского лишь происхождения. Последний пункт заметим особо. Как мы помним, Сенат лишил Самоквасовых их неподтвердившегося на поверку дворянства в 1859 г. Так что «аттестат о службе отца», вздумай университетское начальство разобраться с ним, оказался бы недействителен. Впрочем, в ноябре 1864 г. Дмитрий забрал из канцелярии университета эту бумагу, пояснив: «По случаю поступления моего брата на службу ему понадобился наш общий документ о дворянстве»[8]. Как видно, считать себя дворянами Самоквасовы никогда не переставали.

Многие из отмеченных новаций в высшей школе России опять упразднили по ходу поспешных контрреформ в области образования, начавшихся уже с 1870-х гг. Особенно реакционен оказался университетский устав 1884 г.

В бытность же Самоквасова студентом, преподавателями его факультета стали, заняв ключевые кафедры, видные для того времени представители юридической науки и смежных с ней дисциплин: П.Г.Редкин (энциклопедия юридических и политических наук с самостоятельным курсом истории философии права); А.П.Чебышев-Дмитриев (уголовное право и судопроизводство); И.Е.Андреевский (преподавал разные предметы, в том числе историю русского права, государственное право и, по своей узкой специализации, — полицейское право); Ю.Э.Янсон (статистика и политическая экономия); А.Д.Градовский (теория государственного права, государственное право иностранных держав); С.В.Пахман (гражданское право); В.И.Сергеевич (история русского права); другие, менее известные впоследствии правоведы. Деканом был профессор международного права И.И.Ивановский [9].

Д.Я.Самоквасов имел возможность слушать лекции и консультироваться у преподавателей других факультетов, прежде всего историко-филологического, где тогда находилось немало знаменитостей. Так, чтения историков Н.И.Костомарова, а затем К.Н.Бестужева-Рюмина; языковедов академика И.И.Срезневского и О.Ф.Миллера обычно

привлекали, в числе других слушателей, немало будущих юристов [10]. Судя по широкому кругу научных контактов и интересов Дмитрия сразу же после выхода из университета, он пользовался такой возможностью со студенческих лет.

А время учебы протянулось для него дольше обычного. Как видно из его личного дела, не столько по субъективным, сколько по объективным причинам, среди которых первенствовала вульгарная нищета. Перед нами в который раз разворачивается типичная история необеспеченного студента-разночинца, в общем известная хотя бы из русской классической литературы. Вот как писал о бедном студенте В.М.Дорошевич: «Жил голодно, существовал проблематично: то за круглые пятерки стипендию дадут, то концерт устроят в внесут. Два раза в год ждал, что за невзнос выгонят. Не каждый день ел. Писал сочинения на золотую медаль, — и золотые медали продавал. Учил оболтусов по 6 рублей в месяц. Расставлял по ночам литераторам букву «ять». Летом ездил то на кондиции, то на холеру.

И так кое-как кончил университет»[11].

С образом студенческой жизни Д.Самоквасова приведенное описание совпадает до мелочей [12]. На том же самом канцелярском бланке, где сообщалось было об успешной пересдаче им вступительного экзамена по латыни, уместилась позднейшая резолюция: «Об увольнении студента Дмитрия Самоквасова из числа студентов за невзнос платы за слушанье лекций. 9 апреля 1864 г.»

Читателю самоквасовского личного дела придется еще не раз пугаться подобных безапелляционных вроде бы заключений администрации. Отчисляли или же собирались отчислять этого бедного студента по той же самой причине и в апреле 1864 г. с 1 курса, и в январе, и в мае 1865 со 2-го, и в марте 1866 с 3-го. После каждого исключения «бывший студент» (как его теперь именовали в бумагах) обращался к ректору с прошением вроде следующего: «Проживая в Петербурге единственно своим трудом и получая едва достаточное для жизни содержание, я лишен возможности взнести деньги в университет, почему принужден покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об освобождении меня от взноса платы, установленной за право слушанья лекций в университете»[13].

К прошению обычно прикладывались свидетельства от квартирного хозяина и соседей о финансовой несостоятельности и справка об

экзаменационных оценках. Секретарь по студенческим делам оставлял на прошении свою ремарку: «Студент Дмитрий Самоквасов поведения очень хорошего»[14]. Раз эти документы принимались во внимание, другой — признавались неправильно формленными и тогда восстановление в студенческих правах откладывалось на несколько месяцев.

Свидетельство о бедности полагалось получать у обер-полицмейстера. Д.Самоквасов в этой связи объяснял: «По форме свидетельства я не могу получить только потому, что родные мои, от которых я ни копейки не получаю, что известно и полиции, живут вне Петербурга»[15]. А благотворительные кассы для помощи недостаточным студентам были ликвидированы после студенческих волнений 1861 г., заодно с прочими студенческими организациями.

Но 29 апреля 1865 г. факультет передал прошение несостоятельного должника «на благоусмотрение г. ректора». Тот разрешил «допустить условно до экзамена и отложить плату ... до конца мая или августа месяца»[16]. Экзамены Дмитрий в данном и остальных случаях держал успешно, а вот деньги на дальнейшую учебу находились не всегда. В результате его личное дело пополнялось очередным свидетельством об увольнении и распиской изгнанного из храма науки: «Свидетельство получил. Димитрий Самоквасов»[17].

Летом 1865 г. к нищете добавилась тяжелая болезнь, помешавшая завершить успешно начатую экзаменационную сессию. На счастье Дмитрия, один из его знакомых пригласил его в попутчики на Кавказские минеральные воды, причем взял на себя все издержки. »В виду сохранения здоровья и будучи понукаем докторами и знакомыми, — пояснял потом Д.Самоквасов университетскому начальству в очередном прошении, — я не мог отказаться от подобного предложения и принужден был отложить экзамены»[18].

История болезни Мити Самоквасова могла бы послужить прототипом заболевания и выздоровления Тёмы Карташева, описанных Н.Г.Гариным-Михайловским:

«... Старик доктор, осмотрев Карташева, долго качал головой.— Организм ослаблен. Здесь в Петербурге оставаться немыслимо. ... На юге, конечно, может быть... Во всяком случае, не теряя времени, надо уезжать»[19].

Сравним отрывок из врачебного свидетельства, выданного Д.Самоквасову 7 августа 1865 г. в управлении Кавказских минеральных

вод: «... Для поправления своего здоровья имеет необходимость прожить месяца два в одной из южных губерний»[20].

На водах компаньоны пробыли до сентября, из Пятигорской консультации привезли медицинское свидетельство. Ректор и на сей раз удовлетворил-таки прошение, подкрепленное справками; откуда-то нашлись 25 рублей серебром за учебное полугодие и Самоквасов, досдав экзамены, опять среди студентов.

Квартировал он в эти годы не где-нибудь, а в помещении Главного адмиралтейства [21]. Там, в числе других учреждений Морского ведомства, располагалось инженерно-артиллерийское училище, у инспектора классов которого, полковника Божерянова и снимал угол Дмитрий. Тот великодушно выдавал своему жильцу справки «о самых стесненных обстоятельствах», заверяемые подписью и печатью начальника училища, генерал-майора. Иной раз (как в 1865 г.) приходилось составлять целую комиссию из соседей — тоже военных преподавателей и служащих, чтобы удостоверить: «... Студент Санкт-Петербургского университета Дмитрий Самоквасов действительно бедного состояния и платить за слушанье лекций не имеет средств»[22].

Разумеется, студенчество есть студенчество и жизнь Дмитрия, тем более на брегах Невы, не ограничивалась лишениями да страданиями. Студенческие годы поминают, причем добрым словом, несколько адресатов его позднейшей переписки, бывших сокурсников. Один из них, ставший 20 лет спустя судебным следователем в Моршанске, напоминает Самоквасову о том, как тот играл в любительском театре, устроенном некими Яковлевыми. У автора письма, подвизавшегося на тех же подмостках, сохранилось их совместное фото после спектакля, «когда Вы еще были студентом ...»[23].

Восстановить душевные и физические силы помогали каникулы. Скажем, перейдя на 4 курс, Дмитрий май — август 1867 г. провел у родных, в Черниговской губернии [24]. На январь — февраль следующего, 1868 г. его отпустили из университета в Виленскую губернию, где в Дисненском уезде, имении Козловске у знакомых (или опять-таки родственников?) он провел зиму, вернувшись в столицу только в апреле. Оправданием задержки служило вновь «расстроенное здоровье»[25].

На рапорте ректору (май 1866 г.) «о зачислении Самоквасова вновь в студенты» для справки перечислены его отметки на последней сессии: «Из истории философии права — 4 [экзамен, на котором «срезался» Тёма Карташев — С.Щ.]; из истории римского права — 5; из римского права — 4; из полицейского права —5; из энциклопедии юридических и политических наук — 5; из политической экономии — 5; из финансового права — 4»[26].

Результаты его финальной сессии (май 1868 г.) также приведены секретарем на последнем прошении ректору насчет денежного пособия: «Из международного права — 4; из уголовного права — 5; из гражданского права — 4; из гражданского судопроизводства — 4; русское государственное право — 5»[27].

На старших курсах мытарства не прекратились, хотя университетское начальство подобрело к способному и порядочному студенту. Его ходатайства о единовременной денежной помощи в марте (из прошения: «... Осмелюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об освобождении меня от взноса платы или о выдаче пособия, из которого я мог бы уплатить числящийся за мной долг университету»[29]. Резолюция ректора: «Согласно с желанием просителя назначить пособие 50 рублей и употребить их на уплату долга»[30] за обучение), июле ** (из прошения: «Продолжительная болезнь привела меня в крайнее положение в материальном отношении, ... я уже 2 месяца задолжал квартирной хозяйке.... за стол и квартиру. Кроме того имею нужду в необходимом платье»[31]. Резолюция: «... Принимая во внимание засвидетельствование ... о бедности Самоквасова, его весьма хорошее поведение и успехи в науках,... выдать ему пособие 50 рублей суммы ...» [32]) и декабре (из прошения: «По крайне недостаточному состоянию я не имею возможности сделать себе теплого платья, необходимого при наступлении зимнего времени»[33]. Резолюция: «... Выдать из аптекарской суммы 25 рублей» [34]) 1866 г. удовлетворялись ректором. Последний раз Самоквасов просил ректора о воспомоществовании и получил его перед самым выпуском из университета, ибо, говорилось в нем, «по случаю окончательных экзаменов я принужден был прекратить частные занятия, которыми поддерживал свое существование, а потому в настоящее время [май 1868 — С.Щ.] не имею никаких средств»[28].

Любопытное подтверждение материальных затруднений Дмитрия в годы учебы находится в личном деле его младшего брата Ивана. Тот, окончив полный курс новгород-северской гимназии и пойдя по стопам Дмитрия, поступил на юридический факультет Петербургского университета в 1868 г. На первом же курсе Самоквасов-младший

обращается к ректору, проф. И.Е.Андреевскому с прошением о пособии: «Заплатив за право слушанья лекций, я отдал мои последние деньги и с тех пор живу в долг, в крайней нужде. ... По неопытности я не успел запастись свидетельством о бедности от предводителя дворянства, но известное университету недостаточное состояние родного брата моего Димитрия Самоквасова, получавшего стипендию, может служить доказательством и моей несостоятельности»[35].

Действительно, на последнем курсе Дмитрий получал уже постоянную стипендию по 12 рублей в месяц, что вкупе с разовыми дотациями (перечисленными только что) позволило ему, наконец, закончить в 1868 г. университет, проучившись в нем ровно на год дольше положенного срока.

Сдав выпускные экзамены в мае, он задержал представление своего кандидатского сочинения [36] до осени, почему и диплом об окончании университета получил с некоторым запозданием — 23 ноября 1868 г. В дипломе новоиспеченного кандидата прав 11 пятерок и 5 четверок [37]. Они открывали выпускнику дорогу в большую науку — из числа лучших кандидатов университет обыкновенно отбирал лиц для подготовки к преподавательской деятельности на одной из своих кафедр. Так 1 октября 1868 г. Совет Петербургского университета принял решение оставить Д.Самоквасова «стипендиатом для приготовления к испытанию на степень магистра» по кафедре государственного права, а 7 октября утвердил его в кандидатской степени. Позднее данную форму продолжения образования чаще именовали «подготовкой к профессорскому званию», имея в виду перспективу этой своеобразной аспирантуры (по понятиям нынешних времен).

Магистрант

Магистрантом Самоквасов состоял положенные два года и еще шесть месяцев. Он использовал новую тогда форму подготовки научных кадров, введенную незадолго до его выпуска. Ранее для приготовления к преподавательской и научной работе молодых людей из Петербургского университета посылали на несколько лет за границу. А в 1866 г. выделили средства — по 49 рублей в месяц — и «на содержание при университете, в течение двух лет, тех кандидатов [разных наук], которые пожелают и будут признаны достойными продолжать занятия с целью прибретения

дальнейших учёных степеней»[38]. Такими стипендиатами до 1870 г. на юридическом факультете были оставлены только Дмитрий Самоквасов да его однокурсник Кронид Малышев.

В магистратуре Самоквасов специализировался на истории русского государства и права. Эта дисциплина оказалась едва ли не самой привилегированной в высшей школе пореформенного периода — по университетскому уставу 1863 г. она преподавалась во всех российских университетатх в значительном объеме академического времени, занималось ею большинство выдающихся педагогов-юристов того времени [40]. В их лекциях и монографиях сквозь призму государственно-правовых институтов просматривалась вся история России. Эволюция власти и закона представала основным путем разрешения социальных противоречий прошлого и настоящего, залогом прогрессивного будущего страны. Хотя специальной ученой степени историко-юридических наук тогда, как впрочем и сейчас, не присуждалось (хотя предложения такие поступали) [41]. Историкам-юристам присваивались степени магистра и доктора государственного права.

Именно на юридическом факультете была, на мой взгляд, сформирована система жизненных ценностей и разнообразных научных интересов Д.Я.Самоквасова. На этот факультет в ту пору многие поступали, «вовсе не мечтая в будущем посвятить себя юридической деятельности», но сознавая, «что он был более всего общеобразователен, меньше других факультетов готовил к узкой специализации ...»[42], — писал в своих мемуарах художник М.В.Добужинский. Кроме него, высшее юридическое образование получали А.А.Блок, М.А.Врубель, Н.К.Рерих, М.А.Волошин и многие другие известные представители отечественной культуры. А крупнейший наш филолог-фольклорист А.Н.Афанасьев, вначале также закончивший этот факультет, только в Москве, вспоминал об учивших его профессорах: «Они заставляли нас видеть в явлениях сего мира внутреннее развитие и в этом развитии признавать постепенность, показали нам, что ничего не возникает вдруг и что есть законы, которые нельзя обойти»[43].

Работы своих университетских наставников Самоквасов штудировал тщательно и критически — об этом можно судить хотя бы по обширным и аналитическим обзорам литературы из первых же его собственных лекционных курсов и статей начала 1870-х гг. С иными из петербургских ученых — историков и юристов старшего поколения он потом

поддерживал творческие и личные связи, с другими повраждовывал в печати на научные темы.

Я не нашел прямых данных о том, кто руководил научной подготовкой Д.Самоквасова, но косвенные говорят в пользу А.Д.Градовского. Тематика магистерской диссертации начинающего ученого соответствует кругу исследовательских интересов этого замечательного педагога, занимавшего кафедру государственного права, при которой, напомню, этого магистранта оставили учиться дальше. Сомнений почти не остается при чтении письма Самоквасова секретарю по студенческим делам Н.Н.Погорелову — покровителю Дмитрия в годы учебы. Находясь летом 1869 г. в Москве и собирая там в архивах материалы для диссертации, тот просит «добрейшего и многоуважаемого Николая Николаевича» «ради Бога поскорее» выслать ему причитающуюся как магистранту стипендию («просто изнемогаю от безденежья»). Попутно сообщается: «Градовский уже три дня как в Москве. Вчера только виделся с ним»[44].

По возрасту Градовский (1841–1889) почти ровесник Самоквасову. Но в науку он пришел куда раньше — будучи солидно обеспечен материально, закончил Харьковский университет в 1862 г., без перерывов и отсрочек, не в пример своему земляку Д.Самоквасову; в 1866 г. защитил магистерскую, а уже в 1868 — докторскую диссертации; тут же став профессором Петербургского университета. Возрастная близость облегчала его общение с учениками. Многим запомнилась часто повторяемая этим профессором фраза: «Четыре года работы, труда — и тот же студент может сделаться товарищем»[45] своим учителям на факультете.

Влияния восходящего светила тогдашней юриспруденции и общественной мысли воспитаннику юридического факультета было не избежать в любом случае. Ибо, по свидетельству современников, «особое внимание уделял Градовский выпускникам университета, оставленным для подготовки к профессуре [как Д.Самоквасов — С.Щ.], причем не только по своей кафедре, но и по многим другим. ... Страстная любовь создавать и увеличивать ряды русской интеллигенции сказывалась ... в отношении его к ученикам. Несмотря на свои молодые годы, ни у кого из профессоров не было столько учеников, никто так страстно не относился к их успехам и неудачам. Градовский радовался, когда они шли, как он того желал, и искренне страдал, когда ему казалось, что он ошибся в молодом ученике. Не одни специалисты по его кафедре, но и вся другая

молодежь университета так же живо интересовала его. Он видел в них новых борцов за науку, а в самом высоком и прочном положении науки он видел необходимое условие торжества в будущем начал гуманности и свободы человеческой личности»[46].

Сходных принципов станет придерживаться в собственной педагогической работе и Самоквасов. В одном только — политическом плане он сохранит самостоятельность. Как был, так и останется достаточно консервативным человеком, с пиететом относясь к державным устоям царской России, проявляя иммунитет ко всем известному либерализму, фрондерству Градовского.

Скорее всего именно по этой причине отношение Дмитрия к alma mater окажется, надо признать, не особенно родственным. В дальнейшей своей научной и общественной деятельности он ориентировался больше на Москву и Киев, нежели на Петербург. Однако вовсе контактов со взрастившим его академическим сообществом не порывал, периодически общаясь, лично и эпистолярно, с К.Н.Бестужевым-Рюминым, Н.И.Костомаровым, А.Ф.Бычковым, да и некоторыми другими его известными представителями.

В свою очередь, отзывы иных столичных авторитетов (скажем, из редакций либерального «Журнала Юридического общества при Санкт-Петербургском университете» или пронароднической «Русской мысли») на ученые труды Д.Я.Самоквасова окажутся чаще всего явно недоброжелательными, даже предвзятыми. Очевидно, его официозные убеждения и поступки плохо вписывались в буржуазно-демократическими настроения, распространявшиеся тогда, в эпоху реформ и контрреформ на юридическом факультете, в Академии наук, журналистике. Затем, к концу века многие либералы сами заметно «поправеют», но соперничество с охранителями у них продолжится как бы по традиции.

А пока начинающий исследователь только выбирает свой путь и в науке, и в жизни. О направлении и результативности пробных шагов Самоквасова на учёном поприще можно судить по его первой публикации — большой статье, помещенной двумя частями в солидном «Журнале министерства народного просвещения» через год после окончания студенчества. Литературный дебют 26-летнего историка следует признать удачным. Его «Заметки по истории русского государственного устройства и управления» посвящены действительно проблемным моментам становления древнерусского государства. Автор уверенно ориентируется

в бездне источников и историографии отечественной истории, на равных ведет полемику с уже признанными корифеями этого предмета — С.М.Соловьевым, К.А.Неволиным, И.Д.Беляевым, В.И.Сергеевичем и другими очными и заочными своими наставниками в науке.

Критичность и независимость историографических суждений и оценок, обнаруженные в первой же статье, впоследствии не раз и не два будут вызывать на Самоквасова огонь ответной критики в рецензиях, книгах и даже энциклопедиях. Данная публикация выявляет и другие характерные черты стиля мышления и изложения у этого исследователя. В их числе — вкус и навык к разносторонней сравнительно-исторической трактовке категорий историко-правовой науки (в рассматриваемом опусе — понятий «вече» и «князь»); широкие, междисциплинарные интересы и подходы в гуманитарном познании (этнографические, археологические, лингвистические параллели к известиям письменных источников, что для XIX в. оставалось исключением среди историко-филологического правила начинать изучение отечественной истории главным образом по летопис..м).

Что же касается манеры текстовой подачи накопленного материала, то за ней нужно признать не одни достоинства (тщательность аргументации, логическую неуклонность мысли), но и определенные недостатки. И в дебютной статье, и в следующих печатных работах этого автора нередко ощущается рыхловатость изложения, штампованность некоторых излюбленных фраз, риторичность речевых оборотов [47]. Глубокое содержание не всегда облекалось этим исследователем в блестящую литературную форму, как то было свойственно многим его собратьям и современникам по перу исторического писателя — Н.И.Костомарову или, скажем, М.П.Погодину, в творчестве которых беллетристика успешно соперничала с наукой. Письменная, а значит и устная речь Самоквасова на десятилетия законсервировала известные архивистам особенности канцелярски-официального стиля изложения деловых бумаг середины XIX в. Впрочем, отмеченные погрешности носят внешний характер и при выписывании научных идей их значение не стоит преувеличивать. Яркая публицистичность стиля, в свою очередь, не обязательно лишена издержек в отношении научной добросовестности и долговечности облеченных ею идей и фактов.

В первой печатной работе мой автор еще не пытается решать исторические проблемы с помощью данных о памятниках материальной

культуры. Пока еще способ его аргументации по-преимуществу традиционен и умещается в рамки господствующих тогда школ исторического правоведения — так называемой государственной (юридической) и народной (бытовой)[48]. Путь энтузиаста-археолога, что предстоит пройти Самоквасову, вскоре выведет его за узковатые для исследователя глубокой древности границы письменных источников, их сугубо филологических по методической форме интерпретаций.

Смею думать, что именно дефицит источников, апробированных предшественниками и современниками — актовых, летописных, архивных памятников по тематике его магистрантских занятий, желание отличиться в них от множества небесталанных сверстников подтолкнул Самоквасова к археологии. «В архивах московских я не нашел нужных мне документов, — писал он Н.Н.Погорелову в мае 1869 г., — они или пропали в 12-м году от руки французов, или неизвестно куда запропастились [четверть века спустя, возглавив самый крупный архив России, Самоквасов вполне поймет, как и куда пропадают документы, в том числе уникальные, из отечественных хранилищ — С.Щ.]. Теперь начал писать статью, руководствуясь летописями, о состоянии городов в удельный период, которую думаю напечатать в «Журнале министерства народного просвещения» и положить в основание магистерской диссертации»[49].

Таким образом определилась конкретная тема диссертационной работы Дмитрия — «Древние города России». Соискатель магистерской степени поставил перед собой следующие взаимосвязанные задачи: выяснить время происхождения, количество и значение городских поселений в жизни Руси до татаро-монгольского нашествия. В исторической науке того времени по этим вопросам была благосклонно принята версия польского исследователя польского исследователя Адама Чарноцкого (1784–1826). Перебравшись в Россию, он писал под псевдонимом Зорян Доленга Ходаковский. Поездив с археологическими экскурсиями в 1810–20-е гг. по некоторым российским губерниям, он обратил внимание образованного общества на многочисленные памятники дохристианской истории восточных славян, оставшиеся по большей части в совершенном забвении. А именно, на следы древности в географических названиях, устной диалектной речи, вообще фольклоре, главное же — на искусственные земляные насыпи-городища. Одушевленный призыв учитывать, описывать и сохранять их составляет заслугу этого странствующего романтика от историографии перед славянской археологией [50].

Однако при жизни Ходаковский не сумел добиться признания своих действительно плодотворных идей. Парадоксальным образом довольно скоро получила распространение одна из фантастических его гипотез — все без исключения городища на землях восточных славян он называл религиозными локусами, святилищами наших предков. «Сии городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды совершались»[51], — гласил его вердикт. Кое-кто из русских ученых — К.Ф.Калайдович, П.И.Кёппен, В.В.Пассек, И.Д.Беляев — поправляли столь безапелляционное заключение и предполагал во многих городищах бывшие поселки и крепости. Но эти здравые голоса поначалу услышаны не были. Предположение Ходаковского подкрепляло тезис А.-Л.Шлёцера и его последователей, первыми получивших название норманистов, будто бы города основали на Руси пришлые варяжские князья лишь в конце IX–X вв., да и то в небольшом количестве.

Сам Ходаковский «палеонорманизма» не поддерживал. Напротив, он требовал по возможности проверять летописные «сказания» археологическими данными, чтобы избежать предвзятых, односторонних оценок первых веков древнерусской истории. Однако издатель его сочинений, крестный отец норманизма среди русских историков, — М.П.Погодин использовал богослужебную концепцию городищ для обоснования «норманского периода» — якобы стартового для отечественной государственности и культуры. С тех пор именно норманистская концепция задавала тон в отечественной историографии. Даже обобщающие труды Н.М.Карамзина и В.С.Соловьева оставляли в тени городскую жизнь славян-язычников.

Самоквасов не принял утвердившихся было среди историков представлений о древнерусском городе (вернее, об его практическом отсутствии). Магистерское исследование он начал с самостоятельного анализа письменных источников, прежде всего летописей. Он проштудировал их основные варианты вдоль и поперек под углом зрения своей диссертации. В результате появился список городских названий, во много раз превышающий допустимое коллегами молодого историка-юриста количество укрепленных поселений в домонгольской Руси.

Дальнейший ход мысли и действия диссертанта оказался вполне логичным, хотя и новаторским, даже диковинным для исторической науки того века: раз богатых и многолюдных по летописным сведениям городов

на старой Руси оказывается много, то их остатки в центральных губерниях России не могли исчезнуть без следа. Хотя Самоквасов и ругал в своих будущих книгах Ходаковского за ошибку с объяснением городищ, однако не преминул реализовать другую многообещающую мысль «Зориана Яковлевича»: по географическому распределению «искусственных земляных насыпей» можно объективно восстановить макроструктуру восточнославянского общества на стыке язычества и христианства, его социально-политическое устройство.

Сказано — сделано: летом 1870 г. Дмитрий для пробы внимательно соматривает побережья рек и прочие возвышенности по своему родному Новгород-Северскому уезду, чья территория не раз фигурирует в летописных сюжетах. Выяснилось, что на правом, возвышенном берегу одной Десны, на протяжении 25 верст сохранилось 11 древних городищ с ярко выраженными валами и рвами. Тогда как на левом, низменном ее побережье новоявленный археолог не заметил никаких следов укреплений былых времен. Очевидно, с природных высот славянам легче было следить за движениями неприятеля и защищаться от него.

Подъемный материал и разведочные шурфы на площадках городищ и прилегающих к ним местах открытых поселений позволили сделать определенные выводы. Здесь в изобилии попадались узорчатые черепки от сосудов разных форм и качества изготовления, другие бытовые отходы, иногда — орудия труда, предметы вооружения, украшения, монеты весьма архаичного облика. Первые насельники этих мест занимались отнюдь не только и не столько богослужениями, как то стремился доказать Ходаковский и его учёные душеприказчики. Славяне строили, хозяйствовали, торговали, воевали, словом — жили тут, причем с глубокой, явно долетописной древности.

Свою гипотезу селидебного, т.е. поселенческого значения большинства городищ Самоквасов изложил в декабре 1870 г. на заседаниях двух научных обществ — Русского Географического (на секции этнографии) и Русского Археологического в Петербурге. Идею молодого коллеги слушатели встретили в штыки. «Из присутствовавших на заседаниях ученых только граф Уваров высказался в пользу моего воззрения; гг. Погодин, Савваитов, Срезневский, Бычков, Калачов и Богословский высказались против него ...»[52], — с горечью вспоминал Самоквасов. А между тем, перед нами довольно-таки обычное в науке начало смены мировоззренческих парадигм, идущей по известному циклу: этого не может быть — в этом что-то есть — кто же этого не знает?

Академик-филолог И.И.Срезневский, поддерживая мнение об отсутствии у славян городов «прежде Рюрика», сослался даже на собственный опыт «раскопок». «Я лично, — заявил он, — осмотрев городища по Северскому Донцу, — Донецкое, Хорошевское и др., убедился, что в городищах имеются только остатки языческих жертвоприношений — уголь, кости, черепки, о чем заявил в своем исследовании святилищ древних славян»[53]. Выдающийся лингвист оказался, на поверку, неважным археологом, принимавшим за раскопки ковыряние в земле с выборкой оттуда наудачу отдельных предметов. Упомянутое им Донецкое городище под Харьковом представляло собой остатки поселений скифского времени, затем летописных северян (роменцев), перекрытое в древнерусское время летописным же городом Донцом. Похожую структуру содержал культурный слой Хорошевского городища [54]. Тем не менее, Срезневский совершенно резонно бросил Самоквасову упрек в ограниченности его доклада памятниками одного только уезда.

Спустя десятилетия, когда в науке окончательно утвердилась поселенческая концепция большинства городищ как оборонных, социально-экономических, административно-политических центров, а домыслы Ходаковского и Срезневского на сей счет оказались не более, чем историографическим курьезом, мысль о развитом городском укладе у восточных славян накануне христианизации выглядела простой и естественной. А тогда, когда Самоквасов начинал свои исследования, пришлось искать новые аргументы в пользу идеи, казалось бы, уже похороненной скептическими отзывами корифеев. Хотя заканчивался срок его магистрантуры, а вместе с тем и отпускавшаяся университетом стипендия, молодой ученый решил продолжить начатые поиски.

Археолог «вне службы»

Вы хранители заветов, вы — курганы,
К вам я припаду, ища забытой веры ...

Е. Ю. Кузьмина-Караваева.
Скифские черепки. 1912.

Летом 1871 г. и весной 1872 гг. Дмитрий предпринимает археологические путешествия по России. Всего им осмотрено тогда «72 городища в [11] губерниях: Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Орловской, Курской, Харьковской, Полтавской, Киевской и Черниговской — на побережьях Невы, Назьи, Лавы, Волхова, озера Ильменя, Ловати, Тверицы, Волги, Москвы, Упы, Орла, Кура, Сейма, Рати, Северского Донца, Псла, Сулы, Ромни, Трубежа, Днепра, Роси, Россавы, Дёсны, Сновы, Малотечны, Вабли, Бабинича, Воры, Судости, Клевеня и Есмани»[55].

Археолог, естественно, не ставил своей целью раскопать все эти памятники на сколько-нибудь значительной части их площади. Он нуждался в датирующем, поддающемся элементарной типологии и притом массовом, сравнительно легко и быстро добываемом материале из их культурных слоев. Д.Самоквасов описывал и зарисовывал внешние формы городищ, оказавшиеся весьма однородными; попутно им собирались индивидуальные находки с поверхности городищ и селищ, нередко распахиваемой крестьянами близлежащих сел и деревень; скупались случайно найденные местным населением древние вещицы; закладывались «пробные ямы» (шурфы, сказали бы сейчас) в разных местах наиболее типичных на протяжении данного поречья объектов; со слов старожилов записывались предания, слухи, народные названия, ходившие в устной молве насчет изучаемых мест — «городищ», «городков», «замков», «окопов», «курганов», «валов», «редутов», «батарей», согласно диалектным говорам. Как видно, этот магистрант открыл и сам же с успехом апробировал весьма эффективную методику сплошной археологической разведки целых микро-, да и макрорегионов. Много позже, уже во второй половине XX в. к перечисленным приемам (уже, конечно, качественно усовершенствованным) прибавилась только топографическая

съемка разведываемой при составлении свода памятников археологии местности.

В период работы над магистерской диссертацией Самоквасов еще не составлял собственной коллекции древностей. Находки из городищ он после обработки и изучения передавал в общественные и частные музеи. Дневники его разведок и раскопок однозначно подтверждали — городища в своем большинстве никакие не молельни, посвященные языческим богам (таковых в будущем оказались открыты единицы, да и то относительно многих остаются серьезные сомнения в их культовом назначении [56]), но «укрепленные общественные селитьбы».

«Между прочим, мной исследовано было и Дьяково городище в шести верстах от Москвы, на р.Москве, у с. Коломенского, признанное Ходаковским типичной формой городищ богослужебного значения. — Торжествовал магистрант-археолог победу в научном споре. — Бытовые бронзовые, железные, костяные и глиняные изделия, найденные в Дьяковском городище, были тогда же показаны в заседании Московского Археологического общества и переданы в его собрание древностей»[57].

Среди нескольких десятков первоисследованных тогда Самоквасовым городищ некоторые заняли центральные места в будущей классификации археологических культур, даже дали иным из них имена. Кроме Дьякова, таковы Юхновское на Десне, Трипольское на Днепре, Гочевские на Псле, Салтово в Харьковской губернии, Старая Ладога на одноименном озере и некоторые другие.

Правда, сам находчик всех этих памятников не умел еще уверенно отличить собственно славянские культурные слои от разновременных напластований, оставленных там же поселениями других народов, предшественников славян или их соседей. Ведь многие валы и рвы на высоких приречных мысах по Среднерусской равнине, тем более селища, не имели прямого отношения к славянам и древней Руси, а возникли гораздо раньше, в бронзовом и раннем железном веках, за многие сотни лет до образования восточнославянских «княжений» там же. Культурно-историческую типологию городищ уточняли следующие поколения археологов, вплоть до современных.

Они же поправили Самоквасова в некоторых его поспешных выводах. Он, скажем, ошибочно отрицал наличие неукрепленных поселений — археологических селищ у раннесредневековых славян; недооценивал в той же связи роль прилегающихъ к укрепленным цитаделям посадов;

склонен был мерить все подряд городища одной и той же меркой — первогорода-микрогосударства, центра городовой волости, т.е. полиса своего рода. Тогда как протогородские поселения I тыс. н.э., а особенно укрепления начала II тыс. н.э. существенно отличались друг от друга по уровню своего развития, социально-политическому профилю. На самом деле среди них выделяются родоплеменные центры-убежища; административно-хозяйственные и вместе с тем торгово-ремесленные центры, включая полиэтничные фактории на трансконтинентальных путях — Балто-Волжском и Днепровском; раннефеодальные замки и княжеские резиденции, пункты сбора дани — погосты, дружинные лагери, раннефеодальные замки и княжеские резиденции, «ловища» охотничьего назначения; летние лагери «бродников», кочевников; и т.д. [58].

Однако именно Д.Я.Самоквасов утвердил в науке в общем правильный подход к изучению древнерусского города как центра общественной и культурной жизни восточных славян накануне и в период Киевского государства. Он же наметил перспективные пути дальнейшего разностороннего изучения городов древней и средневековой Руси. Его приоритет в данном вопросе историко-археологического познания единодушно признается современными специалистами [59].

При этом надо заметить, что вплоть до середины прошлого века археологические работы в России практически не выходили за пределы Причерноморья. Здесь, по местам бывших скифских владений и древнегреческих колоний шла добыча «антиков» ради пополнения эрмитажного собрания произведений искусства. На другие цели Императорская Археологическая комиссия (ИАК), подведомственная министерству двора, долго отказывалась выделять деньги. Культурный слой центральных, сердцевинных областей страны поначалу игнорировался большинством историков и краеведов. Над ними долго довлело пристрастное толкование А.Л.Шлёцером и прочими «палеонорманистами» письменных источников о начале славянской истории: славяне-язычники жили, якобы, разрозненными общинами, оставались на первобытном уровне культуры, без связей с другими народами Европы и Азии, не знали государственности и правопорядка до прихода завоевателей-скандинавов. Как было бросить вызов подобным стереотипам научного сообщества? Во всяком случае, разведок, даже широкомасштабных, для этого оказалось явно недостаточно. Требовались систематические раскопки в самых археологически перспективных из осмотренных магистрантом мест.

Одно из таковых располагалось в Курской губернии, в Суджанском уезде, у Николаевской Белогорской пустыни (нештатного монастыря). Там, на правом берегу р. Псла сохранилось два городища и рядом языческий могильник, содержащий очень много, более 3000 насыпей. Эти памятники послужили Самоквасову своего рода полевой лабораторией. Раскопав (частично) 1 городища, и несколько десятков курганов в 1872 г., он обнаружил однородность и одновременность тех и других сооружений, смог их датировать — преимущественно X–XI вв. К XI в. относилась германская монета, привешенная к ожерелью на одном их погребенных в суджанских курганах [61].

Таким образом ученый установил закономерную связь городищ и курганных некрополей восточных славян как их укрепленных поселений и расположенных поблизости языческих кладбищ. Тем самым открывалась обнадеживающая возможность использовать выразительный, разнообразный и достаточно надежно определимый во временно'м и этническом смыслах вещевой материал из городищ и курганов для сравнительно-исторической типологии и социально-экономической, даже событийно-политической в отдельных случаях интерпретации. А уж тут юристу-государствоведу, что называется, и карты просились в руки. Работа Д.Я.Самоквасова о городах древней Руси стала одним из первых в историографии исторических исследований, построенных на эквивалентном сочетании письменных и археологических источников.

Таким оказался внушительный итог длительной дискуссии о предназначении городищ, который удалось подвести этому историку-юристу после того, как он решился начать раскопки памятников данного типа.

Многообещающий почин необходимого соединения древней истории и полевой археологии был положен. Причем, как с законной гордостью подчеркивал этот автор, «в короткий срок, при ничтожных расходах, единоличным трудом». Кое-какие средства на жизнь и археологические поездки после окончания магистратуры ему ссудили родственники и знакомые. Несколько сотен рублей для задуманных им широкомасштабных раскопок удалось получить у Черниговского земства и Курского статистического комитета. Дополнительно первые экспедиции Дмитрия финансировало Московское археологическое общество, основанное и руководимое перебравшимся к тому времени в старую столицу А.С.Уваровым. Именно им решено было копать «древние

земляные насыпи» не где попало, а в каждом из тогдашних уездов, на территории которых некогда, судя по «Повести временных лет», размещались племенные объединения восточных славян. Киевлянин В.Б.Антонович принялся тогда за памятники летописных полян; петербуржец Л.К.Ивановский — новгородских словен; белорус М.Ф.Кусцинский — смоленских кривичей. «А друзии сѣдоша по Десне, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣверъ» [62], — гласит летопись. Эти районы, куда входила малая родина Самоквасова — черниговская Северщина, естественно, отошли под его археологический надзор. И этот увлекшийся археологией юрист занялся дальнейшими раскопками в земле летописных северян, отложив защиту почти готовой диссертации. Наверное, многие доброжелатели отговаривали его тогда от столь бесперспективной на их обывательский взгляд траты времени и последних денег. Но именно эти раскопки принесли Д.Я.Самоквасову без преувеличения мировую известность.

Вскоре столичному ареопагу историков и филологов демонстрировалась богатейшая коллекция древних предметов, вырытых за сезон Дмитрием из нескольких городищ и 313 курганов, расположенных на той территории, которая так долго считалась в Петербурге археологически бесперспективной. Под конец полевого сезона 1872 г. он приступил к вскрытию группы курганных насыпей в городской черте самого Чернигова. Раскопки этих памятников, оказавшихся уникальными по богатству заупокойного инвентаря и порядку погребения, окончательно подтвердят смелый по тем временам тезис, согласно которому «северяне уже перед прибытием Рюрика в землю Русскую вели жизнь общественную и понимали ее выгоды, ... показывают, что северяне были не дикари»[63].

Под влиянием сделанной уваровской поисковой группой открытий оценки возможностей славянской археологии стали меняться. Оппоненты начинающего историка приумолкли, к его замечательным находкам проявили живой интерес маститые коллеги. Н.И.Костомаров назвал результаты раскопок в земле северян «новостью важной и неожиданной для любого историка»[64]. И.Е.Забелин и В.Б.Антонович просили те или иные курганные вещи для исследования [65]. И.Д.Беляев и А.С.Уваров оперативно пересказывали письма-отчеты о ходе самоквасовских работ на собраниях столичных коллег. Статьи молодого археолога публикуются

целым рядом «Губернских ведомостей», удивленных открытием таких сокровищ именно на своей, такой скучноватой на привычный взгляд местности, и «Трудов» центральных научных обществ России, их реферируют ведущие историки и антропологи Франции.

Исследования начала 1870-х гг. — старт большого пути, предстоявшего ученому. Они сформировали его методологию и методику, определили направление его дальнейших работ в археологии и истории права. Вещевой материал курских и черниговских раскопок положил основу знаменитой впоследствии самоквасовской коллекции древностей, пожалуй самой богатой во всей России среди собранных одним человеком. Теперь самому исследователю понадобился обширный фонд керамики и всех остальных изделий из городищ и могил для сравнения и типологического анализа.

Так совпало, что и в личной жизни Дмитрия Яковлевича наступил переломный момент. Проведя почти два года в своеобразной отставке, он летом 1873 г. «по прошению» поступает на службу в Царство Польское. Управляющий министерством народного просвещения утвердил его «исправляющим должность доцента Императорского Варшавского университета по кафедре истории русского права». Начался новый период научной и педагогической деятельности Самоквасова — варшавский, длившийся 19 лет — ровно половину его дальнейшей биографии.

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СЛУЖБЫ — ВАРШАВА

Он был профессор и декан;
Имел учёные заслуги ...

А. А. Блок. Возмездие.

Польская специфика

В 1869 г., незадолго до приезда Самоквасова в Варшаву, польскую Главную школу здесь преобразовали в русский университет. По сравнению с университетами, расположенными внутри империи, Варшавский был обречен считаться захудалым. Упоминавшийся выше достаточно либеральный устав высшей школы 1863 г. здесь не применялся — этот университет не мог позволить себе никакой автономии что называется по определению своему. Ведь власти не скрывали его сверхзадачи — русификации, замирения столь мятежной провинции, каким оставалось тогда так называемое Царство Польское. Привлечь сюда дипломированных и консервативно настроенных преподавателей, причем именно русских по национальности, равно как и студентов православного, на худой конец — греко-униатского вероисповеданий всегда оставалось проблемой. Ради решения таких задач, впрочем, этому университету отпустили целый ряд весомых льгот.

Скажем, тут шире обычного строились учебные программы. Студенты-юристы на первых курсах в обязательном порядке занимались целым рядом общеобразовательных дисциплин — русским языком, историями российской и всемирной, новой философией, а также профильными именно для Западного края славянскими законодательствами и еще некоторыми гуманитарными предметами [1]. Для Д.Я.Самоквасова, чьи лекции по содержанию расположатся где-то посередине между правоведением и отечественной историей, такая постановка преподавания пришлась кстати, заметно облегчала общение со слушателями и коллегами-преподавателями. В любом другом российском университете с его увлечением полевой археологией ему, пожалуй, пришлось бы туго.

Однако даже столь явному монархисту и вообще службисту, каким

скоро зарекомендовал себя Д.Я., работать в Варшавском учебном округе было тяжеловато. Польско-российские и прочие — национальные, социальные, политические, конфессиональные противоречия переплетались здесь в тугой узел с особенно каверзными интригами чиновников, выслуживавших на берегах Вислы льготные пенсии. В их мемуарах — россыпь колоритнейших эпизодов произвола сменявшихся как перчатки наместников Царства Польского и Варшавского генерал-губернаторства, беспардонного карьеризма среди их подчиненных [2]. «Со времени усмирения восстания [1830–31 гг. — С.Щ.] польское общество прожило тридцать лет под сурово-деспотической ферулой [наместника] Паскевича, подавлявшего малейшее проявление свободной общественной мысли; литература в Варшаве упала»[3], — свидетельствовал очевидец. Неудача очередного восстания — 1863 г. усугубила положение. Как раз с началом пребывания Самоквасова в российской части Польши она в официальном делопроизводстве стала именоваться просто «Привислинском краем». Тем самым подчеркивалась необходимость унификации этой земли со всем остальным государством. Однако «польское брожение» (В.И.Ленин) продолжалось.

В самом Варшавском университете наблюдалась заметная отчужденность польской части студентов от администрации с ее русофильским «сдвигом», да и вообще от православных студентов. Преподавание во всех учебных заведениях края с конца 1860-х гг. велось только на русском языке. А совещания в Совете управления Царством между русскими «чинами» и старшинами-поляками происходили на самом ходовом тогда языке международного общения — французском. «К преподавательскому персоналу, — отмечал один из его представителей, профессор Г.В.Вульф, — как к проводнику обрусительной политики, установилось со стороны студенчества совершенно отрицательное отношение и профессоры, заслужившие себе симпатии молодежи, считались единицами»[4]. Числившийся поначалу патриархальным, этот университет вскоре попал на общероссийскую орбиту студенческих волнений, что вспыхивали периодически и в пореформенный, и особенно в предреволюционный периоды по стране.

Как видно, Самоквасов выбрал Варшаву потому, что получал там сразу столь редкую для начинающего ученого и педагога самостоятельность, верную перспективу служебного роста. Но за это пришлось заплатить немалыми трудностями, даже при его сугубо лояльном отношении к

властям и лестных рекомендациях из Петербурга. Впрочем, опыта жизненной борьбы, навыков администравтиной работы, репутации разностороннего специалиста ему к тому времени было уже не занимать.

Призвание — университетский профессор

Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве ...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве ...

А. А. Блок. Возмездие.

Для начала свежеиспеченный доцент успешно защищает на юридическом факультете Киевского университета Св.Владимира магистерскую диссертацию «Древние города России». Ведущим оппонентом выступил доцент же — В.Б.Антонович (1834–1908), занимавший там кафедру русской истории. Медик по первоначальному образованию, он окончил затем,еще и историко-филологический факультет, после чего мог соперничать с Самоквасовым по разносторонности научных интересов: историк, археограф-архивист, археолог-полевик [5]. Едва ли не единственный поэтому специалист, способный по опыту личных исследований оценить заслуги диссертанта, Антонович работу земляка одобрил. По правилу того времени, она вышла в свет книгой — первой у автора.

В академической же среде ее ждал прохладный прием. Ф.И.Леонтович (еще один земляк-черниговец), европейское светило социологии — М.М.Ковалевский, некоторые другие кабинетные историки из Петербурга, возражавшие против вывода о множестве «настоящих» городов в самом начале русской истории, ответили недоброжелательными рецензиями. Д.Я.Самоквасов отстаивал свои взгляды в тех же журналах, публикуя «ответы на критику». Выиграть этот научный спор сразу ему не удалось. Прошли годы, пока перевесила его аргументация в пользу жилого и военно-административного происхождения многих нынешних городищ — былых городов. История градообразования с тех пор уточнялась и продолжает активно дискутироваться сегодня, главным

образом по части стадиальности и типологий [6]. Но обойти самоквасовскую концепцию первогородов уже нельзя. Ей отдавали должное не только отечественные, но и западноевропейские историки и археологи. И в историографию городской жизни на Руси его монография в конце концов вошла как рубежное, фундаментальное исследование.

Отдадим должное и Совету Киевского университета, поддержавшему совсем необычную по тем временам, историко-археологическую диссертацию. Ее автора без проволочек утвердили в степени магистра государственного права. Что не замедлит сказаться на должностном положении нового служащего по министерству народного просвещения. Его тут же назначают экстраординарным профессором Варшавского университета [7]. Соответственно возрастает и жалование — с 1200 до 2000 рублей в год [8].

Прибавка оказалась всьма кстати — ведь накануне, еще называясь петербургским магистрантом, он 1 января 1873 г. обвенчался в Казанско-Богородицкой церкви села Воробьевки Курского уезда с «курской помещицей деревни Клиновой, дворянкой Таисой Васильевной Шумаковой, православного вероисповедания, 19 лет»[9]. Этот брак оказался счастливым и долговечным, хотя и бездетным. Таиса Самоквасова вышла образцовой «половиной» русского профессора.

С начала их пребывания в Варшаве складывается на всю жизнь типичная для Д.Я. манера жить и работать. Осенью, зимой и весной — на первом плане университет с его лекциями, экзаменами и административными хлопотами. Столько же внимания — кабинетным трудам над рукописями статей, докладов, учебников. Наука в данном случае вполне соответствовала педагогике. Этот человек не ведал, к счастью, трагической раздвоенности многих представителей творческой интеллигенции, вынужденных добывать средства к жизни нелюбимой службой, а своему призванию уделять только скудные воскресные дни, да ночные часы после трудового дня. Одна грань самоквасовского дарования всегда отражала, поддерживала устремления другой части его широкой души.

Вводная лекция к курсу истории русского права [10], который этот профессор станет разрабатывать и читать отныне и до последних своих дней, вполне отвечает призванию жизни наставника юношества. В преподавании лектор собирается применять результаты научных исследований, прежде всего своих собственных. Студентов ориентирует

на изучение первоисточников юридического знания, освоение правильного метода их истолкования. Источниковедение истории древнего и средневекового права не мыслит без археологии, этнографии, антропологии и прочих дисциплин, дополнительных к традиционной, письменной историографии.

«Как учёный и университетский профессор, Д.Я. свой курс по истории русского права сделал особо содержательным, живым и интересным, внеся в него и свою страстную любовь к русским древностям. — Вспоминал много позднее его сослуживец по Варшаве проф. Д.В.Цветаев [11]. — Многочисленную свою аудиторию он знакомил с произведениями культуры наших предков, особенно с теми, которые он сам открывал в своих раскопках и которые свидетельствовали, что русские люди, еще в пору очень стародавнюю, жили совсем не какими-либо дикарями, а стояли на значительно высокой ступени культурного развития. Он раскрывал начала сравнительно гуманного русского права, при постепенном политическом й культурном росте Русского государства, поднявшего много народов из их первобытного состояния и принявшего под свою защиту многие племена, обреченные, казалось, на погибель в среде чуждых им турецкого и немецкого миров. При этом Д.Я. убежденно устанавлял, что Россия, при своих прочных исторических основах, вполне способна к дальнейшему неизмеримому развитию и усовершенствованию. Всем этим он вызывал в своих слушателях стремление к внимательному изучению столь важного научного предмета и вел их к внимательному изучению столь важного научного предмета и вел их к сознательному уважению русского народа ...»[12]. Столь комплиментарная оценка самоквасовских лекций в общем подтверждается независимыми информаторами.

Не всем будущим юристам историческое правоведение давалось легко. Особые трудности испытывали поляки, составлявшие среди студентов большинство. Для лучшего разъяснения своего предмета, Самоквасов, кроме обязательных лекций и семинара, еженедельно выделял часы для факультативных бесед-репетиций [13]. Согласно официальному отзыву ректора Н.М.Благовещенского, «кроме замечательных трудов молодого ученого [по археологии и истории права — С.Щ.], обративших на него общее внимание, преподавание его оказалось весьма успешным, лучшим доказательством чего служит то, что более десяти слушателей сего нового преподавателя заявили желание заниматься предметом его кафедры»[14].

Этого профессора интересовали не одни учебные вопросы, но и другие

— духовные и материальные, академические и житейские нужды студенчества. Своим ученикам он всегда старался помочь советами, заступничеством, а то и денежной ссудой. Привлекал способных и пытливых к археологическим разведкам и раскопкам в окрестностях Варшавы. Руководил их конкурсными сочинениями и кандидатскими диссертациями. Принимал на свой факультет исключенных из других университетов и посланных к нему за протекцией знакомыми преподавателями из России. Варшавское начальство несколько раз использовало авторитет профессора среди студентов, направляя его с уговорами в их протестующие время от времени толпы.

Благотворительная деятельность профессора Самоквасова не ограничивалась стенами университета. Он, как вспоминали его коллеги, «принимал деятельное участие в жизни центров единения русского общества в Варшаве. Кто бывал в Русском собрании, тот не мог не видеть, как он открывал туда доступ русским студентам и как родители охотно поручали там своих дочерей попечению такого старшины-распорядителя. Одно из общественных учреждений, где нашла себе художественное пристанище и занятие небогатая русская культурная молодежь, основалось по его инициативе и существовало при его значительной материальной поддержке»[15].

Один из бывших варшавских студентов — юрист В.Белинский писал своему учителю много лет спустя: «Вы преподали мне любовь к древностям и любимым моим занятием в часы досуга всегда оставалось чтение исторических трудов ...» Заодно корреспондент Д.Я. вспоминает, как тот оказал ему поддержку в конфликте с другим профессором и способствовал переводу на следующий курс, «о чём я никогда не забуду»[16], заверяет автор письма. В эпистолярии Д.Я.Самоквасова встречается еще несколько подобных благодарностей от студентов разных лет и сослуживцев по Варшаве.

Иные же его слушатели не разделяли археологического пафоса наставника. Вот отзыв некоего К.Н.Тура, деятеля судебного ведомства, в 1912 г. вспоминавшего свое варшавское студенчество. «Человек крупный, с сильным малороссийским акцентом, он читал нам по тетради скорее археологию, чем историю права. В сущности С—в [мемуарист «шифрует» фамилии большинства своих педагогов — С.Ц.] и был археологом и постоянно занимался раскапыванием на своей родине, Малороссии, курганов. Как профессор он был слаб и никакого понятия об истории русского права мы их его лекций не вынесли, потому что собственно её он и не читал. Мучил он нас результатами своих археологических разведок и много, очень много распространялся о древних русских городах ...»[17].

Читая столь критичный пассаж, стоит иметь в виду: на Тура-студента вообще-то было мудрено угодить. В своих мемуарах он не пощадил никого из своих университетских наставников, называя их лекционные курсы и «сухими», и «жидкими», и «скучными», и «компилятивными», и «снотворными», и «прескверными» и т.д., и т.п. На фоне подобных оценок отзыв о самоквасовских лекциях выглядит уже едва ли не комплиментом — они, по крайней мере, не компиляция, а результат собственных изысканий профессора.

«Относительно себя лично, — неожиданно завершает Тур свой педагогический мартиролог, — могу сказать, что Варшавский университет дал мне то, что я был вправе ожидать от него, как высшего учебного заведения, и уверен, что окончив не этот, а один из перворазрядных университетов, Петербургский или Московский, я не получил бы больше знаний и любви к науке, чем в считавшемся захудалым Варшавском»[18]. Очевидно, не зря этого студента, по его собственному признанию, «приводили в отчаяние» также лекции по логике ...

Для сравнения с мемуарными суждениями Тура приведу выдержку из автобиографии более известного его сверстника В.Я.Брюсова: «Незабвенный Ключевский и меня увлекал своим изложением некоторых периодов русской истории, но настоящего знания я из его лекций не вынес (разумеется, не по его вине)»[19]. Поэт демонстрирует действительно интеллигентное отношение к своим университетским учителям, не лишенным, конечно, тех или иных слабостей.

При всем том, не стоит, конечно, смотреть на порядки Варшавского университета через розовые очки. Рутины там, как видно, оставалось побольше, чем в любом другом российском университете, что подтверждается рядом источников. «Профессоры, в большинстве своём, представляли собой людей или давным-давно уже почивших на магистерских или докторских лаврах, ничего не делающих [в науке — С.Ц.] и коптящих небо ... , или людей невежественных, необразованных и неинтеллигентных, совершенно неспособных проникнуться духом науки ... , служащих не науке и просвещению, а своему зоологическому патриотизму и высшим чинам ... «[20], — констатирует один из историков высшего образования в Польше.

Но помимо посредственностей и чинодралов, коих много пребывало на кафедрах всех российских университетов, не исключая столичные [21], в Варшаве вместе с Самоквасовым трудились замечательные ученые-гуманитарии своего времени — историки, филологи, юристы. Кроме уже упоминавшегося Д.В.Цветаева, назову хотя бы известных славистов В.В.Макушева (1837–1883), С.О.Первольфа (1841–1891), П.А.Кулаковского (1848–1913); видного специалиста по истории и археологии Польши А.И.Павинского (1840–1896); историка древнего Новгорода А.И. Никитского (1842–1886); автора оригинальных исследований южнославянского Возрождения, специалиста в области римского и византийского права Д.И.Азаревича (1848–?); одного из основоположников всеобщей истории права в России Ф.Ф.Зигеля (1845–1921); первопроходца «лингвистической палеонтологии славян» и влиятельного деятеля панславизма А.С.Будиловича (1846–1908); организатора первых учительских семинарий в стране и удачливого археолога-любителя, находчика известных в древнерусской сфрагистике дроги ичинских пломб Н.П.Авенариуса (1835–1903); основателя исторической географии древней Руси Н.П.Барсова (1839–1889); крупнейшего представителя русской школы в изучении западноевропейской истории Н.И.Кареева (1850–1931); оригинального интерпретатора памятников древнерусской литературы В.А.Яковлева. А кафедру государственного права занимал здесь с 1872 по 1909 гг. А.Л.Блок. Отец великого поэта — личность оригинальнейшая, как в науке, так и быту [22]. Эпиграф к данной главе взят из незаконченной поэмы А.А.Блока «Возмездие» и относится, собственно, к Александру Львовичу, сменившему Д.Я. на посту декана юридического факультета. Впрочем, о каждом из них можно сказать другой строфой этой варшавской поэмы: «Он диссертацией блестящей / Стяжал отменные хвалы / И принял кафедру в Варшаве ...»

В таком, в общем вполне достойном научном и педагогическом сообществе окончательно сформировалась личность Д.Я.Самоквасова — исследователя, воспитателя юношества, администратора.

Должности, чины и награды, положенные Д.Я. за выслугу лет и безупречную службу, шли без задержек, а то и давались скорее, чем было тогда принято — «за особые отличия, вне правил», как отмечалось в его формулярных списках. С 1883 г. он — уже ординарный профессор по занимаемой кафедре. Через несколько лет, в 1887 г. избран деканом

юридического факультета «независимо от занимаемой должности»[23], т.е. профессуры. Перед тем его неоднократно выбирали секретарем факультета, а также судьей университетского суда [24]. А при баллотировке на деканство в Совете факультета всех его преподавателей Самоквасов занял третье место по числу поданных за него голосов после двух других профессоров, но те отказались от этого поста. Надо заметить, что Д.Я. стал здесь первым русским деканом вообще — до него все факультеты Варшавского университета возглавляли поляки, которые только и могли находить общий язык с преобладающей массой студентов-соотечественниками. Избрание Самоквасова в деканы предельно демократическим путем наглядно подтверждает доверие к нему и русской, и польской частей преподавательского корпуса.

Деканом Д.Я. проработал до конца своего пребывания в Варшаве. А незадолго до отъезда из Польши несколько месяцев исполнял обязанности ректора университета.

В университетском мире он старался сохранять принципиально центристскую позицию. Умел находить общий язык и с правыми, охранительно настроенными представителями профессуры, и с теми, кто щеголял либерализмом. Характерный эпизод сохранился в воспоминаниях Н.И.Кареева. Тот оказался в Варшаве в 1879 г. почти против своей воли, пользовался в тамошних условиях репутацией левого оппозиционера, мало с кем из коллег общался. Однажды молодой профессор имел неосторожность поддержать бойкот, который студенты устроили доносчику из своей среды (по фамилии Островидов). Назревал скандал. Против Кареева быстро составился целый заговор. «В дни этой истории, — писал мемуарист полвека спустя, — профессора Самоквасова не было в Варшаве, а когда он приехал, его некоторые русские профессора просили устроить вечеринку, пригласить на нее меня и тут сообща дать мне такой consilium abeundi [совет удалиться — С.Щ.], чтобы и духу моего не было в Варшаве. Он от этого отказался, а он был единственным из русских членов совета, у которого я изредка бывал. Тем не менее при встрече в профессорской Самоквасов устроил мне сцену, заставившую меня прекратить с ним знакомство. Только много позднее, когда и он постиг всю суть островидовской истории, он чистосердечно просил у меня прощения и рассказал, как отклонил заговор против меня»[25]. В интепретации Самоквасова описанная сцена выглядела бы, вероятно, иначе. Но объективность точки зрения, собственный кодекс чести

просматриваются, на мой взгляд, в поведении обоих героев этой истории, какие нередко случаются в подобных «террариумах единомышленников» — университетах да академических институтах.

«Не говоря о нас, русских, — подчеркивал Д.В.Цветаев, — и польские профессора признавали, что его отношения были согласны с чувством справедливости»[26]. «Особые отличия» этого профессора и декана, причем на оккупированной, по сути, Россией, но не покорившейся захвату территории, состояли в инициативном и умелом выполнении им такого большого объема служебных поручений и общественных обязанностей, какой было не предусмотреть штатным расписанием по всем его должностям.

Другая профессия — археологические раскопки

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь ...

В. И. Тютчев. 1871 г.

При всей своей занятости Самоквасов оставался радушным хозяином у себя дома. Притоку гостей способствовала его замечательная коллекция археологических находок. Собрание древностей разных времен и народов увеличивалось с каждой поездкой профессора на раскопки. В поисках городищ и курганов, над их изучением он проводил ежегодно два-три месяца летних, причитавшихся ему по должности каникул. Преодолев донаучный синдром кладоискательства, археологи самоквасовского (по сути первого в России по этой специальности поколения) и на правильных раскопках сохранили романтику творческого поиска. Мемуаристы, не сговариваясь, отмечают у Д.Я. восторженное любование древностями, эмоционально окрашенное отношение к археологическим находкам. В заключение одного из деловых писем Самоквасова А.В.Половцеву встречаем такой пассаж: «У нас уже настоящая весна: теплота, трава, цветы, деревья распускаются, тянет за город, чаще вспоминаются картины летней жизни на курганах ...»[27].

Для многих тысяч найденных им раритетов университет в конце концов выделил специальное помещение в своем здании. В назначенные часы владелец сам знакомил преподавателей, студентов и всех желающих с этим личным музеем. Экскурсантам объяснялось историко-культурное значение разных экспонатов, рисовались обстоятельства их обнаружения, живописались любопытные перипетии археологических экспедиций. И ... «его речь нередко превращалась в целую импровизированную лекцию, полную искреннего увлечения. Приятно было также смотреть на него, когда он каждую вещицу бережно укладывал в назначенное ей местечко, прикреплял, описывал, занумеровывал»[28]. Полевая археология окончательно стала второй и любимой специальностью Самоквасова.

Польская земля с ее богатейшим историческим прошлым благоприятствовала увлечению древностями. По берегам Вислы и ее притоков внимательному прохожему сплошь и рядом встречается ценный подъемный материал. «Кроме глиняных горшков, кусков угля — попадаются на песчаной поверхности кремневые стрелки, наконечники копий, ножи, пилочки, топорики в таком значительном количестве, что первоначально ученые считали эти места старинными фабриками орудий»[29]. Исходив кремненосные дюны, Самоквасов счел их «местами постоянных общественных поселений людей каменного века». Особенно интересны в археологическом отношении оказались окрестности варшавского предместья Праги, где профессор неоднократно производил поиски и показательные раскопки с участием студентов. Открыв здесь каменную индустрию многотысячелетней давности, Самоквасов потом с успехом перенес опыт польского палео- и неолитоведения на украинские и южнорусские губернии. Как раз в эти годы и был открыт каменный век в нашей стране [30] и Д.Я. принял в этом участие.

Некоторые поляки — профессоры и помещики-любители старины с увлечением и знанием дела собирали коллекции каменных орудий и прочих древностей. Польша, как-никак, это гораздо больше Европа, чем наша Россия. Все крупные города Польши располагали историческими музеями. На археологию ориентировался целый ряд польских периодических изданий — варшавских, познанских, краковских, львовских. Паны археологи отсюда часто ездили на экскурсии и раскопки во Францию и Италию, а Самоквасов ежелетне — в Россию. Так что по возвращению домой им было чем поделиться друг с другом из свежих полевых и музейных впечатлений. Граф Ян Казимир Завиша (1820–

1887). Ежи Тышкевич, Болеслав Подчашинский, Иосиф Пржиборовский из Варшавы, Готфрид Оссовский и Адам Киркор из Кракова — их многолетнее сотрудничество с Д.Я. на ниве археологии представляет интересную страницу российско-польских научных связей последней трети XIX в.

Археологические занятия требовали денег и немалых. Разъезды на тысячи верст; наем землекопов и транспорта для вывоза грунта из раскопов, причем в самое горячее время полевых работ, когда на селе рабочие руки особенно дороги и нарасхват; упаковка и перевозка массы находок; покупка редких вещей для пополнения коллекции сравнительным материалом; публикация результатов раскопок в частных типографиях; оформление планшетов и витрин домашнего музея; приобретение книг, альбомов и карт; — все эти и другие запросы археологии обходились Самоквасову по тысяче и более рублей ежегодно, выкраиваемых из жалования.

«Частные средства мои недостаточны и дальнейшее продолжение раскопок на собственные средства было бы для меня очень обременительно, — говорилось в прошении археолога министру просвещения Д.А.Толстому, — и, во всяком случае, недостаточно для ведения исследований в тех размерах, каких требует их важность для русской истории»[31]. Эпизодическая поддержка небольшими суммами от университета положения не спасала. О финансировании раскопок пришлось хлопотать в высших эшелонах власти. К решению вопроса подключились Русское в Петербурге и Московское Археологические общества, чьи руководители имели влияние при дворе, а также варшавский генерал-губернатор и великий князь Константин Николаевич. Канцелярское (ныне архивное) дело о назначении археологу государственной субсидии включает в себя 34 документа. Его просьбу — надо признать, беспрецедентную по тем временам — неоднократно докладывали по инстанциям ректор университета и попечитель учебного округа, министры финансов и народного просвещения. Наконец, по «всеподданнейшему докладу» последнего Александр II в августе 1875 г. «всемилостивейше соизволил» согласиться на пожалование варшавскому профессору «пособия из сумм государственного казначейства для исследования древних земляных насыпей и издания его результатов». Ассигновывалось 500 рублей в год «с отпуском этого пособия за каждый год вперед в течение 6 лет, начиная с 1876 г.» Это вышла половина той

суммы, что просил Самоквасов. Для сравнения: членам Императорской Археологической комиссии на раскопки классических древностей ради пополнения сокровищницы Эрмитажа выделялось ежегодно до 5000 рублей.

По окончанию указанного срока профессору, при поддержке влиятельных при дворе лиц — сенатора Н.В.Калачова и графа А.С.Уварова, удалось ненадолго продлить царское пособие: 1881 г. — 500 рублей; 1882 — 1000; 1886 — 300. Казенных денег, впрочем, археологу всегда не хватало и он постоянно доплачивал и за раскопки, и за печатание своих книг о них из собственного кошелька.

Как бы там ни было, Д.Я.Самоквасову удалось положить историографически и, я бы сказал, политически знаменательный почин государственного финансирования археологических раскопок в центре страны, причем производимых не министерской, а провинциальной, даже частной экспедицией. Тем самым был сделан еще один шаг на пути официального признания археологии в нашей стране как науки и составной части отечественной культуры.

С Уваровыми, в Московском Археологическом обществе

Нас мало. Нас может быть трое ...
Мы были людьми. Мы эпохи.
Нас сбило, и мчит в караване ...

Б. Л. Пастернак. 1921 г.

Варшавский период отмечен для Самоквасова активным участием в деятельности нескольких учёных обществ и организаций, что возникали тогда в России. Сначала, в 1873 г. его избрали членом-корреспондентом как раз незадолго перед тем основанного Императорского Московского археологического обществе (ИМАО). Сюда начинающего археолога привлек основатель и руководитель Общества, граф Алексей Сергеевич Уваров, «разглядевший в молодом ученом (Д.Я. было тогда 30 лет) и необходимые познания, и энергию, и умение разбираться в вопросах, и, главное, настоящую любовь к делу изучения родной старины»[32]. Так вспоминала жена, помощница и преемница графа по управлению ИМАО Прасковья Сергеевна Уварова. Сотрудничество с этим обществом и

дружеские отношения с уваровским семейством красной нитью проходят сквозь всю дальнейшую биографию Самоквасова [33].

Заслуги супругов Уваровых перед русской наукой и просвещением долгое время замалчивались, а то и отрицались в советской историографии. Далеко не полные справки об археологических работах графа перестраховочно заключались таким ярлыком: «Политические взгляды Уварова (1818–1884) отличались крайней реакционностью»[34]. Что уж говорить о мировоззрении графини Прасковьи Сергеевны (1840–1924), урожденной княжны Щербатовой. Она, между прочим, по наблюдениям современников, — прототип Кити Щербатской из «Анны Карениной». Представители аристократических фамилий, они с мужем и многими, очень многими не столь титулованными деятелями того времени действительно разделяли убеждения (и предубеждения) своего — господствующего в царской России сословия. Однако смешивать этих людей с воинствующими реакционерами от политики неправильно. «В России, — объясняет А.А.Формозов, — всегда было много таких специалистов, как Уваров: знающих, работящих, чуждавшихся политики и делавших свое полезное дело»[35]. Именно к этому типу дореволюционного ученого — так сказать, практического патриота — принадлежал и Самоквасов.

Аполитичность данной группы пореформенной интеллигенции на поверку выходит относительной. С моей точки зрения, политика интересовала их прежде всего в связи с практическими задачами развития науки и культуры. Проводя очередной всероссийский съезд археологов в разгар первой русской революции 1905 г., когда в Москве шли баррикадные бои мятежников с правительственными войсками, а по всему югу России крестьяне штурмовали и жгли помещичьи усадьбы, П.С.Уварова и ее окружение говорили «о психозе, который не должен коснуться мирных скромных ученых занятий над памятниками родной старины». Подчеркивая свои верноподданные чувства и монархические взгляды на публике и в печати, уваровцы искали не личных выгод. Деньги и привилегии у них были и без того. Но в условиях тотальной бюрократизации общественной жизни, узкоклассовой политики последних Романовых обеспечить действенную поддержку «мирным учёным занятиям» удавалось, только используя личные связи среди столичных сановников, губернского дворянства, купечества и земства, а в идеале — напрямую заручившись формальным (более или менее) покровительством

кого-то из членов царствующей династии. «Какое дело тому или другому министерству до каких-то архивов? — Писал Самоквасову его единомышленник по безуспешным попыткам архивной реформы А.Н.Львов. — Нужно, чтобы во главе их стояли Калачовы, Уваровы и т.п., чтобы министерства поняли, насколько вопрос архивный важен и для них ...»[36]. А ведь кроме архивов неотложного внимания требовали многие другие учреждения и памятники культуры. Научные и общекультурные проекты и свершения А.С.Уварова и его сподвижников оказались куда шире и долговечнее, нежели камуфлировавшая или рекламирующая их когда-то официозная идеология царской империи.

Уваровское общество в Москве первым в нашей стране открыло двери своих заседаний и прочих мероприятий для широкой публики, не ограничиваясь узким кругом специалистов. Граф придумал удивительно эффективную форму объединения живых гуманитарных сил почти всей России — Археологические съезды (АС). С конца 1860-х гг. и до первой мировой войны они регулярно, в среднем раз в три года проводились в Москве (дважды), Петербурге, Киеве (дважды), Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле, Вильне, Риге, Харькове, Екатеринославе, Чернигове, Новгороде, Пскове (подготовлен к 1914 г., но не проведен из-за войны с Германией).

Чтобы по достоинству оценить содержание их работы, надобно иметь в виду, что понятие «археология» в прошлом веке трактовалось гораздо шире нынешнего. Кроме вещественных, ископаемых древностей к ведению археологов относили всю остальную старину — рукописную, книжную, архитектурную, иконописную, фольклорную, этнографическую, нумизматическую, ювелирно-антикварную. Соответствующие секции каждого съезда обсуждали вопросы, намеченные и разработанные членами общества заранее. Для подготовки следующего съезда создавались обычно два комитета — московский и региональный. В их составы, как потом и в число руководящих органов самого съезда, избирались наиболее опытные, энергичные и авторитетные представители разных учреждений науки и культуры, опять-таки и центральных, и местных; и государственных, и общественных, вплоть до иностранных. Так, Д.Я.Самоквасов на первых АС представлял Варшавский университет. Финансировали и вообще опекали проведение съездов министерства просвещения и внутренних дел, среди обязанностей которых значилась курация древностей. По сути, перед нами некий прообраз нынешнего Российского Гуманитарного

научного фонда, который через систему грантов поддерживает наиболее перспективнеы исследования по общественным наукам в стране. Так сто лет назад и ИМАО, получая ежегодно толику казенных, толику благотворительных денег, перераспределяла их на экспедиции и печатные издания к очередному съезду.

Со временем вокруг ИМАО сложилась разветвленная сеть по сути его филиалов в виде десятков краеведческих органов, многие со своими музеями, библиотеками, архивами. Это Губернские статистические комитеты (ГСК) МВД, Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), церковно-исторические общества, объединения гуманитариев при университетах и лицеях. При практическом отсутствии бюджетных ассигнований на охрану и изучение исторических памятников, деятельность таких центров региональной археологии оказывалась незаменимой, полезной, хотя и страдала нередко дилетантизмом. И объединенные на местах в такого рода кружки любители старины, и археологи-одиночки в качестве членов и сотрудников ИМАО ощущали вдохновляющую сопричастность общему делу. По заданию этого Общества они производили археологические разведки и раскопки, этнографические наблюдения, архивные разыскания, прочие исследования, причем главным образом по тому макрорегиону, где собирался очередной съезд. Десятки большеформатных томов — «Трудов» всех 15-ти съездов и полупериодического сборника ИМАО «Древности» легли в основание отечественной археологии. Проштудировав их, человек с гимназическим, университетским образованием по сути получал специализацию по археологии и древней истории. Работа съездов широко освещалась периодической печатью, вовлекала в себя все мало-мальски образованное губернское общество, получала и международный резонанс благодаря постоянному присутствию иностранных делегатов — светил европейской науки. Своеобразной кульминацией уваровской программы по развитию отечественной археологии послужило создание Исторического музея в Москве, на Красной площади.

Именно маршрутами на уваровские съезды был предопределен широчайший географический размах раскопок, произведенных Самоквасовым за 1870–90-е гг.: «Между Вислою и Тереком, Черным морем и рекою Москвою», согласно его собственному определению. В изданиях ИМАО этот автор опубликовал большинство своих работ на археологические, а затем и на архивные темы. За его удивительной

научной продуктивностью стояла мощная по тем временам коллективная организация Московского Археологического общества.

Все эти годы Самоквасов представлял интересы ИМАО в Польше. Путем интенсивной переписки [38] и при частых встречах с Уваровыми он сообщал им о здешних раскопках, случайных находках и о частных коллекциях, новых публикациях на археологические темы; помогал составлять программы каждого съезда, комплектовать съездовские выставки, редактировать печатную продукцию Общества; привлекал к сотрудничеству с ним новых работников, причем не только в Польше, но и в хорошо знакомых ему украинских и южнорусских губерниях. Доклады самого профессора и его показательные раскопки на любом АС привлекали общее внимание. Вот характерный момент: довольно подробно изучив по архивным источникам взаимоотношения Самоквасова и Уваровых почти за полвека, я не заметил сколько-нибудь существенных разногласий, отчуждения между ними. И это при том, что научная биография Д.Я.Самоквасова пестрит ожесточенными спорами, затяжными конфликтами с противниками его идей и практических начинаний. А для графа и графини он всегда — «добрейший, любезнейший Дмитрий Яковлевич...» Почти маниловское родство душ, единство жизненных позиций. Не случайно именно Самоквасову поручили на Тифлисском съезде объявить о награждении руководителя Общества памятной золотой медалью и с изображением профиля А.С.Уварова «ввиду научных и общественных заслуг» графа.

«Приняв на себя трудное дело охраны вещественных памятников истории культуры наших предков, граф Уваров первый вооружился против варварского их разрушения и бестолкового, ненаучного их собирательства», — сказал тогда оратор. Перед нами меценат в лучшем значении этого слова. Он щедро финансировал многие археологические предприятия из собственных средств и, пользуясь влиянием при дворе, добивался казенных субсидий на те же цели. «Мало того, несмотря на все неудобства, трудности, неприятности, всегда сопровождающие практику археологических работ, граф Уваров собственным примером учит молодых исследователей, как должны быть раскапываемы пещеры, городища, курганы, дольмены и другие памятники древности, как должны быть описываемы их устройство и содержание. Кто из нас, русских археологов, не обязан графу Уварову, всегда доступному, всегда готовому поделиться с нами его обширными познаниями, признанной опытностью и богатыми материалами, собранными в его бесценных коллекциях»[39].

Именная уваровская медаль была изготовлена на собранные тогда же делегатами тифлисского съезда деньги и вручена графу в 200-м заседании Общества 2 октября 1882 г.[40].

В свою очередь, Самоквасов оправдал надежды Увпрова как отца славянорусской археологии в наибольшей, по сравнению с другими его последователями степени. Подлинной сенсаций стали раскопки, произведенные варшавским профессором в родном Чернигове и его окрестностях.

Черная могила и ее сокровища

Друг веков, повсеренный преданий,
Ты один средь братии своей
Сохранил сокровищ и деяний
Вековую тайну от людей.

А. А. Фет. Курган.

Черная могила — огромный курган на территории нынешнего Чернигова. Его высота достигает 11 метров, длина по окружности — 125, диаметр основания — свыше 40. Согласно местному народному преданию, здесь покоился легендарный основатель Чернигова — князь Чёрный. А в соседнем кургане более скромных размеров — его дочь, княжна Чёрна. Эта меньшая могила была уничтожена строительством здания в начала XIX в. Обнаруженные в ней воинские доспехи и драгоценности — разграблены и безвозвратно утрачены для науки. Занявшись по договоренности с ИМАО памятниками Северянской земли, Самоквасов не мог обойти ее главных по размерам и местоположению археологических объектов. В 1872 г. он начал раскопки самого большого кургана, находившегося в огородах Елецкого монастыря. Завершил их на следующий год. Эти два полевые сезона — звёздный час археолога. В самом начале многолетнего, многотрудного, изобиловавшего редчайшими находками похода профессора за древностями, случилось главное открытие всей его жизни. Первооткрыватель оказался достоин уникального памятника, чудом дождавшегося внимания ученых. Самоквасов образцово для своего времени ввел черниговский некрополь в научный оборот: точно описал структуру курганов, реконструировал сложную процедуру

захоронений, до мельчайших деталей сохранил вещевые комплексы из них и положил начало исторической интерпретации зафиксированных тогда археологических фактов.

По исключительным размерам земляной насыпи, по богатству и разнообразия заупокойного инвентаря, Чёрная могила не имеет себе равных среди множества славянских и древнерусских погребений. Как выяснил Самоквасов, здесь покоились останки двух мужчин, взрослого и юноши, и женщины. С точки зрения археолога, то были представители правящей в Чернигове на закате язычества княжеской династии, они же военачальники и жрецы. В последний путь их сопровождала то ли родственница (жена одного из них?), то ли рабыня-наложница — традиционная жертва погребального культа знатных людей на вершине язычества. В пользу гипотезы о княжеском достоинстве покойников из Чёрной могилы говорит целый ряд обстоятельств: выдающееся положение памятника на местности — видимый со всей округи высокий берег Десны, возле самих городских стен столицы княжества; колоссальный ручной труд массы людей, затраченный на возведение искусственного холма размером в современный четырехэтажный дом (для раскопок центральной части насыпи затрачено до 1500 человеко-дней); необыкновенная пышность погребального обряда. Последний содержал три стадии: кремация покойника где-то на стороне; возведение половины насыпи с тем, чтобы поместить наверху извлеченные из кострища предметы и совершить вокруг них поминальный пир-тризну; досыпка холма на полную вышину и установка на его вершине с кирпичной отмосткой памятного знака из дубового дерева (почти не сохранившегося). Готовый курган окружал ров шириной около 7 метров, позднее засыпанный.

На кострище и в насыпи Чёрной могилы оказались многочисленные образцы вооружения, атрибуты религиозного культа, орудия труда, предметы быта, ювелирные изделия, даже игрушки. В числе находок выделялись: пара турьих рогов — ритуальных кубков в серебряных чеканных оправах (одна с растительным орнаментом, а на другой изображен былинно-сказочный сюжет: мужчина и женщина с прической-косой стреляют из луков диковинную птицу); два длинных жертвенных ножа; бронзовая, первоначально позолоченная статуэтка языческого идола (скандинавского Тора?)[41]; два полных комплекта оружия и брони, причем первый большего, а второй малого размеров — железные шлемы, кольчуги, мечи, боевой топор, боевой нож для левой руки-скрамасакс

(долго принимавшийся исследователями, начиная с Д.Я., за саблю); 10 наконечников копий; 5 боевых ножей засапожного типа; фрагменты щитов из дерева с медной оковкой; принадлежности конской сбруи; остатки золотого шитья головного убора; кусок шелковой ткани; серебряные и бронзовые пуговицы; женские украшения — браслеты, перстни, серьги, бусы, застежки, булавки, костяные гребни; игральные бабки и фишки; замок и ключи; 10 железных серпов; долота, оселки; металлическая, глиняная и деревянная посуда (целая и в разрушенном виде); кости домашних животных, злаковые зерна и, наконец, две с половиной золотых византийских монеты, позволившие довольно точно датировать погребение второй половиной X в. (младшая монета — половина милиссиария Константина VII и Романа II — 945–959 гг.).

Предположения насчет общественно-политического ранга и народности лиц, похороненных в Чёрной могиле, высказывались разные. Сам Д.Я. настаивал на том, что перед нами князья северян, может быть, последние перед окончательным покорением Днепровского Левобережья Киевом [42]. Затем в исторической литературе возобладала мысль о посаднике Киева [43], не исключено даже — летописном воеводе Претиче, который спас Киев от осады печенегов в 968 г. [44]. Недавно вновь высказана мысль о самостоятельных — чернигово-северских династах, скорее всего скандинавов по происхождению, как и первые новгородско-киевские Рюриковичи [45]. В пользу этого последнего предположения говорит целый ряд колоритных деталей погребения, обнаруженных в процессе реставрации вещей из Чёрной могилы при их подготовке к выставке «Путь из варяг в греки...» (Москва, 1996) и обновленной экспозиции ГИМа (1997) [46]. А именно, ладейные заклепки [за любезное сообщение о них благодарю В.Я.Петрухина]; оказавшаяся на самом деле скрамасаксом «сабля» [любезное сообщение И.Г.Сарачева]; позолоченная «при жизни» [47] статуэтка Тора (?). Это всё детали, весьма характерные для погребений именно «руси» — полиэтничной, но в основе своей варяжской, скандинавской дружины эпохи викингов, племенных княжений славян и их соседей (включая Хазарский каганат) в Восточной Европе [48]. Добавлю к сказанному, что погребение мальчика по самому почетному обряду косвенно подтверждает его принадлежность именно ко княжеской династии — ведь в этом случае не возраст, не жизненные заслуги, а именно знатное происхождение диктовало его социальный, а следовательно и загробный статус. Другие

декоративные моменты данного погребального комплекса наводят новейших исследователей на мысль об участии в сооружении Чёрной могилы представителей степных по происхождению, тюрко-иранских традиций, не исключено — хазарских воинов [49]. Что вполне соответствует современным представлениям об этнокультурном синтезе, породившем на рубеже I и II тыс.н.э. культуру древней Руси.

К одной эпохе с Чёрной могилой относились расположенные в ближней и дальней черниговской округе могильники — дружинные кладбища IX–XI вв. Самое близкое, на Болдиных горах возглавляют два кургана под стать Чёрной могиле — Гульбище (высота 8,5 метров) и Безымянный (7 метров). Археолог раскапывал их в том же 1872 г. вместе с несколькими малыми насыпями из этой, а также прочих курганных кладбищ (Стародуб, Седнево, Рыково). Первые два, самых больших кургана содержали почти столь же пышные погребения воинов, что и Чёрная могила. По-видимому, здесь покоились черниговские бояре или другие представители старшей дружины местных династов или наместников. Наличие в Гульбище зооморфного остроконечника из круга дружинных древностей наводит на мысль о принадлежности и этого покойника варяжской «руси»[50]. Вещи из Гульбища вообще чрезвычайно примечательны — они в полтора раза превышают среднюю величину современных им аналогов. Так, найденный здесь меч — самый крупный среди известных древнерусских мечей (длина — 126 см, ширина клинка 6,5 см) и мог служить человеку явно богатырского телосложения, как и сопутствовавшие ему стремена и др. находки отсюда. Судя по арабскому дирхему, чеканенному не ранее последней четверти IX в., данный курган оказывается постарше Черной могилы.

Все найденные в черниговских курганах вещевые комплексы — до тысячи отдельных предметов впервые демонстрировались на выставке III Археологического съезда в Киеве, состоявшемся в 1874 г. Впечатление они производили незгладимое. Широкая публика могла воочию созерцать выразительные приметы жизни предков, населявших эту землю в былинные времена. Самоквасов выступил на съезде с двумя докладами — об историческом значении городищ и о курганах как исторических источниках [51]. Ученые, наши и иностранные, съехавшиеся тогда в Киев из многих десятков университетских и академических центров, получили небывалую пищу для размышлений. Первые века русской истории приобретали по данным раскопок новое, удивившее большинство из них освещение.

Киевский профессор В.З.Завитневич так сформулировал общее мнение о черниговских находках: «Оказалось, что у тех же северян языческой эпохи, которые, по словам летописца, «живяхе в лѣсе, якоже всякий зверь, ядуще всё нечисто», уже существовали «политические союзы», видны следы «неравенства общественных классов», существовали «отдаленные торговые сношения». В одежде, костюме, вооружении, занятиях, домашней обстановке, верованиях язычника-северянина видны несомненные следы значительного культурного развития»[52].

Не так давно воображение зрителей черниговских находок Д.Я.Самоквасова наконец подкреплено замечательно красочными и реалистичными реконструкциями-портретами воинов, упокоенных в этих курганах. Эти реконструкции выполнены художником О.В.Федоровым по реставрированным коллекциям ГИМа и пока опубликованы лишь частично [53].

Но источниковедческий удар, нанесенный историческому сознанию открытиями в Чернигове, ощущался с самого начала. Н.И.Костомаров, которого ведь трудно было провести на «историографической мякине», отмечал в автобиографии: «Из рефератов, читанных в заседаниях съезда, любопытны были особенно те, которые относились к земляным раскопкам, совершенным в юго-западном крае России, и из них первое место занимали труды варшавского профессора Самоквасова, производившего поиски в окрестностях Чернигова и привезшего на съезд множество разных металлических, костяных и каменных вырытых вещей ...»[54].

На киевском съезде решили продолжить систематическое, поуездное изучение археологических памятников, сохранившихся по областям расселения племенных объединений восточных славян. Пожалуй, именно тогда их древности во мнении историко-археологического сообщества уравновесились наконец с древностями античными, а славяно-русская археология встала вровень с письменными источниками отечественной истории.

Почти все элементы обрядности черниговских курганов с кострищами совпали с оставленным очевидцем, арабским географом Ибн-Фадланом подробным и живописным описанием похорон знатного руса-купца. Известная картина Г.И.Семирадского на эту тему писалась для интерьера Исторического музея в Москве, где хранятся могильные древности из Чернигова, как бы с натуры — по материалам раскопок Самоквасова и свидетельствам письменного источника. Согласно остроумному замечанию

Д.И.Багалея, рассказ Ибн-Фадлана представляет своего рода протокол раскопок Чёрной могилы.

Как я уже отмечал, среди историков и искусствоведов сразу возникли и остаются разногласия по поводу того, какие народы и культурные традиции представляют отдельные предметы из Чёрной могилы и соседних курганов, также их погребальные комплексы в целом. Сам автор раскопок рассматривал из как могилы славян-северян. Но в дальнейшем оказалось, что в облике некоторых вещей, например, чеканки на ритонах, недавно реставрированного идольчика, прослеживается влияние иноземных художественных манер и идеологических представлений. А именно, черты хазарских ритуалов и регалий на уровне царя-кагана; с другой же стороны, реминисценции скандинавской мифологии и эпоса («Эдды»). Тем самым выразительно подтверждается сложность процесса становления древнерусской государственности и культуры, когда на восточно-славянскую демополитическую основу наложились синхронные импульсы культур Балтийского Севера и тюрко-иранского Юга Восточной Европы; военно-торгово-дипломатические выходы первых представителей «руси» через восточнославянскую территорию к Византии и на арабский Восток [55].

Взятые же в целом, черниговские древности получили эталонное значение для отечественной цивилизации тысячелетней давности. Они наглядно демонстрируют высокий для своего времени уровень, вполне оригинальный облик социально-экономического, политического и духовного развития древней Руси накануне принятия христианства, широкий круг ее взаимных контактов с соседними народами Европы и Азии.

После завершения полугодовых в общей сложности раскопок в Чернигове, Самоквасов не пожалел ни дефицитного времени, ни без того тающих денег, чтобы восстановить все три именные кургана в первоначальном виде. Эта его личная инициатива была и остается до сих пор редким исключением в узаконенной практике полевой археологии, во имя получения научной информации сметающей с лица земли или уродующей до неузнаваемости её древние насыпи. А черниговские курганы и сейчас входят в состав Черниговского архитектурно-исторического заповедника и охраняются Украинским государством (а прежде СССР) как памятники археологии республиканского значения. Перед нами — один из первых во всем мире и уникальных до сих пор

примеров полевой археологии, которая не разрушает, а сохраняет исторически сложившийся ландшафт. Будущее именно за такой — культурно-экологически чистой и в то же время наукоёмкой археологией.

Сведения 1873 г. о городищах и курганах

На обыденных картах — слова, острова,
Всё сплелось, перепуталось — жуть!
А на нашей, как в море, одна синева,
Вот так карта — приятно взглянуть!

Л. Кэрролл. Охота на Снарка.

При всей очевидной важности экстраординарных находок, археологическая наука никак не может ими ограничиться. Ей, в отличие от романтично-алчного кладоискательства или простого коллекционерства, как воздух необходим материал, поддающийся систематизации, сравнительному анализу. Сенсационные открытия в полевой археологии имеют значение только как сияющая вершина целого «айсберга» разнообразных фактов и их постепенных обобщений.

Собирая материал для диссертации о древнерусских городах, Д.Я.Самоквасов задумал и осуществил первый массовый учет сохранившихся на европейской территории страны «древних земляных насыпей». Эта идея родилась у него при прозаических обстоятельствах — бесполезной траты времени и денег на поездки туда, где ни городищ, ни курганов не оказалось. К тому же археолог воочию убедился, как быстро эти памятники разрушаются — природной стихией (оврагами, половодьями), а в особенности людьми (пахарями, строителями, кладоискателями). Куда ни кинь — требовался каталог археологических объектов. «Придя к убеждению, что археологу-практику такой сборник сведений необходим, Самоквасов немедленно принялся за осуществление своей мысли. И кто знал ... его энергичную натуру, непоколебимую, сильную, кому приходилось с ним беседовать, а тем более — работать вместе, тот может сразу сказать, каким усиленным темпом пойдет выполнение задуманного»[57], — вспоминал позже другой знаменитый археолог — Н.Е.Макаренко.

Сориентировать будущих исследователей и сохранить для науки сведения обо всех еще существующих на тот момент объектах «земляной старины» — с такими целями Самоквасовым была составлена специальная анкета из 12 пунктов. Она предусматривала достаточно подробное описание заметных на местности городищ с их валами и рвами, больших и малых, одиночных и группами расположенных курганов, а также относящихся к тем и другим народных преданий и поверий, произведенных там раскопок, случайных находок древних предметов. Идею археологического опроса поддержал влиятельный и просвещенный государственный деятель — П.П.Семенов (в будущем — еще и Тян-Шанский). Руководимый им Центральный статистический комитет разослал самоквасовский вопросник в циркулярном порядке по 50 с лишним губерниям, областям и краям России. Местные Статистические комитеты, привыкшие к такого же рода, только социально-экономическим опросам, заполнили анкеты через волостных старшин, сельских учителей, помещиков — мировых посредников. Вопросы анкеты формулировались автором в краткой и понятной для простого народа форме. Владыками некоторых церковных епархий к сбору археологических данных привлекались приходские священники, по ходу «духовного окормления» паствы хорошо изучившие окрестности городов и сёл. Находясь на раскопках в разных губерниях, инициатор анкетирования сам помогал его проведению, направляясь на приём лично к губернатру как номинальному главе Губстаткомитета. А в Царстве Польском профессор осуществил опрос через канцелярию варшавского генерал-губернатора. Не избалованные в те поры вниманием ученых, начальники губерний рады были лишний раз отличиться на поприще культуры, тем паче, что отчет этот возвращался к их непосредственному куратору в столице — министру внутренних дел. В данному случае бюрократическая пирамида царской империи сработала как нельзя лучше.

В итоге получились более или менее подробные перечни городищ и курганов по большинству регионов страны. Скажем, в Киевской и Волынской губерниях всего обнаружилось 783 городища и 28547 курганов, в Черниговской оказалось около 150 городищ, в Курской — около 70, Тульской — 50 с лишним; и т.п.

Обосновавшись в Варшаве, Самоквасов начал обрабатывать полученные из Статистического комитета материалы для печати. В книгу «Древние города России» он успел включить малую часть этих

данных. Для планируемого им полного «Сборника топографических сведений о курганах и городищах в России» долго не удавалось найти издателя. В конце концов владелец передал все бывшие у него анкеты ИАК, по просьбе ее нового секретаря А.А.Спицына. Тот завершил редактирование и опубликовал значительную их часть в столичных археологических сборниках за 1896–1903 гг. Другая часть сведений 1873 г. увидела свет раньше или позже — в изданиях губернских краеведов. Таким образом данные о городищах и курганах вошли в научный и культурно-охранный оборот [58].

Прошло сто с лишним лет, пока сотрудники Института археологии РАН повторили сплошную каталогизацию городищ для очередного тома фундаментальной серии «Археология СССР» — «Древняя Русь. Город, замок, село»[59]. Конечно, уже на гораздо более высоком уровне, с использованием множества данных инструментальных разведок и методичных раскопок этих памятников, проделанных на протяжении истекающего столетия. Подытоживший данное исследование А.В.Куза отмечал его историографическое преемство с «фундаментальной для своего времени работой Д.Я.Самоквасова», сводками которого «до сих пор пользуются исследователи при составлении археологических карт и сплошном изучении целых районов»[60].

Вопрос об археологических картах разных областей России тесно связан с анкетой Д.Я.Самоквасова. К своей магистерской диссертации он приложил военно-топографическую карту Черниговской губернии, обозначив на ней выявленные к тому времени городища. Почин археологического картографирования поддержало ИМАО. В связи с его всероссийскими съездами планы археологических памятников составлялись по нескольким регионам [61]. Д.Я.Самоквасов поддержал увлекшихся этим делом коллег, передавая им показания волостей по интересующим их губерниям, предложив совместить эти данные с летописным перечнем домонгольских поселений на Руси и прочей топонимикой из письменных источников [62]. Он же, впрочем, предупреждал и о «подводных камнях» в применении топографического метода в археологии: «Для составления ... общей археологической карты требуется не только собрать полный материал, но и проверить его трудом специалиста; в противном случае археологическая карта принесет науке больше вреда, чем пользы, потому, что может повести к выводам, основанным на неполном и неверном материале, тормозящем правильное движение научного знания»[63].

Понятно, что исчерпывающего каталога археологических объектов самоквасовская анкета не дала. Ее информацию пришлось впоследствии неоднократно проверять и дополнять, уточнять принадлежность культурного слоя каждого городища к тем или иным эпохам древней и средневековой истории. Однако именно она обратила внимание властей, столичных и губернских, краеведческой общественности на местах на эти скромные с виду, но важные по существу памятники отечественной культуры, незаменимые источники исторического познания. Анкета 1873 г. (начатая для пробы в 1972 г. в Черниговской и Курской губерниях) заметно стимулировала любительскую историографию в российской провинции, послужила прототипом для целой серии похожих опросов, усложненных и специализированных, проводимых уже не только археологами, но и архитекторами-искусствоведами, этнографами, фольклористами. И опубликованными, и оставшимися в архивах (прежде всего фонде ИАК в нынешнем ИИМКе и фонде ИМАО в ОПИ ГИМ, некоторых областных) сообщениями волостей с успехом пользовались многие русские и советские исследователи. С их помощью открыты сотни археологических памятников, в том числе десятки первостепенной важности. Еще в 1917 г. видный археолог, главный хранитель археологических коллекций Эрмитажа Н.Е.Макаренко отмечал: «Несмотря на кажущееся ... обилие новых данных, сведения, собранные по инициативе Д.Я.Самоквасова, являются единственными, без которых археологу-практику отправляться в ту или иную область положительно не рекомендуется, дабы не терять напрасно времени на безрезультатные розыски»[64]. «Ничего более систематического и полного о русских памятниках древности мы не имеем. — Подтверждал даже вечно скептически настроенный и осторожный в оценках А.А.Спицын. — Какую бы местность Европейской России мы ни брали для изучения, без сведений 1873 г. невозможно обойтись»[65]. Они позволили начать работу над той «почти полной археологической картой государства», о которой с законной гордостью говорил тот же Спицын в 1920 г., подводя итоги дореволюционного развития нашей археологии. Нынешние систематические «Своды памятников истории и культуры» субъектов Российской Федерации, порегионная археологическая карта страны, активно составляемая и частями публикуемая в 1990-е гг. Институтом археологии РАН, наследуют начатой Д.Я.Самоквасовым работе по учету городищ и курганов.

Инструкция археологам

Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду,
В зыбь земных сказаний кину сети,
Воззову сонм призраков к суду!

В. Я. Брюсов. Тень света.

Уваровский период в истории русской археологии отличался не только одним ростом количества раскопок да организаторским размахом лидеров тогдашнего «древлеведения». Куда значительнее их внимание к теоретическим и методологическим основам своей науки. «Важно не только то, что они нашли, — объясняет А.А.Формозов, — но и то, какие цели ставили они при своих исследованиях, как их осуществляли»[66] и, добавлю, в каких общественных условиях.

А.С.Уваров первым в нашей стране обратил внимание своих сотрудников и последователей на те обстоятельства, которые делают каждый материальный остаток старины, извлеченный из земли, памятником культуры и источником исторического познания. В «переводе» на современную терминологию речь он вёл о следующем. Во-первых, — точная привязка изучаемого объекта, поселения ли, погребения, к карте местности («знать место, где предмет был найден»). Во-вторых, строгая фиксация взаимного расположения находок в нем («знать тот слой земной коры, где он залегал и совместное с ним присутствие других предметов»). В-третьих, определение места, занимаемого данным памятником в общей археологической классификации («знать время, к которому относится памятник и степень его сохранности»)[67]. Только соблюдение этих и связанных с ними приемов открывает археологу путь к «различению народностей древних могил и селидеб», «восстановлению жизни далекого древнего мира», о чем мечтал А.С.

Уваров — полноправный основоположник русской археологии как науки.

Идею научной регламентации раскопок горячо поддержали участники первых же Археологических съездов. На III, Киевском, для выработки наставления археологам образовали специальную комиссию из трех самых активных и образованных тогда раскопщиков — профессора-историка

из Киева В.Б.Антоновича, профессора-врача (Медико-хирургической академии) из Петербурга Л.К Ивановского, профессора-юриста Д.Я.Самоквасова. Выполняя это поручение, они консультировались со столь же авторитетными археологами-практиками — генералом (Главного Артиллерийского управления) Н.Е.Бранденбургом; доктором русской истории, членом ИАК И.Е.Забелиным; профессором Н.И.Костомаровым; академиком И.И.Срезневским; нумизматом Эрмитажа, товарищем председателя ИАК бароном В.Г. фон Тизенгаузеном; А.С.Уваровым и некоторыми другими российскими, а также французскими и польскими делегатами. На заключительном заседании съезда 21 августа 1874 г. Самоквасов как глава комиссии прочел коллективно выработанный ими текст. С некоторыми поправками и дополнениями «Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок курганов» была единогласно утверждена съездом как «нравственный закон для всех лиц, раскапывающих земляные насыпи с учёными целями». Так уваровскую методологию археологии Самоквасову удалось конкретизировать до рабочего уровня исследования культурного слоя — методики разведок и раскопок.

По сравнению с предыдущими, достаточно архаичными и кабинетными опусами такого рода (И.П.Сахарова и П.С.Савельева), рекомендации 1874 г. выглядят предпочтительнее, в целом они соответствовали тогдашним задачам и возможностям археологии [68]. В основу первых, разведочно-описательных частей инструкции положен текст самоквасовской анкеты 1873 г. о городищах и курганах. Учёным или же их информаторам на местах предписывалось достаточно подробно указывать координаты, внешний вид, размеры, количество, соотношение друг с другом и со стабильными географическими ориентирами визуально различимых археологических объектов. Обращалось особое внимание на фольклорные сюжеты, с ними связанные; на факты случайных находок вещественных древностей и сознательный сбор подъемного материала, особенно на повреждаемых распашкой или природной стихией поверхности памятников археологии. Таким образом, в поиск и описание этих последних вовлекались, кроме профессионалов, считавшихся и тогда, и до сих пор единицами, сравнительно многочисленные любители-краеведы, вообще губернская и уездная интеллигенция.

Второй раздел инструкции резюмировал опыт курганных, главным образом, раскопок, накопленный к тому времени А.С.Уваровым и его

сподвижниками. С позиций сегодняшнего дня их методика, конечно, во многом уязвима для строгой критики. Дореволюционных археологов их преемники часто упрекали за раскопки поселений узкими траншеями, вскрытие курганных насыпей «колодцем» или той же крестообразной траншеей, с оставлением отлогих пол насыпи неисследованными; постоянное применение на разведках стального щупа; некоторые другие процедуры, явно рискованные в смысле воссоздания целостной картины изучаемого памятника.

Однако сравнение сегодняшних достоинств со вчерашними и позавчерашними недостатками не годится для историографии любой научной дисциплины, в том числе и в первую очередь археологии, которая отличается особой технологичностью, зависимостью от практических (экспериментальных и инженерных) возможностей своего времени. Говоря о методике раскопок столетней давности, следует иметь в виду — перед нами далеко не всегда ошибки отдельного человека, чаще — обусловленные временем и местом заблуждения, трудности роста той науки, которую он представлял. В полевой археологической практике самих А.С.Уварова и Д.Я.Самоквасова, других активистов ИМАО сыщется, вероятно, немало погрешностей. Но во второй половине прошлого — в начале нынешнего века так, как они, копали все наши сознательные, образованные археологи. Или, лучше сказать, должны были так копать, ибо элементы дилетантизма, малопонятные, вопиющие по любым меркам упущения встречаются в работе едва ли не каждого нашего предшественника на раскопках. Каких только нонсенсов не знала полевая археология в России! Причем числятся они отнюдь не только за самозванными «археологами»-дилетантами, но и за перворазрядными представителями этой науки. И поселения «копали» плугом, выбирая их-под него самые заметные вещи (В.В.Хвойко); и курганы не докапывали, разочаровавшись первыми результатами вскрытия насыпи (И.Е.Забелин, Н.И.Веселовский и не они одни); и отчеты о снесенных памятниках сплошь и рядом подавать забывали или заменяли отписками... Причем все эти и многие другие методические погрешности практиковались отнюдь не только на уваровско-самоквасовской заре отечественной науки об ископаемых древностях, но и вплоть до наших дней. Просто сегодня об этом не принято писать, принято сплетничать в археологических кулуарах насчёт того, как плохо, варварски копают археологи «х» или «у». Короче говоря, принцип историзма требует

сопоставлять достигнутый при Д.Я.Самоквасове и с его активным участием методический уровень не столько с последующим, сколько с предыдущим, в сущности — донаучным, в лучшем случае эмпирико-вещеведческим, музейно-коллекционным состоянием отечественной археологии.

Отношение к славянорусским и прочим в массе своей не слишком внешне эффектным древностям даже у академических учреждений и ученых историков долгое время оставалось довольно скептическим. Их ценили гораздо ниже эллинских мраморов и скифских украшений, добывавшихся на причерноморском юге России. Прося в 1877 г. у ИАК денег для продолжения раскопок в земле полян и северян, А.С.Уваров считал нужным подчеркнуть, что находимые в славянских «курганах предметы из бронзы, серебра и даже золота нередко отличаются красотой отделки и отчасти даже напоминают вещи, извлеченные из кургана Перепетиха Киевской губернии»[69]. Имелись в виду золотые бляшки древней иранской работы из раскопок Н.Д.Иванишева и Т.Г.Шевченко 1846 г. скифских курганов, найденных по упоминанию в древнерусской грамоте. Но другой граф, С.Г.Строганов, не пожелал «отвлекать средств, дарованных Императорской Археологической комиссии, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове»[70], ведущихся ради пополнения эрмитажных кладовых драгоценностей.

Коллекционерский, узко-искусствоведческий подход к задачам археологии виден и на таком примере из самоквасовской практики. В 1878 г. в Черниговской губернии в руки властей попал клад из трех десятков древнерусских серебряных гривен, случайно найденный крестьянами с. Горбова при пахоте. Для экспертизы губернатор пригласил Д.Я.Самоквасова, бывшего поблизости на раскопках. По совету археолога клад был выкуплен у находчиков и распределен между несколькими музеями — ИАК, ИМАО, Киевского университета, Черниговского статкомитета и личным самоквасовским (с которым эти 5 слитков перешли в ГИМ). С точки зрения современной науки, профессор поступил неправильно — нарушил целостность клада (в дальнейшем от отказался от подобной практики вовсе). Но хороша и Археологическая комиссия! Свою долю слитков — 9 гривен и 4 их фрагмента она вскоре продала графам Толстым за 170 рублей, т.е. по весу драгоценного металла. Вместо памятников старины, незаменимых при реконструкции денежно-весовых

систем, а значит и всей социально-экономической истории древней Руси, в министерстве Императорского двора, при котором Комиссия состояла, отложились расписки коллекционеров [71]. Подобная — порочная практика в отношении древностей, якобы «вовсе не имеющих нумизматического интереса», оставалась правилом, а не исключением вплоть до 1930-х по крайней мере гг.; ведь ей следовали даже такие выдающиеся нумизматы, как А.В.Орешников из ГИМа [72]. Опубликовав собственную часть горбовского клада в каталогах своей археологической коллекции, Самоквасов «впервые ввел в нумизматику необычные гривны с расплющенной поверхностью»[73].

Именно самоквасовская инструкция прерывала порочную традицию бессистемного поиска одних вещей на раскопках. Рекомендации 1874 г. сознательно ориентированы на задачи исторической науки. Ведь «когда люди копают, просто говоря: «Давайте-ка посмотрим, что тут есть», — они ничего не узнают ... То, что открывает археолог, зависит не только от того, что оказывается на месте раскопок, но и от того, какие он задает себе вопросы»[74]. Самоквасову-археологу вопросы задавал Самоквасов-историк. Вещественные древности ученый рассматривал как «основания решения главнейших вопросов русской истории, а именно: вопроса о времени заселения славянами ... областей России, вопроса о народности р[illegible]ских князей Рюрикова Дома, вопроса о времени и интенсивности культурного влияния Западной Европы на Восточную и т.д.»[75].

Далеко не все проблемы древней и средневековой истории Руси археологи и историки уваровской школы могли не то, что решить, но даже поставить с помощью своих раскопок. Однако они сумели перешагнуть тот «методический рубикон», за которым началось систематическое накопление археологических фактов для постепенного осмысления таких проблем [76]. После раскопок, проведенных по инструкции Киевского съезда, должна была остаться уже не груда перепутанных, произвольно отобранных из культурного слоя вещей, а документированная, объединенная в могильные, жилищные, т.п. комплексы коллекция — больший или меньший камень в строящееся многими поколениями археологов и историков здание их науки.

Говоря об инструкции археологам, заодно покажу, как её главные пункты выполнялись самим автором.

На протяжении 20 с лишним полевых сезонов Самоквасову удалось изучить большинство основных видов археологических памятников —

несколько городищ и селищ, стоянок первобытных людей и мест изготовления каменных орудий; монетные и вещевые клады; фундаменты домонгольских храмов; погребальные сооружения всевозможных типов и видов. Но основным объектом его раскопок стали курганы разных времен и народов, населявших некогда территорию Восточной Европы, особенно её юг. Для такой специализации были свои веские основания. Вскрытие обширной площади поселений требовало значительного времени и обходилось для частного лица слишком дорого, как и разведки памятников, не имеющих четко выраженных наземных признаков. Могильные же насыпи — курганы, напротив, поддавались рекогносцировке гораздо легче. Даже самые гигантские из них можно было, как правило, вскрыть за один, максимум два сезона раскопок. Работа над древней могилой обычно вызывает особый энтузиазм и у археологов, и у землекопов (до революции сплошь крестьян) — при этом всегда загадочно, отчасти мистично, некий результат — находки почти всегда гарантированы. А главное, внешние формы, внутреннее устройство и погребальный инвентарь курганов весьма выразительно характеризовали историческую эпоху, уровень материальной и духовной культуры тех древних племен, которым принадлежали соответствующие кладбища. А от некоторых, кочевых по образу жизни народов, могильники — едва ли не всё, что дошло до нас.

Перед Д.Я.Самоквасовым и прочими пионерами правильных раскопок стояла, как уже говорилось, стратегическая сверхзадача определить хронологию и различить этническую принадлежность («народность») древних могил Русской земли. До последней трети XIX в. эта проблема не поддавалась спорадическим усилиям неорганизованных энтузистам. Она уже объявлялась многими весьма авторитетными историками вовсе неразрешимой. Действительно, устроенные сравнительно просто и стоящие поодиночке курганы встречаются довольно редко. Чаще всего они образуют группы от нескольких до сотен и даже тысяч насыпей разной величины. Каждый такой могильник соединяет обычно погребения различного типа и времени. Более того, внутри одной и той же насыпи порой сочетаются могилы, непохожие друг на друга. Одни народы жгли своих покойников на стороне от кладбища, а на его территории помещали только урны с кремированным прахом, а не то даже развеивали кальцинированные в огне косточки по подошве насыпи. От других древних покойников, погребенных по обряду ингумации, остались скелеты, причем в самых разнообразных позах — выпрямленной, сидячей или же

скорченной на боку, с подогнутыми к груди коленями. Детальных отличий трупоположения и всего остального погребального обряда еще больше. Сами могилы располагались и в насыпи кургана, и на бывшей дневной поверхности земли (часто — в деревянном срубе или каменном «доме мертвых»), и ниже этого уровня (в ямах, катакомбах, камерах). Даже столь оригинальный обычай водружения результатов кремации, как описанный летописью, — «в судине малой на столпе на путях», недавно открыт раскопками в земле радимичей [77]. Судя по общественному положению, земному богатству покойников, а главным образом — религиозным воззрениям совершавших похороны людей, на тот свет ушедшего из жизни человека сопровождали то немногие простые вещицы повседневного обихода, то пышные комплексы украшений, оружия, доспехов, заупокойные жертвы, включая иногда человеческие. Большинство курганов с драгоценностями ограблено еще в древности.

Далеко не сразу археологи разобрались во всем этом разнообразии «страны мертвых». Немало заблуждений и ошибок, путаницы и разочарований поджидало их на курганных маршрутах. Но постепенно старинные могилы начали отвечать на вопросы историков. Соблюдение научной методики раскопок сыграло здесь решающую роль.

В каждой локальной группе курганов, загодя выбранной для изучения, Самоквасов срывал насыпи малой, средней и самой большой величины. Работа, как правило прекращалась, как только обнаруживались захоронения «повторительного устройства и содержания». К некоторым могильникам, например, черниговским или пятигорским, посульским или поросским, археолог возвращался снова и снова, «когда кабинетная обработка найденного сначала материала приводила к вопросам, требовавшим дополнительных раскопок».

Первые два-три кургана изучаемой группы, а также все одиноко стоящие или сложноустроенные насыпи археолог всегда разрывал «не иначе, как послойною съемкой земли, начиная от вершины и до основания», т.е. на снос, как общепринято в археологии сегодня. Только разобравшись в типичном для данного могильника характере захоронений, Самоквасов позволял себе и советовал другим археологам копать остальные насыпи широким прямоугольным колодцам — срезав курган на треть высоты, углубляться раскопом до самого материка и далее, чтобы не пропустить могил ниже подошвы. При таком подходе уменьшалась возможность пропустить

что-нибудь существенное в нетронутой части искусственного земляного холма.

Возьмем для образца огромную Бессчастную могилу, возглавлявшую обширный некрополь бронзового века на берегу р. Конки в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Самоквасов по поручению ИАК раскопал ее — крестообразно траншеями с каждой из четырех сторон света за один полевой сезон. При этом оказалось открыто 14 отдельных захоронений — 5 в насыпи, 2 на подошве и 7 в материке — срубного и катакомбного типов, со скорченными, окрашенными охрой костяками.

Для профессорской методики характерно стремление доисследовать ограбленные в древности или же неудачно раскопанные другими археологами памятники. Обычно подобная скрупулезность вознаграждалась. Встречались пропущенные его предшественниками целые погребения, как например вгускная могила молодой женщины в богатейшем убранстве из скифского кургана возле с. Рыжановки Киевской губернии, неудачно раскопанной польским археологом Г.Оссовским. Еще чаще в таких случаях попадались Д.Я. брошенные или потерянные вещи из потревоженных грабителями старинных могил. В одной из воровских «мин» ему встретились орудия грабительского труда — заостренное долото и гвоздь, а в другой — скелет засыпанного обвалом земли кладоискателя. Сделанные при проверочных раскопках находки показали всех археологам реальную возможность охранного или же повторного изучения объектов, чья целостность оказалась по каким-то причинам нарушена.

К сожалению, профессия расхитителей древностей в целом ряде мест сохранялась и даже процветала до наших дней. Дореволюционный археолог был вынужден постоянно конкурировать с ее представителями. Допустим, на старинном кладбище под Владикавказом из 150 примерно катакомб на долю подоспевшего сюда Самоквасова пришлось 36, а остальные опустошили жители близлежащего осетинского аула Чми, подначенные на это перекупщиками антиквариата. Символично звучало название здешнего урочища — «Воровская балка». А на городище Княжья гора (летописная Родня?) в с.Пекари при впадении р.Роси в Днепр, в Черкасском уезде Киевскойгубернии культурный слой быстро разрушался не только крестьянами-кладокопателями, но и речными паводками. Профессор, проезжавший здесь после окончания сезона

раскопок, вынужден был задержаться ради охранных раскопок, для участия в которых он нанял почти всё трудоспособное население деревни. Зависшая над днепровским обрывом часть поселения была изучена, но и после того древнерусские ювелирные изделия редкой красоты и высочайшей ценности тянулись отсюда к киевским антикварам, а то и к обычным ростовщикам.

Ощутимый урон археологическим памятникам приносила интенсификация хозяйственной деятельности в период капитализма, в особенности увеличение крестьянской запашки после отмены крепостного права, а затем и по ходу столыпинской аграрной реформы. Впереди были еще сталинская коллективизация со «стальными конями» на колхозных полях, всё новые водохранилища, комбинаты-гиганты и прочие великие стройки социализма, не взирающие на памятники культуры под собой. «Конечно, — поясняет А.А.Формозов, — одновременно с утратой старых появляются новые ценности, но беда в том, что сокровища культуры часто гибнут зря, бессмысленно»[78]. И если бы не археолог, с его, пусть даже не идеальной по сегодняшним меркам методикой, очень и очень многие городища и особенно курганы до усовершенствования методики просто не сохранились бы.

«... Эти памятники, — писал Д.Я. историку А.А.Котляревскому в 1878 г., — со времени уничтожения у нас крепостного права, поступив в частную собственность крестьян, дорожащих каждым клочком земли, распахиваются и уничтожаются в чрезмерном количестве и если не будут приняты своевременные меры, то не далее, как через 40—50 лет в России останется так же мало курганов, как на Западе Европы»[79].

Расчистку вырезанного рабочими погребения Самоквасов всегда делал лично — «при посредстве ручной лопатки, ножа и сухого веника». Наемным рабочим не доверялось «вскрытие гробницы и извлечение из земли найденных в кургане предметов». Его полевая практика не знает случаев устройства раскопок, когда он сам или же другой опытный археолог отсутствовали бы там хоть на малый срок. Между тем, заочное рытье курганов допускали, увы, многие археологи как до, так и после Самоквасова.

Кульминационные сцены раскопок — общий вид памятника до начала работ, этапы вскрытия насыпи, расчищенное погребение — профессор старался начертить или зарисовать. Во многих экспедициях его сопровождал художник. В целом ряде случаев им применялось молодое,

дорогое и громоздкое тогда искусство фотографии. Так, фотоснимками и выполненными с них гравюрами иллюстрировались его и других авторов публикации о Чёрной могиле. Чертежи и рисунки из полевых отчетов Самоквасова, хранящихся в архивном фонде ИАК, из его книг и статей, до сих пор перекочевывают из одного археологического издания в другое.

Но всё же основную информацию о раскопках сто лет назад, да и много позднее вбирал в себя полевой журнал археолога. Профессор не уставал повторять, что «могила, при раскопке которой дневник не был составлен по правилам инструкции, признается потерянной для науки»[80]. Главный интерес на раскопках для Самоквасова представляли не черепа и кости, которые он передавал антропологам; даже не сами по себе древние вещи, коих только и жаждали иные археологи тех лет, но «устройство могилы», характерные черты и детали погребального обряда. А.С.Уваров видел главную заслугу своего любимого ученика в том, что тот «не только усмотрел ... хронологическую последовательность между различными могилами, но и указал, кроме того, на неизвестные дотоле своеобразные обычаи в погребальных обрядах и религиозных верованиях народов, которым эти могилы принадлежали»[81]. Пусть ни Уваров, ни Самоквасов не достигли той точности в определении различных археологических культур, какая оказалась доступна В.И.Сизову, А.А.Спицыну, В.А.Городцову и кое-кому еще из представителей «вершинной волны» в дореволюционной археологии. Но граф и профессор — «побежденные учители» этих «победителей учеников».

Разборка погребения и упаковка пронумерованных вещей производилась по самоквасовской инструкции только после письменного описания и зарисовки общего вида захоронения, расположения скелета или урны с прахом, всего остального инвентаря. Весь комплекс предметов, найденных при каждом отдельном погребении, профессор категорически требовал соединять вместе (лучше всего, прикрепляя на картонные или иные планшеты) и так хранить, демонстрировать. Произвольный «подбор для внешней красоты ожерелий к ожерельям, браслетов к браслетам, золота к золоту, серебра к серебру, терракот к терракотам» и т.п. вызывал с его стороны самые нелицеприятные возражения.

Об эффективности подобного методического максимализма можно судить по дальнейшим судьбам коллекций из личных раскопок Д.Я.Самоквасова. После Чёрной могилы и других славянорусских памятников, его главным открытием надо признать многочисленные

курганные кладбища скифов и сарматов в среднем Поднепровье, на территории Киевской и Полтавской губерний. Особенным научным и музейным значением, художественным богатством отличались раскопанные профессором за 1876–1891 гг. курганы по рр.Суле и Роси, возле сел Аксютинцы, Великие Будки, Гамарни и др. Вещевые, графические и дневниковые материалы этих раскопок современные исследователи анализируют наряду со всеми последующими, вплоть до новейших по времени открытий скифо-сарматских могильных древностей [82]. Самоквасовская гипотеза о местонахождении упоминаемого Геродотом царского кладбища скифов — Герроса именно в Посулье нашла поддержку у советских археологов. А вещевые комплексы из курганов у с. Яблоновки, также раскопанных Самоквасовым, позволили полвека спустя Б.Н.Гракову выработать основы правильной хронологии скифских курганов вообще [83]. Сохраненные автором раскопок фрагменты набивных тканей из северянских курганов позднее позволили реконструировать зарождение этой технологии сукноделия в Восточной Европе [84]. И т.д., и т.п.

Инструкция 1874 г. завершалась советами по сохранению «окисших и прожженных», как-то иначе пострадавших от времени вещей из раскопок. До нынешних технологий консервации и реставрации древностей тем рекомендациям далеко, но начало решения этой трудной задачи обозначено. Хороший пример на сей счет подали его старшие товарищи В.Б.Антонович и И.Е.Забелин, готовившие фрагментированные и побывавшие на погребальном костре вещи из Чёрной могилы и прочих черниговских курганов к экспонированию сначала на выставке Археологического съезда, а затем в Историческом музее.

Наконец, Самоквасов поддержал еще одно принципиальной важности начинание своего наставника А.С.Уварова. Тот не только вел раскопки да коллекционировал раритеты, но и первым в нашей стране напечатал монографические исследования, выполненные на археологических материала: «Меряне и их быт по курганным раскопкам»(1872) и «Археология России. Каменный период»(1881). Похожие систематические сводки накопленных археологией материалов вкупе с их исторической интерпретацией, только применительно к восточным славянам и древней Руси опубликует и Самоквасов. Когда эти этапы работы — сами раскопки и изучение, издание их результатов — выполняются разными людьми, немаловажных для науки потерь не избежать.

Его инструкция оставалась единственной в своем роде и действовала среди наших археологов вплоть до конца XIX в. Ее использовали и неоднократно перепечатывали как образцовую заинтересованные полевой археологией инстанции — министерство просвещения; антропологи, добывавшие в курганах остеологический материал; Русское Археологическое общество в Петербурге, чьим членом профессор стал еще в 1877 г.; ИМАО; книготорговец Е.М.Гаршин по просьбам краеведов из провинции.

Между тем основной автор документа с годами все отчетливее сознавал его ограниченность. Он несколько раз переиздавал сам эту инструкцию в дополненном и исправленном виде. «Предлагая эту программу исследования древнейших вещественных памятников нашей истории, — предупреждал Самоквасов, — мы не уверены, что она обнимет собой все вопросы, интересные для науки ... Очень может быть, что в будущем будет обращено внимание и на такие условия, о которых мы теперь еще не думаем»[85].

Больше всего заботило профессора, как проконтролировать исполнение уже существующей краткой инструкции на практике раскопок. Предпринятые по его инициативе попытки ИМАО подключить к охране древностей губернские власти не отличались результативностью. Вот характерный эпизод в близком Д.Я. Курске. В 1901 г. председатель только что созданной там историко-архивной комиссии пришел к тогдашнему губернатору, графу А.Д.Милютину «за указаниями, каким именно образом начать археологическое дело». В ответ Милютин «со страдальческим выражением лица сказал следующее:

— Ради Бога, отложите это дело! Ведь у меня и у Николая Георгиевича [фон Бюнтинга — вице-губернатора — С.Щ.] всяких дел теперь, да кроме того и по предстоящим большим маневрам [войск с участием царя — С.Щ.], — выше головы!

При этих словах губернатор несколько секунд подержал свою руку над головой. Председателю осталось только откланяться»[86]. Между тем, в это самое время в курской губернии полным ходом шло разрушение пахарями и кладоискателями самого крупного, пожалуй, в Европе по числу насыпей курганного могильника — Гочевского, да и многих других памятников археологии, архитектуры, архивистики.

Ничего не дали и неоднократные запросы профессора, адресованные через очередные Археологические съезды правительству: «Какие

учреждения получают право раскопок? Какой предварительной подготовкой должны обладать у нас лица, командируемые для раскопок? Не должны ли раскопки производиться комисиями, состоящими из археологов и естествоиспытателей? Каковы должны быть общие правила дневника раскопок, обязательные для всех исследователей древних земляных насыпей? Где должны храниться материалы, добываемые путем раскопок и не должны ли все эти материалы составлять государственную собственность?»[87].

Сегодня сформулированные вопросы звучат по большей части риторически и ответы на них в общем известны (хотя и нуждаются в усовершенствовании законодательной базы — новый федеральный закон об археологическом наследии на несколько уж лет застрял в законодательных инстанциях). В условиях же самодержавной бюрократии подобные вопросы оставались гласом вопиющего впустыне. Единственным откликом на нужды археологии властей предержащих послужило присвоение ИАК «исключительного права производства и разрешения раскопок на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям». Частные же угодья вместе со всеми расположенными там памятниками старины и их содержимым оставались в неограниченном распоряжении собственников земли. Без их согласия никаких раскопок провести было нельзя.

Кроме казенной системы охраны памятников истории и культуры, необходим определенный кодекс профессиональной чести самих археологов — вариант общего этоса науки, ее неписанных правил. Подобный менталитет при Самоквасове и в чем-то благодаря его усилиям только начинал складываться. Вот одна из иллюстраций тому. Во время раскопок на Тамани в 1870-е гг. один из их участников сочинил целую оду, шутливо живописующую нравы своих спутников. Самоквасов в ней выглядит так:

«Здесь тоже мнится муж труда;
Для изучения Босфора
Из Польши прибыл он сюда
На пепелище Фанагора.
Глубоко-русский патриот
Почти все насыпи Тамани
Обегал он как скороход,
Ища следов Тьмутаракани.

Славян рассеивая мрак
Доисторического быта,
Он по дорогам, как лошак,
Давно отбил свои копыта
И пол-России исходил.
Курганов множество мерянских
С ученой целью разгромил
И даже несколько славянских.
Тьму городищев описал,
Фактически поведав свету,
Что Шлёцер глупостей налгал,
Писавши по сему предмету.
Виновен только он в одном,
Что о курганах рассуждая,
(Смотри «О праве» первый том,
Страница... позабыл какая)
Учил нас, как их должно рыть,
Чтоб пользу приносить науке,
Но в пользе этой убедить
Не мог, как в непрактичной штуке»[88].

Как и в каждой хорошей шутке, в этой есть доля истины. Получив монополию на открытые листы, ИАК в лице своего делопроизводителя А.А.Спицына подготовило собственный вариант регламента раскопок [89]. К его обсуждению перед опубликованием привлекались В.Б.Антонович, Д.Я.Самоквасов и другие видные археологи-практики, состоявшие тогда сверхштатными (т.е. без жалования) членами этого своеобразного «министерства древностей» царской России. Варшавского профессора удостоили такой чести — членства в ИАК — сравнительно поздно, в 1886 г., на самой вершине его археологической карьеры (с мотивировкой: «обладает большой опытностью и обширным материалом по изучению курганов и городищ»). На средства Комиссии Самоквасов раскопал несколько больших курганов, выполнял ряд других ее поручений. Однако полного взаимопонимания, как с московскими коллегами, с петербуржцами у него не сложилось. Сказывались и традиционное соперничество интеллигенции старой и новой столиц, и разница во взглядах на задачи археологии между разными поколениями русских ученых. В

архиве ИМАО один из томов переписки характерно озаглавлен П.С.Уваровой. На нем золотом вытеснено: «Пререкания с Археологической комиссией». Поэтому, когда вышло обновленное наставление Спицына, ИМАО в ответ решило переработать свою старую инструкцию. На XIV АС в Чернигове соответствующую рабочую группу составили Э.Р. фон Штерн, А.В.Селиванов, В.А.Городцов и опять-таки Д.Я.Самоквасов. Они решили «положить в основу новой инструкции правила, выработанные для производства раскопок в 1874 г.»[90] III, Киевским съездом. Их предстояло дополнить советами по изучению разных типов археологических объектов — уже не одних городищ да курганов, но и стоянок, селищ, полей погребений в урнах, пещер и др. Предполагалось иллюстрировать текст методических указаний типичными видами раскопок каждого из типов памятников. Обращают на себя внимание следующие директивы Черниговского съезда российских археологов: раскапывать не более половины от общего числа курганов в группе и не более половины общей площади городища или другого поселения; закапывать в точно определенном месте раскопок оставляемый там массовый материал (нехарактерную керамику, кости животных и проч.); хранить в особых музейных кладовых по археологическим комплексам те коллекции, которые не экспонируются в витринах. Как видно, будущее отечественной археологии весьма заботило наших предшественников.

Завершить подготовку обновленного наставления археологам делегаты съезда поручили Д.Я.Самоквасову и В.А.Городцову. Но обстоятельства сложились в дальнейшем так, что дорабатывать документ последнему пришлось в одиночку, т.к. соавтор тяжело заболел. За подписью одного В.А.Городцова «Руководство для археологических раскопок» (М., 1914) и вышло из печати. В нем заключен тот методический багаж, технологический инструментарий, который наша дореволюционная археология передала советским исследователям материальной старины.

В условиях происходящего сейчас реформирования многих сторон российской жизни, особенно приватизации земли с находящимися в ней и на ней историческими памятниками, а также неуклонного перемещения центра тяжести раскопочно-разведочных работ из столичных Институтов археологии на места — в центры субъектов Российской Федерации, прежний опыт борьбы за спасение отечественных древностей для науки в который уже раз становится особенно актуален [91].

С А. П. Богдановым, в Обществе любителей естествознания

... Раскопать древние кости и расположить их в определенном порядке — задача достойная и полезная. Но согласиться с теми, для кого прошлое -- одни только древние кости, я никак не могу, потому что, не протестуя против этого заблуждения, мы даем согласие на предание земле собственного величия и поддерживаем у педантов и дилетантов от истории убеждение, будто лишь им одним дозволено тревожить покой кладбища минувших веков.

Ф. Моуэт. Следы на снегу.

Еще одно сравнительно демократичное и весьма деятельное объединение ученых в пореформенной России — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). Сюда Д.Я.Самоквасова привлек сам Анатолий Петрович Богданов (1834–1896), организатор «любителей». Знакомство с этим человеком переросло у Д.Я., как и в случае с Уваровыми, в личную дружбу, многолетнюю переписку, частую взаимопомощь в работе.

Будучи доктором зоологии и ординарным профессором Московского университета, Богданов стал основоположником научной антропологии в России. Он умудрился создать у нас общество антропологов в один, 1863 г. с лондонским и всего четырьмя годами позже первого в мире — парижского. Устав ИОЛЕАЭ предусматривал стыковку антропологии с археологией («собирание предметов и разработка вопросов, относящихся к доисторической жизни человека»). О действительной направленности богдановского детища можно судить по характерной ошибке памяти пожилого П.Н.Милюкова, который в своих «Воспоминаниях» назвал его «Обществом естествознания, географии и археологии».

Для добычи скелетов, а в особенности черепов представителей первобытных племен, А.П.Богданов начал в 1865 г. раскопки курганов в Подмосковье, одним из самых первых в Центральной России. У Д.Я.Самоквасова же он просил для сравнительного изучения

остеологический материал других «курганных жителей» — из Польши, Черноземья, с Украины. Заказ был выполнен — антропологический музей Московского университета, основанный Богдановым, вкоре пополнился крупными партиями черепов и скелетов людей каменного века и эпохи раннего металла из могил Курской, Черниговской, а затем и других губерний, где только ни копал варшавский профессор. Богданов посвятил этим подборкам специальное краниометрическое исследование [92], а слепки с черниговских черепов переслал в Парижское Антропологическое общество. Сопоставляя археолого-остеологические коллекции из разных районов страны, Богданов сделал важный для научной антропологии и не только для нее одной вывод о разнице между расовой и этнической классификациями. В его время, да и много позднее встречались попытки отождествить тот или иной нынешний народ, племена его далеких и проблематичных предков с определенной, да еще «высшей» расой. Русской антропологической школе во главе с А.П.Богдановым удалось избежать произвольного ограничения краниологического типа древних славян и их соседей одним — длинно- или короткоголовым «населением курганов», показать вариации черепных и прочих биометрических признаков на протяжении древней истории страны [93]. Хотя впоследствии фонд древних черепов вырос в несколько раз, старые подборки их из самоквасовских раскопок неоднократно привлекались антропологами для их исследований [94].

За «принесение в дар Обществу антропологических коллекций» оно в 1876 г. наградило Самоквасова именной золотой медалью. Благодаря «сердечночтимого Дмитрия Яковлевича» за поддержку, Богданов писал: «Вы единственный археолог, давший мне материалы для большой и, надеюсь, полезной работы и Вы единственный, смотрящий истинно по-товарищески на задачи антрополо ии»[95].

Со свойственным ему организаторским размахом, Богданов вовлек в число «любителей естествознания» многих историков и археологов, в том числе самых знаменитых, — С.М.Соловьева, И.Е.Забелина, Д.И.Иловайского, Н.И.Кареева, В.О.Ключевского, А.С.Уварова. К Д.Я.Самоквасову, в бытность его новичком на академической стезе, особенно доброжелательно отнесся Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873), который одним из первых русских историков постарался хоть как-то учесть археологические находки в своих трудах о крестьянах и земледелии древней Руси, ее торговых путях и пограничьях. Беляев

забрал у Самоквасова несколько вещевых комплексов из восточнославянских курганов и городищ и на основании дневников этих раскопок делал доклады на заседаниях отдела этнографии и антропологии ИОЛЕАЭ. После скорой кончины маститого покровителя, варшавский член Общества стал время от времени сам выступать на его мероприятиях, когда приезжал в Москву.

При всем их единодушии с Богдановым, научного спора им избежать не удалось. Самоквасов настаивал на приоритете историков по сравнению с антропологами и вообще натуралистами при раскопках мест обитания и могил древних людей. Историк, по его самоироническим словам, «читает всякое старьё, которое неизвестно естествоиспытателям: Геродота, Страбона, Птолемея и других, и в этих источниках он находит массу сведений, могущих объяснить для него обрядную сторону, частности быта и прочие вопросы, волей-неволей ускользающие от естествоиспытателя, преследующего преимущественно антропологические цели»[96]. Так ведь оно, правду сказать, у самого А.П.Богданова и получилось с раскопками подмосковных курганов, материалы которых оказались куда менее информативны, чем одновременные и аналогичные результаты, полученные в поле А.С.Уваровым, Д.Я.Самоквасовым и прочими деятелями ИМАО.

Но амбициозный Богданов не хотел признавать за археологами права разрешать или запрещать ему раскопки. Хотя его самого действительно интересовали одни только черепа из старинных могил. Отсутствие дневников и чертежей произведенных им курганных раскопок во многом обесценило их результаты. Поэтому Самоквасов и ставил перед коллегами по Археологическим съездам законный вопрос: «Не должны ли раскопки производиться совместно археологами и естествоиспытателями?» К единому мнению на сей счет им так и не удалось прийти. Но Д.Я. включил специальный пункт о сохранении на раскопках остеологического материала в свою раскопочную инструкцию. Богданов же, не подавая обиде, со своей стороны обязательно выделял тематику первобытной (до)истории и археологии в изданиях и всех прочих мероприятиях Антропологического отдела своего Общества.

После очередной встречи в Москве он напоминал варшавскому гостю: «... Вы сочувственно отозвались об Антропологической выставке, предполагаемой Обществом в 1879 г. и изъявили готовность оказать содействие устройством моделей Ваших раскопок и манекенов в полном

одеянии курганных людей»[97]. Заказчику «желательно только, чтобы модель иллюстрировала вполне все частности и резко выражала всю картину раскопок». Несколько курганов, разрытых самим Богдановым, моделировал по его заказу московский мастер Севрюгин. Такую же работу с материалами самых эффектных из своих раскопок организовал в Варшаве Самоквасов. Для русской, по крайней мере, археологии наглядные модели погребений, выполненные в половинном, т.е. крупном, вполне экспозиционном масштабе, также как и скульптурные бюсты, наряженные в украшения из неограбленных курганов, были новым, перспективным способом фиксации полевого материала и особенно его музейного показа. Богданов признавал эти экспонаты «имеющими только историческое значение» — антропологи еще не предвидели возможности восстанавливать внешний облик человека по черепу (такие реконструкции М.М.Герасимова и его сотрудников появились почти веком позже [98]).

Одними выставочными муляжами Самоквасов от «любителей естествознания» не отделался. Варшавского профессора избрали уполномоченным по Привислинскому краю Подготовительного комитета Антропологической выставки. После чего деятельнейший Богданов засыпал его письмами с грудой всевозможных поручений относительно территории Белоруссии, Польши и даже соседней Пруссии, вопросов насчет антропологических типов их населения. Все просьбы из Москвы выполнялись в Варшаве с обычной самоквасовской энергией и инициативой. На московскую выставку оттуда шли черепа из раскопок и анатомических театров, фотографии и гипсовые маски (слепки) физиономий этноантропологически типичных жителей, заявки разных специалистов на доклады и лекции, которыми предполагалось сопровождать выставку.

В 1878 г. часть уже заготовленных москвичами экспонатов поехала в Париж, на Всемирную выставку («Если выставить всё, то это ведь отнимет новизну у нашей выставки 1879 г.», решил предусмотрительный Богданов). Русскую часть антропологического павильона организовывал Д.Н.Анучин. В будущем видный ученый, профессор и академик, он тогда проходил заграничную стажировку после окончания университета. Видное место в устроенной им экспозиции заняли археологические материалы Самоквасова. Французские издания уже сообщали об открытиях в Чернигове. Известные историки Л.Леже, А.Рамбо в своих трудах по русской истории пересказывали и комментировали

самоквасовские данные о городищах и курганах [99]. Й.-Я.Ворсо, Г.Мортилье, барон Ж. де Бай, С.Миллер и другие светила западной археологии с восхищением отзывались о ней. Побывавшие на выставке Богданов и Самоквасов заодно выступили на состоявшемся в связи с ней международном конгрессе по доисторической археологии и антропологии.

И на Московской Антропологической выставке 1879 г. самоквасовская «коллекция предметов каменного века из Дании и России и предметов из курганов и городищ Киевской, Черниговской, Полтавской, Курской и других губерний»[100] на 112 картонах демонстрировалась с неменьшим успехом. Кроме вещевых комплексов, экспонировались изготовленные в Варшаве модели открытых археологом гробниц каменного, бронзового и раннего железного веков, несколько манекенов в бусинно-подвесочных «костюмах». Перед участниками очередного международного когресса Самоквасов выступил с обзором открытых им древностей Украины и Польши.

Кроме нашумевшей в ученом мире и среди широкой публики Антропологической выставки, профессор принимал участие в нескольких съездах русских естествоиспытателей и врачей — V, Варшавском 1876 г.; VI, Петербургском 1879 г.; VII, Одесском 1883 г. На их секциях антропологии и этнографии звучали его доклады об отечественном палеолите и бронзовом веках. «... В своих археологических изысканиях в пределах Малороссии я имел в виду специальную цель, — оговаривал Самоквасов, — изыскание северских городищ и могил, и не желая отвлекаться от этой цели, обращал внимание на древности культур каменной и бронзовой только в тех случаях, когда они случайно попадали мне под руку»[101]. За два десятилетия масштабных поисков древностей под его руки попало множество самых разных памятников, включая древнейшие.

Поскольку эта археологическая коллекция использовалась профессором не только как источник научных исследований, но и в качестве наглядных пособий для студентов и для слушателей его публичных лекций более широкому кругу публики, то он не упускал случая пополнить ее особо выразительными материалами разных эпох не только древней истории, но и доистории (как нередко называют древний каменный век). Так, в частном письме за 1878 г. Д.Я. торжествовал: «На днях я сделал великолепное приобретение — купил у графа Завиши коллекцию

скандинавских древностей, состоящую из 215 экземпляров каменных орудий: топоров, долот, кинжалов, наконечников копий и стрел, [камней для] пращей, ножей и пр., замечательно хорошей отделки; такой коллекции нигде в России не имеется, я не видел подобной даже на Парижской выставке; они приобретена господином Завишею лет 15 назад от наследников археолога Шмидта в Дании»[102]

Контакты археолога с натуралистами, таким образом, оказались взаимовыгодными и плодотворными для отечественной науки. Древнейшие памятники человеческой культуры представляли интерес для обеих сторон. Консультации географов, зоологов, почвоведов, геологов, химиков, врачей моментами просматриваются в археологических трудах Д.Я.Самоквасова. А когда неугомонный А.П.Богданов затеял «химико-техническое изучение археологических и антропологических предметов», то за курганными вещами для пробного лабораторного анализа москвичи адресовались опять-таки в Варшаву, по знакомому адресу. Естественнонаучным методикам в археологии, вообще междисциплинарным контактам в развитии гуманитарного знания принадлежало многообещающее будущее.

На пути к комплексному методу исторического познания

Ты, восхваляющий прошлое,
Ты, изучавший парадную сторону наций, жизнь — такой,
какой она выставляет себя напоказ,
Ты трактовал человека, как порождение
политиканов, группировок, вождей, жрецов,
А я ... трактую его, как он есть, по естественным законам ...

У. Уитмен. Историку.

Разделение гуманитарного знания на отдельные отрасли ускорилось со второй половины XIX в. Всезнающих любителей старины сменили замкнутые корпорации ученых специалистов — историков, филологов, искусствоведов, этнографов и т.д. Вместе с тем, среди них не замедлила обнаружить себя потребность во взаимном обмене идеями и методами. К тому же, общая бедность квалифицированных научных сил для такой огромной страны, как императорская Россия, и в дальнейшем нередко просто вынуждала к разноплановости, полифункциональности в

исследовательской работе. Так вот и Самоквасов, будучи историком и археологом по-преимуществу, уделял внимание не только этим дисциплинам, но и целому ряду с ними смежных.

Помимо богдановского общества антропологов, Д.Я. с 1873 г. стал членом гораздо более масштабного и влиятельного Русского Географического общества, эпизодически подключаясь к работе его этнографического отделения. «Живая старина», как называли тогда этнографию, оказалась тесно связанной с изучением обычного права и прочими историко-юридическими сюжетами.

Проводя очередные раскопки в Курской губернии, профессору довелось попутно зафиксировать, причем едва ли не впервые для нашей страны, реликтовую форму большой семьи — она состояла из 42 работников, 8 малых родственных семейств под управлением выборного самими сородичами старшины — среднего, самого способного из трех старших братьев. Д.Я.Самоквасов в своих публикациях [103] сравнивал «семью Софроничей» с древнерусской вервью и югославской задругой. В передаче М.М.Ковалевского этот факт был использован Ф.Энгельсом при подготовке работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Кроме того, варшавский профессор опубликовал и снабдил предисловием документальный «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Варшава, 1876). Тот представлял собой запись юридических и многих других обычаев почти всех коренных народов Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, сделанную еще по инициативе М.М.Сперанского. Для впервые составлявшегося известным реформатором полного свода законов империи готовилась кодификация обычного права ее восточных окраин. Большая часть сообщенных и лично заверенных племенными вождями и старшинами сведений осталась тогда втуне и едва не потерялась. Варшавскому университету удалось купить их рукопись у наследников чиновника, ведавшего инородцами в аппарате Сперанского еще в бытность того генеральным ревизиром зауральских территорий страны. Под редакцией и с предисловием Самоквасова эти уникальные данные были введены в научный оборот.

При подготовке сборника к печати профессору пришлось проштудировать массу отечественных и иностранных источников о жизни «камчадалов, коряков, чукчей, эскимосов, папуасов» и иже с ними. В результате появился цикл его работ, посвященный «древнейшим формам

общественных отношений», «истории человеческого общежития». Предложенная им в данной связи классификация культурно-исторических типов первобытных («каменной и бронзовой культур») и традиционных («сидячих, номадных и оседлых») обществ в значительной степени устарела со временем. Однако сам подход к синтезу разнородной информации о прошлом, акцент на преемственности потестарно-политических и собственно государственных институтов истории общества оказался весьма перспективным. Современные исследования проблем политогенеза опираются в основном на традиции зарубежной, английской антропологии [104], тогда как у данной тематики имеются ведь и отечественные предшественники, в том числе мой автор.

Междисциплинарный подход представлен в нескольких монографиях, опубликованных Самоквасовым в Варшаве. По жанру то были выпуски его сводной «Истории русского права» — учебника для студентов-юристов. Первый такой выпуск — «Начала политического быта древнерусских славян» — защищен профессором в 1878 г. как вторая, докторская диссертация. Совет Варшавского университета, где состоялась защита, утвердил его в звании доктора государственного права. Основное содержание этой работы — историографическое и источниковедческое. Автор реферирует и критически оценивает различные «литературные теории» развития отечественного государства и права — славянофильскую, западническую, в частности норманистскую, их ответвления. Самого себя он причисляет к «новой исторической школе в наших университетах», призвание которой — «освещение темных начальных периодов в русской истории посредством параллельного изучения фактов летописных и археологических».

На мой взгляд, действительно можно говорить об относительно самостоятельной школе или по меньшей мере тенденции исторической мысли в пореформенной России — так называемой (с иронией — противниками, с почтением — сторонниками) славяно-русской. К этой «партии» ученых причислялись, кроме Самоквасова, С.А.Гедеонов (с его фолиантом «Варяги и Русь»), И.Д.Беляев, И.Е.Забелин, Д.И.Иловайский (крайнего во всех своих взглядах — и политически ультрамонархических, и исторически ославянивавших всё и вся в прошлом Восточной Европы), и ряд других, менее известных сейчас авторов (В.З.Завитневич, М.Д.Затыркевич, М.О.Коялович, В.Н.Лешков, И.А.Линниченко, В.Г.Ляскоронский и некоторые другие). Вряд ли точно

именовать их поздними славянофилами или русофилами. Они претендовали, скорее, занять в отечественной историографии некую «золотую середину» между «государственниками»-западниками с их либерально-буржуазным пафосом, и, с другой стороны, патриархальным утопизмом славянофилов с их почвенническим, общинным креном. Упомянутые же мной только что историки и археологи пробовали совместить патриотическую, в их понимании, ориентацию с углубленной (в особенности за счет раскопок) фактологией истории славян и Руси.

Теоретико-методологически эта группа авторов близка школе украйнофилов в тогдашней историографии — Н.И.Костомарова и В.Б.Антоновича как робких провозвестников, а М.С.Грушевского, Д.И.Багалея, В.А.Пархоменко и некоторых других их учеников как прямых выразителей украинской историографии, отдельной от российской и даже кое в чем идейно враждебной ей. Если русофилы рассматривали Украину исключительно как Малоро·сию, то историки последней полагали сугубо украинской уже Киевскую Русь.

В историографии современной взгляды выделенных объединений историков оценивают чаще всего весьма негативно, смешивая с тем псевдопатриотизмом, что насаждался долгое время в советской исторической науке и заставлял искать предков славян аж в каменном да бронзовом веках, надуманно праздновать 1500-летие Киева, 1300-летие Чернигова, 1100-летие Белгорода (курского), вообще грешить против скептического историзма в понимании прошлого. Считается, что норманизм в русской исторической науке одержал убедительную победу и это во многом так и есть [105]. Однако на этом основании не стоит густо зачеркивать все аргументы и гипотезы противников ультранорманизма, тем более, что и сами эти противники как историки не одним миром были мазаны. Ситуация с начальной историей Руси выходит сложнее, чем это казалось сторонникам обеих «партий» в историографии — и национальной, и антинациональной. «Пейзаж после их битвы» недавно огласился разумными призывами продолжить обмен мнениями, а не вечно заниматься идейными похоронами антинорманизма и осанной любому проявлению норманизма [106].

В отличие от ортодоксальных антинорманистов и славянистов (вроде своего старшего друга Д.И.Иловайского), Самоквасов вовсе не думал отрицать активного участия варягов в политической истории древней Руси, включая захват их конунгами, приглашенными славянами в качестве

«пограничной стражи», княжеской власти в Новгороде, а затем и Киеве. Археологические факты подтверждали ему интенсивные межкультурные контакты восточных славян с их ближайшими и отдаленными соседями. Профессор подчеркивал только, что варяги застали на Руси не первобытный, а по сути государственный строй — систему племенных княжений. Так что первые же князья Рюрикова Дома скоро восприняли местные, славянские традиции. «По свидетельству вещественных памятников, — утверждалось в его «Истории русского права», — славяноруссы представляются нам не рассеянными, полудикими племенами, а народами земледельческими, сплоченными в политические союзы и имевшими в глубокой давности и до времени рецепции христианства в России сношения с цивилизованными народами ... Европы»[107] и Азии.

Сочетание древней истории и полевой археологии отличало Самоквасова от большинства его коллег-современников. Буквально единицы из профессиональных историков вплоть до начала XX в. пробовали свои силы на раскопках, да и те не рисковали сколько-нибудь систематически привлекать материалы этих последних для объяснения первых веков отечественной истории. А первые наши археологи со своей стороны на лавры историков древнего мира как правило не претендовали. Этот же автор решился пойти против обоих течений в источниковедении, точнее — их затянувшегося параллелизма. «Когда вы раскапываете городища и курганы своих предков языческой эпохи, — писал он, — вы собственными глазами видите фактическую обстановку их общественной и домашней жизни, а не глазами летописца — христианского монаха, писавшего столетием позже крещения русского народа, критически и односторонне смотревшего на быт язычников»[108]. Призыв археолога «собственными глазами смотреть» на начало русской истории научное сообщество расслышало далеко не сразу.

Хотя археологи и начали свою работу много позже историков, занятых лишь письменными источниками, они раньше и лучше тех смогли осознать, чем занималась основная масса населения древних обществ, что различало в далеком прошлом отдельные этносы, различные сословия и классы людей, как соотносились уровень материальной культуры и политико-правовой уклад, образ повседневной жизни и верования предков. Обо всём этом идет речь в историко-юридических по заголовкам трудах Д.Я.Самоквасова. Институты обычая и права, родоплеменное устройство

и государство рассматривались этим автором в широком историко-культурном контексте. По мнению ученого, в истории человечества «главное богатство составляет культурная обстановка жизни народа, т.е. предметы, извлеченные трудом человека из природы и приспособленные к удовлетворению его потребностей ...; чем проще и беднее культурная, экономическая обстановка быта данного народа, тем ниже стоит он на ступенях развития цивилизации, тем проще и беднее институты и отношения его государственной и гражданской жизни»[109].

Понятие быта историки и социологи в прошлом веке определяли гораздо шире, чем это делается теперь. Кроме домашнего хозяйства и досуга, под эту категорию при Самоквасове и им самим подводились типичные для той или иной эпохи формы промышленности, сельского хозяйства, социально-политического управления, торговли, достижения градостроительства, воинского искусства и прочие важнейшие моменты социально-исторической практики. Одни авторы склонялись к идеалистической трактовке структуры общественного быта (по сути — бытия), делая акцент на «истории национального самосознания», «эволюции народного духа» как первичных, определяющих факторах. Другие представители старой историографии поддерживали (с теми или другими оговорками) экономико-материалистическое понимание истории в духе основоположников марксизма (у которых, впрочем, до победы большевиков в революции находилось немало куда более известных и влиятельных конкурентов по идейно-методологическому влиянию на интеллигентскую среду).

Самоквасова же профессиональная археология привела скорее к так называемой «теории факторов», стремящейся уравновесить объективные и субъективные начала, стадиально-формационные и цивилизационно-локализирующие параметры истории человечества. В его работах экономика и религия, техника и искусство, государственно-правовые институты и характер народа (позднее названный менталитетом) рассматриваются как равноценные, взаимнодополнительные стороны при характеристике древних обществ. Подобную многофакторность историософии и прогрессисты от марксизма, и почвенники мистико-идеалистического толка клеймили как эклектику, эмпиризм. К сегодняшнему дню пафос крайних взглядов на ход истории заметно выдохся. «По существу, ушли в прошлое все линейные концепции прогресса, вызывает растущие сомнения ученых экономический и

технистский детерминизм. ... История щадит, пожалуй, лишь те представления, которые не претендуют на глобальный и вневременной смысл, относятся к конкретным параметрам общественных процессов, предлагают характеристики обществ на основе внутренне присущих им черт, сопоставимых с аналогичными чертами, наблюдавшимися в других обществах в ту же историческую эпоху [110]. «Юридическая археология» Д.Я.Самоквасова, пожалуй, относится именно к таким концептуальным моделям, разве что архаичным по терминологии.

Античные и раннесредневековые, отечественные и зарубежные письменные источники позволяли ему намечать перспективные районы поиска археологических объектов. И наоборот -- материалы из древних поселений и могил служили целям исторических реконструкций. «Результаты раскопок я сопоставлял с летописным материалом, разъясняя им вопросы о значении, времени и народности новооткрытых вещественных памятников, а с другой стороны, дополняя неполные и разъясняя сомнительные летописные свидетельства вещественными памятниками»[111], — вспоминал ученый. Для большинства его коллег по университетам и ученым обществам подобные процедуры оставались в диковинку, у многих вызывали не то, что недоверие, а прямую издевку. Ведущие историки того времени, включая Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева и В.О.Ключевского, так и не решились воспользоваться всё растущими данными археологии при объяснении и даже описании хода событий «с самых древнейших времен». А Д.Я.Самоквасов и прочие ученые археологи, надо признать, далеко не всегда корректно, доказательно интепретировали свои находки. Наряду с прозорливыми выводами насчет оседлого, земледельческого, успешно строящего собственные государства-»княжения» восточнославянского мира языческой эпохи, варшавский профессор допускал малообоснованные гипотезы, а то и просто фантастические предположения.

Это касается прежде всего излюбленной им концепции происхождения славянства непосредственно от скифов, сарматов и гето-дакийцев. Она изложена им во втором выпуске его «Истории русского права», последовавшем в 1886 г. и называвшемся слишком общо для юридического факультета — «Происхождение славянства». Поддержав спорную с самого начала версию о праславянстве скифов, Самоквасов так и не отступил от нее, даже под градом критических замечаний со стороны большинства коллег — историков, филологов, археологов. Одно

заблуждение повлекло за собой целый ряд других ошибочных выводов в и без того донельзя сложной этногенетической области.

Допустим, профессор уделял много внимания кладам и отдельным экземплярам римских серебряных монет — денариев Траяна и прочих римских императоров I — начала III вв. н.э., найденным на территории Европы. Составив почти исчерпывающий каталог таких находок применительно к России, он рассматривал их как доказательство своей гипотезы о миграции праславян с Дуная под натиском летописных «волохов»-римлян. Якобы эти беженцы из покоренной Римом Дакии и соседних провинций обратили свою недвижимость в звонкую монету и поместили ее на новых местах своего жительства в «подземные банки»[112]. Сама по себе идея — перенести на карту имеющиеся сведения о денежных кладах определенного типа — оказалась весьма перспективной, обернулась эффективным методом историко-археологического исследования. Многие корреспонденты, даже неспециалисты, присылали Д.Я. всё новые и новые сообщения о находках римского серебра в разных углах Европейской России.

Однако большинство ученых не поддержало миграционной трактовки этих кладов Д.Я.Самоквасовым, а присоединилось к выдвинутому Д.Н.Анучиным объяснению их появления по бассейнам Днепра, Десны, Сулы, Оки и далее, вплоть до Прибалтики в результате оживленной хлебной и иной торговли римлян с «варварами». Вместо того, чтобы прислушаться к здравым соображениям коллег, Самоквасов тут же устроил с Анучиным ожесточенную полемику под лозунгом: «Кто вводит в науку наибольшие недоразумения?»[113]. Историографически любопытно, что и самоквасовская, и анучинская трактовки данной проблемы получили определенное развитие в современной исследовательской литературе. Римские монеты по варварскому «лимесу» и за его кордоном посейчас оцениваются то как денежный эквивалент международной торговли начала н.э.[114], то как показатель интенсивного денежного обращения внутри предгосударственного типа обществ вроде черняховского, включая раннеславянские [115]. Весомую поддержку и развитие получила и казавшаяся современникам наивной в изложении Д.Я.Самоквасова идея дунайской прародины восточного славянства [116].

Похожей противоречивостью отличалась судьба некоторых других слишком смелых самоквасовских гипотез. Еще при его жизни была убедительно показана разница между ираноязычными скифами и

сарматами, фракийцами даками и гетами, с одной стороны, и будущими славянами, с другой. Отмечая архаизм, даже нелепость попыток профессора отождествить их по этносу, стоит вместе с ним обратить внимание на отдельные генетические связи этих разноязычных народов, на дисперсность и динамизм очертания славянской прародины, нелинейность этногенетического развития вообще. В наши дни аргументы Д.Я.Самоквасова насчет античности славян сданы наконец в историографический архив, а вот археологический, лингвистический, собственно исторический подходы к сложнейшей проблеме происхождения славянства, у истоков которых стоял и этот автор, успешно развиваются.

Любопытным откликом на самоквасовскую концепцию происхождения русского народа могут быть, по моему предположению, знаменитые блоковские «Скифы». Вспоминая об отце, поэт писал, как ему приходилось «в чужой Варшаве / с ним разговаривать о праве / юристов с ним критиковать ...» При общении Александра Александровича с Александром Львовичем, ближайшим сотрудником Дмитрия Яковлевича по юридическому факультету, вполне могла прозвучать экстравагантная для историка, художественно переосмысленная поэтом идея: «Да, скифы — мы!»

Третья часть задуманного Д.Я.Самоквасовым цикла историко-юридических исследований называлась «Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси и происхождение Московского государства» (Варшава, 1886). Этой книгой он вновь продемонстрировал свои возможности как «чистого» историка, перейдя от языческой архаики к летописно-актовому средневековью. В скором будущем, после отъезда из Варшавы, это расширение научной специализации профессору окажется как нельзя кстати.

Основные результаты варшавского периода его научной работы сведены в 400-страничный том — систематический курс истории древнерусского права для юридических факультетов университетов (Варшава, 1888). Перелистывая сейчас это издание, убеждаешься — автор идет, что называется, по целине в сторону комплексного, междисциплинарного изучения далекого прошлого. Изощренная текстология всего корпуса письменных источников сочетается там с фактами археологии, наблюдениями этнографии, выводами лингвистики. Потестарные (родо-племенные) и политические отношения, юридические

нормы и государственные институты неизменно рассматриваются им в общекультурном контексте. Внутрислявянские процессы — на широком фоне международных взаимодействий.

Подобному стилю исторического познания принадлежало будущее. С усовершенствованием такой методологии в дальнейшем удалось преодолеть и некоторые заблуждения, многое уточнить и дополнить в историко-археологических построениях самого профессора, других ученых его поколения и круга.

Коллекция древностей для Исторического музея

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило?..

А. С. Пушкин. Скупой рыцарь.

Итоги своей двадцатилетней работы Д.Я.Самоквасов решил подвести не только по истории права, но и собственно в археологии. Его растущее собрание древностей нуждалось в систематизации и обнародовании. «Я вполне уверен, — писал Д.Я. академику А.Ф.Бычкову, — что издание моих находок обратит внимание нашего ученого общества на богатый отдел памятников древнейшего периода нашей истории, до новейшего времени оставшийся почти не тронутым ученой критикой»[117]. Однако денег на задуманное капитальное, со множеством иллюстраций издание ему долго не удавалось найти.

Хлопоча о новой казенной субсидии, археолог перечислял самые эффектные свои открытия: «... Каменные орудия вместе с расколотыми человеком костями мамонта ... , множество кремневых изделий и узорчатых обломков древнейшей глиняной посуды (на песчаных холмах побережий Десны и Днепра); городище, заключающее в себе много кремневых, костяных и бронзовых орудий и ни одного предмета из железа (в Новгород-Северском уезде); курганы с могилами, содержащие в себе золотые и бронзовые вещи, подобные таким вещам в Керченских и Таманских курганах; каменный фундамент древнейшего христианского храма в Чернигове, на месте «Княжого двора» удельной эпохи ... , в

подземных усыпальницах которого открыты христианские покойники, украшенные вещами, сходными с вещами несомненно языческими, добытых из курганов с покойниками сожженными; серебряные слитки — древние гривны пяти типов, неизвестных до настоящего времени; и т.п.

Все эти факты совершенно новые и чрезвычайно важные для нашей истории,— убеждал ученй своих влиятельных в министерских сферах корреспондентов, — но мнс не хочется публиковвать их в отдельности, с той целью, чтобы в одном издании сгруппировать все факты, добытые моими раскопками с 1869 г. ... Будучи сгруппированы в одном издании, снабженные рисунками, эти факты получат такое значение, какого они не могут иметь в разрозненном виде, в отдельных журнальных статьях, лишенных рисунках»[118].

Как говорится, нет худа без добра — промедление с публикацией коллекции позволило ученому накопить данные, полезные для серьезных обобщений по поводу общей археологической классификации. За упомянутыми в цитированном только что письме 1879 г. находками последовали столь же успешные раскопки Самоквасова на Кавказе и в Крыму, вновь на Украине и польской земле. С раздумьями над группировкой и датировкой добытых в этих регионах древностей связаны его ученая командировка за границу в апреле—мае 1889 г. Как гласила официальная мотивировка путешествия — «для осмотра археологических музеев в Кракове, Вене, Буда-Пеште, Афинах, Константинополе, Болонье, Венеции, Флоренции, Риме и, особенно, в Неаполе»[119], где велись знаменитые раскопки погибших при извержении Везувия Помпей и Геркуланума. Профессору удалось принять участие в этих раскопках, а также поработать с итальянскими археологами на нескольких местных некрополях, приобрести выразительные коллекции греческих и римских бытовых древностей. «Об узнанном мной в этом путешествии, о сходствах и различиях устройства и содержания могил Южной России и могил древних италов, пеласгов, этрусков, умбров, римлян, даков, гуннов я скажу несколько слов на предстоящем в Москве [в 1890 г.] Археологическом съезде»[120], — обещал он П.С.Уваровой, сменившей своего безвременно скончавшегося супруга на посту председателю ИМАО.

На VIII, московском съезде археологов в 1890 г. самоквасовская коллекция впервые демонстрировалась целиком. «Перед публикой предстала масса характерных археологических сокровищ из простого камня, яшмы, янтаря, серебра и золота; ожерелья, перстни и кольца, лоскутки

шелковых материй, наконечники стрел, бляхи, диковинные металлические ржавые зеркала, монеты и т.п. наглядно поясняли доклад профессора и восстановляли далекое седое прошлое нашей родной земли»[121], — писали в дни съезда газеты.

Упомянутый доклад Д.Я.Самоквасов посвятил «основаниям хронологического распределения этнографических материалов из курганов южной и средней России». Проще говоря, речь шла о том, каким народам принадлежали различные типы древностей, и как их можно датировать. Выработанную им по археологическим данным схему исторических эпох, сменявших друг друга на европейской территории нашей страны, профессор уточнял на протяжении 1890–1900-х гг. Но критериев группировки древностей не пересматривал, остановившись на хронотопной шкале — периодизация совмещена тут с типологией важнейших на взгляд автора этнокультур. В их числе: 1) доисторическая (палеолит); 2) киммерийская (вплоть до VI–VII вв. до н.э., т.е. неолит, энеолит, бронза); 3) скифо-сарматская (VI в. до н.э. – V в. н.э., раннее железо); 4) анто-славянская (VI–XI вв.); 5) славяно-русская (XI–XIII вв.); 6) половецко-татарская (XII–XIV вв.); наконец, 7)»древности российские новейшего периода».

Как видно, за основу такого перечня берутся «внешние культурные влияния, изменявшие домашний и социальный быт туземного народонаселения». Кроме отмеченных крупных периодов, исследователь различал целый ряд их подразделов. Так, скифо-сарматская эпоха включала, по его мнению, отрезки «скифо-массагетский»,«скифо-сколотский», «скифо-сармато-праславянский». А славянорусское время делилось на языческое и христианское (домонгольское). «Этой классификацией могильных древностей я желал, — пояснял профессор, — дать своей коллекции значение учебного пособия для преподавателя начальных периодов русской археологии и истории»[122].

В ходе московского съезда самоквасовская классификация подверглась острой критике. Против нее говорилось главным образом об искусственной якобы подгонке самых разнообразных по типу материальной культуры и, видимо, народности их носителей, памятников под ту или иную рубрику. Оппоненты сошлись на том, что «в России введение этнографических терминов в отношении хронологии [археологических древностей — С.Щ.] опасно и преждевременно»[123].

Слов нет, приведенная группировка отечественных древностей весьма уязвима во многих своих частностях, в первую очередь из-за своей прямолинейности. Барон Ж. де Бай, докладывая Обществу антикваpиев Франции об итогах московского конгресса, верно заметил: «Россия занимает слишком большую часть земного шара, чтобы одна какая-то классификация древностей была бы применима ко всем крайним точкам ее необъятной территории. Это относится не только к каменному веку, но и в еще большей степени ко временам, что следуют за ним»[124].

И всё же в процессе становления российской археологии самоквасовская классификация останется одной из самых важных вех. Ведь она представляла собой первую попытку конкретизировать универсальную и в общем-то бесспорную схему каменного — металлических веков применительно к до предела пестрой и динамичной картине Восточной Европы от начала ее заселения человеком до первых классово-государственных образований. Для своего времени подобный общий эскиз был насущно необходим, и не только для педагогов, как скромничал Самоквасов, но и для всех исследователей российской старины. Во всех позднейших, гораздо более сложных и конкретизированных вариантах упорядочения отечественных древностей просматриваются контуры выделенных профессором в первом приближении исторических эпох.

Свою коллекцию Д.Я. предназначал Историческому музею в Москве. Программа устройства и деятельности этого национального древлехранилища на Красной площади, основанного А.С.Уваровым, всецело разделялась варшавским собирателем древностей. «... В нем могли быть сосредоточены в оригинале или копиях исторические памятники, разрозненные в настоящее время во множестве столичных и провинциальных, общественных и частных коллекциях, а потому почти недоступные для сравнительного изучения специалистов»[125], — писал Д.Я.Самоквасов в статье, защищавшей идею музея в самом начале ее реализации.

Однако коллекция попала в музей не напрямую, а через самые высокие сферы. Уникальное собрание обратило на себя внимание великого князя Сергея Александровича, тогдашнего генерал-губернатора Москвы, числившегося «августейшим председателем» Исторического музея и целого ряда Археологических съездов. Закончив экскурсию по выставке древностей, профессор сообщил сановному посетителю о своем намерении

подарить коллекцию государству, «если на то воспоследует соизволение Государя Императора». Кроме великого князя, к этому делу были подключены другие влиятельные при дворе лица. По возвращению с московского съезда в Варшаву, Самоквасов писал А.В.Половцеву: «... Я немедленно приступил к приведению в окончательный порядок моих древностей ... Для механической работы нанял двух помощников, а дело подвигается все-таки медленно: нужно переписать начисто до 300 листов дневника раскопок за 20 лет; нужно составить каталог и описание более 5000 отдельных предметов древности; нужно переменить более 50 [фото]карточек и более 100 таблиц, попорченных при отправлении на выставки; и проч. Но во всяком случае осенью нынешнего года все мои коллекции передам в распоряжение Государя; боюсь держать их дома, в частной квартире»[126].

Самоквасовское собрание обладало громадной материальной ценностью. Причем покупательский спрос на первобытные, классические, варварские, кочевнические древности за границей как раз в те годы, в связи с подъемом научной археологии, вырос чрезвычайно. Данное обстоятельство «до такой степени подняло цены на подобные предметы, что приобретение их для русских правительственных музеев сделалось, можно сказать, недоступным, т.к. мы не в состоянии конкурировать с иностранцами на этой почве»[127], — сообщал новый председатель ИАК граф А.А.Бобринский своему непосредственному начальнику, министру императорского двора князю В.С.Кочубею. Зато музейные работники оценили не только сами по себе экспозиционные да научные достоинства коллекции Самоквасова, но и «его бескорыстное отношение к собранным им богатствам, которые он мог всегда продать в любой европейский музей, но он их даром отдал России на пользу науке»[128].

А посвящение или символическое поднесение того или иного крупного ученого или художественного труда императору или его родственникам (разумеется, после предварительного согласия соответствующей персоны) — довольно-таки обычное дело для монархически настроенной части русской интеллигенции. Н.М.Карамзин поступил так со своей «Историей государства Российского» (и получил деньги на ее издание), а, скажем, А.А.Фет — с полным переводом стихов Горация (и был вознагражден возвратом заветной для него дворянской фамилией отца Шеншина и почетнейшим чином камергера). Подобный шаг для лиц с нелиберальными взглядами, впрочем, диктовался не только и не столько

какими-то меркантильными соображениями, но предоставлял возможность отличиться на своем поприще среди коллег и придать общественный резонанс итогам своей работы. Музей на Красной площади носил имя сначала наследника престола, а затем императора Александра III. Во главе музея официально стоял председатель и этот пост номинально занимали члены царствующего дома (фактически руководил музеем товарищ председателя — сначала сам граф А.С.Уваров, а после его кончины И.Е.Забелин). За всей этой монархической мишурой, кроме сколь угодно субъективных убеждений организаторов, стояла объективная необходимость получать казенные ассигнования на строительство и оборудование музея, начинавшегося на личные средства Уваровых и другие частные пожертвования. Так что посредничества «августейшего покровителя» при передаче столь масштабного пожертвования, как самоквасовская коллекция, нельзя, да и не нужно было миновать.

Заявление Самоквасова пошло через министра просвещения графа И.Д. Делянова, которого лично знакомый с ним профессор предупредил: «Буде Его Величество спросит Вас, в какое древлехранилище всего удобнее поместить на вечное хранение его коллекцию, то указать на Исторический музей»[129].

В феврале 1892 г. дело решилось именно таким образом. Д.Я. удостоился аудиенции грозного, но великодушного Александра III, который поблагодарил его за патриотическое намерение «и изволил выразить мысль, что лучше всего было бы поместить коллекцию в Исторический Императорский музей». После показа на очередном международном конгрессе по археологии и антропологии в Москве, самоквасовское собрание окончательно перешло на музейное хранение. Большая часть коллекции вскоре вошла в экспозицию музея. Материалы черниговских раскопок легли в основу славянского зала, его орнаментации и витрин. Правда, по поводу расположения здесь экспонатов у жертвователя потом случались разногласия с руководством музея. Археолог твердил о «строго научном, помогильном показе курганных древностей», а Забелина обвинял в стремлении выставить на первый план вещи, «показные для публики». Однако в конце концов добрая воля с обеих сторон и профессору разрешили переставить свои находки по собственному усмотрению, выделили дополнительное место на стендах. Тут он нередко проводил занятия со студентами, выступал с открытыми лекциями для слушателей различных курсов, начиная с Московского Археологического института. «Во внимание

к особым заслугам перед русской наукой в деле разыскания и объяснения курганных древностей и за представление ценных коллекций сих древностей» государству его избрали почетным членом Исторического музея.Даритель поставил условие — не нарушать целостность передаваемого собрания, вечно хранить коллекцию под его именем. Не только научным, но и музейно-охранным целям служило предпринятое им в том же 1892 г. роскошное издание — «Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я.Самоквасова», с приложением 10 листов репродукций важнейших находок. На печатание дневников раскопок профессорских сбережений уже не хватило и перебеленные полевые журналы вместе со всеми рисунками, чертежами и фотографиями поступили в музей в оригинале. В составе того же археологического архива находилась и обширная переписка профессора на научные темы. Среди его корреспондентов — почти все крупные археологи того времени в России и многие иностранные коллеги из Кракова, Праги, Вены, Берлина, Парижа, Рима, а также множество скромных любителей истории и археологии со всех концов нашей страны [130]. Живописный портрет Д.Я.Самоквасова по праву вошел в галерею основателей и меценатов Государственного Исторического музея. В его обновленной сейчас экспозиции, в заново открытых для обозрения после затяжного ремонта первых — археологических залах замечательно отреставрированные древности Черной могилы и других черниговских курганов по-прежнему занимают видное место.

Пенсия по профессорской службе полагалась тогда через 25 ее лет. В Царстве Польском этот срок в льготном порядке сокращался до двух десятилетий. У Самоквасова он истекал в 1891 г. (в стаж ему засчитали два года магистратуры при Петербургском университете). Он тут же подал прошение об увольнении со службы в министерстве народного просвещения и оно было удовлетворено.

Университетская Варшава не хотела бы отпускать Д.Я. Когда пришло время отъезда, коллеги и добрые знакомые этой семьи — русские и поляки вскладчину устроили прощальный обед. Затем все они дружно провожали отставного профессора с супругой на вокзал. После прощальных речей и благожеланий на новом месте жительства — в Москве, «студенты энергично взяли его у нас, — вспоминал Д.В.Цветаев, — подхватили на руки и так на руках внесли в вагон, усыпанный цветами. Поезд двинулся, увозил его от нас все дальше, а мы долго и с волнением смотрели ему вслед ...»[131].

ГЛАВА IV
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СЛУЖБЫ — МОСКВА

Спешил работать, в моду стал входить,
Уже Москва-старушка, — замечал он, —
Ему, как внучку, стала ворожить ...

Я. П. Полонский. Братья.

Управляющий архивом

В Москве профессора-пенсионера ждала новая служба — его пригласили на вакантное место управляющего Московским архивом министерства юстиции (МАМЮ). До сих пор он иногда работал в архивах как посетитель, исследователь. Теперь — с 29 января 1892 г. принимал под начало крупнейшее, пожалуй, во всей стране хранилище древних актов и рукописей — свыше 2,5 миллионов номерных дел, каждое из которых в свою очередь состояло из нескольких документов. Столбцы, книги, вязки, папки, разрозненные — в кучах бумаги, оставшиеся главным образом от бывших правительственных и местных учреждений России XIV–XIX вв., включая важнейшие приказы — Дворцовый, Поместный, Сибирский, Патриарший, Судный, Сыскной, Монастырский, Каменного строения, а в особенности огромный Разрядный приказ и документы воевод всех подчиненных ему тогда русских городов; далее — архив Правительствующего Сената и многих его учреждений; Соляной, Ямской и Берг-контор, Главного магистрата, т.п. государственных инстанций; архив Великого княжества Литовского [1]. «Документальное богатство русского народа», как определял Самоквасов своё новое хозяйство. В основном с архивом и его проблемами будет связан следующий — московский период его жизни и деятельности.

Д.Я. перешел с варшавской кафедры в московский архив прежде всего по своим житейским обстоятельствам. Два десятилетия службы по сути дела за границей, в нелегких условиях — сами по себе достаточная причина для возвращения на Родину. Но выбор именно архива, да еще такого, как МАМЮ, — здесь есть несомненная связь с его предшествующей работой историка и археолога. Вещественными памятниками древности, методикой их поиска и объяснения Самоквасов

овладел к тому времени вполне. Возможность переменить образ жизни, в том числе тематику научных занятий — заняться поплотнее источниками документальными, явно импонировала ему. Многие творческие люди на вершине жизненного пути испытывают потребность отклониться от проторенных маршрутов, обновить круг ставших привычными задач. Тому, о ком я рассказываю, удалось это сделать весьма логично. А именно такая вакансия в нужный момент была редкой удачей, подарком судьбы.

Архивное здание на Девичьем поле, где в просторной казенной квартире поселилась чета Самоквасовых, оказалось, впрочем, далеко не тихой заводью. Да и решительная, широкого размаха натура Д.Я. не признавала рутинного образа жизни даже на склоне лет. Возглавленное им древлехранилище пребывало тогда в плачевном состоянии. Большая часть громадного массива документов оставалась там не описанной, многие отделы даже не разобраны после поступления в архив. Туда просто не ступала нога человека. Жалование сотрудников — мизерное, их количество неуклонно сокращается — способные и образованные ищут более хлебных мест и находят их. Оставшиеся заняты в основном собственными историческими разысканиями да заказными работами, а не скучноватым и неприбыльным разбором да описанием единиц хранения, как полагалось бы по штату.

Общее мнение учёных исследователей, посещавших архив до прихода Самоквасова, выразил известный историк А.А.Кизеветтер. В своих воспоминаниях он писал: «...Архив этот — сущий бумажный океан, необозримый и бездонный. Лишь очень малая часть этого океана охвачена сколько-нибудь удовлетворительными описями. Остальное — представляло таинственную загадку, в которой можно было натолкнуться случайно на самые неожиданные открытия». Архивариусы-ветераны, поседевшие над полками и столами с документами, — «Зерцалов и Холмогоров всю жизнь провели в том, что беспрерывно, точно водолазы, ныряли по глубинам этого океана и замечали встретившиеся им там сокровища. У каждого из них были свои, для личного сведения составленные описи, которых они ни за что никому не показали бы, ибо то был их талисман, составлявший секрет их могущества. Но беда их заключалась в том, что по отсутствию исторического образования они не могли бы определить степень научного значения открываемых ими сокровищ»[2]. Впрочем, для некоторых своих любимцев (В.О.Ключев-

ского, например, или того же Кизеветтера) старожилы архива делали исключение и оделяли их частью своих сокровищ (за определенную приплату). Зерцалов «чуть не каждое воскресенье приходил ко мне, — признавался Ключевский, — и вынимая из кармана знакомые мне серые листы и выпирая бородку, говорил: «А я вот кое-какие бумажки принес». Я уж наперед знал, что это — какая-нибудь новость, открытая им в архиве»[3]. А после смерти В.И.Холмогорова в 1902 г. в его отделении оказались редчайшие документы, которые он никому не показывал.

Предшественники Самоквасова по управлению МАМЮ, тоже профессоры-историки — сенатор Н.В.Калачов и Н.А.Попов [4] пытались, но не смогли остановить всё растущий «снежный ком» безнадежной путаницы в архивных фондах. Читальный зал и справочное отделение долгие годы функционировали в ограниченных пределах документов, приведенных в мало-мальский порядок и бегло описанных еще при первом директоре — «служаке николаевского времени» П.И.Иванове. Построенное в 1886 г. на немецкий манер как образцово-специализированное для хранения документов здание архива уже требовало капитального ремонта.

«Приняв архив в виде приюта, ты оставляешь его академическим учреждением»[5], — скажут потом о Самоквасове его ближайшие сотрудники. За этими словами — два десятилетия борьбы. Новый управляющий повел ее прежде всего с сановными петербургскими бюрократами. Со многими из них он был коротко знаком по предшествующей службе, кое-кто оказался даже его однокашником по университету. В министерских и законодательных инстанциях Самоквасов несколько раз возбуждал ходатайство об увеличении ассигнований на архив, о расширении его штата. Он обходил кабинет за кабинетом с просьбами «ускорить движение этого дела в Государственный совет [а затем и в государственную Думу — С.Щ.] и оказать ему возможную помощь как особо важному для государства и науки»[6]. Многим прошениям путь преградили «осложнения политического положения» — войны и революционные потрясения, а пуще того — беспримерная чиновничья волокита. Но дважды — в 1893 и 1909 гг. ходатайства увенчивались успехом и Д.Я. с чувством глубокого удовлетворения мог переделить финансы «архивного пирога» несколько пощедрее между членами своего героического коллектива. Дотации пришлись как нельзя кстати и Самоквасов сумел достойно завершить большое дело, начатое Калачовым, — благоустройство национального архивохранилища.

К архивному зданию на Большой Царицынской улице по инициативе и под руководством Самоквасова провели водопровод, канализацию и, главное, новомодное электрическое освещение. Были изготовлены новые, каменные и паркетные полы взамен прежних, полусгнивших; ветхая мебель заменена на новую — из ясеня и карельской березы; вместо дрезины, на которой архивисты с риском для жизни разъезжали по высоченным ярусам архивохранилища, устроены ажурные металлические перекрытия с лестницами; обновлена система водяного отопления — ранее в промерзавшем зимой хранилище чиновники трудились, не снимая шуб; налажена вентиляция помещений; во внутреннем дворе вновь разведен сад; постройка второй сторожки усилила охрану здания; и т.д., и т.п. На первый взгляд всё это — сугубо хозяйственные заботы, вроде бы недостойные историографии. Но ведь именно они обеспечивали оптимальные, на мировом уровне условия хранения и использования главного архива древних актов нашей страны. Административный корпус и «магазинное» хранилище документов бывшего МАМЮ — нынешнего РГАДА до сих пор возглавляют целый архивный квартал на улице, называемой теперь Большой Пироговской [7]. Для показательного сравнения прошлого состояния тех же самых архивных фондов с настоящим, сошлюсь на недавно появившуюся в «Книжном обозрении» (1998, № 8) заметку «Российские архивы в опасности» — по поводу того, как в архивном городке на Пироговской на протяжении зимы дважды за просрочивание коммунальных платежей отключали отопление, ставя под угрозу температурно-влажностный режим хранения документов ...

«Не стены, а люди создают города», гласит библейская притча. Новые бюджетные ассигнования требовались Самоквасову не только для строительства и ремонта, но прежде всего затем, чтобы привлечь к себе на службу способных работников с высшим гуманитарным образованием. МАМЮ получал новые штаты незадолго до назначения сюда Д.Я. — в 1888 г. Однако оклады архивистов по этим штатам как были, так и остались мизерными, в несколько раз меньшими окладов судейским и педагогическим чинам. Архивисты потянулись в юридические учреждения и учебные заведения, где служба оплачивалась выше, давала продолжительные каникулы и усиленную пенсию. На протяжении второй половины XIX в. кадры МАМЮ неуклонно сокращались. Первоначально, в 1850-е гг. архив насчитывал до 100 штатных служащих, а к концу 80-х — только 26. Оставшиеся же на архивной службе

чиновники открыто подрабатывали в служебное время заказными из Академии наук и прочих инстанций работами за отдельную, ощутимую плату, занимались собственными исследовательскими работами, в особенности диссертациями, служившими «золотым мостом» для последующего бегства из архива в высшую школу. А за составление описей архивным документам, что им в первую голову полагалось по штатному расписанию, архивисты требовали особой доплаты сверх жалования, тогда действительно нищенского.

Д.Я.Самоквасову удалось переломить эту негативную тенденцию анархизации в управлении столь важным для всего государства архива, как МАМЮ. Первое же пробитое им повышение штатов принесло архиву 15000 рублей в год сверх прежней сметы. В условиях, когда батрак в российской деревне за сезон напряженных полевых работ получал несколько десятков рублей, а, скажем, кадровый офицер несколько сот в год, это были немалые деньги. Они пошли не только на увеличение жалования архивным чиновникам, но и на новые печатные издания МАМЮ. Однако инфляция постепенно съела эту прибавку. В 1907 г. управляющий отвечал на просьбу своего лучшего друга графини П.С.Уваровой: «Бюджет в архиве остается прежний, а за последние годы так всё вздорожало, что мне очень трудно свести к концу года приход с расходом по управлению архивом; по этой причине в настоящее время не имею возможности предоставить какие бы то ни было платные занятия рекомендуемому Вами молодому человеку; может быть, получу эту возможность в январе будущего года»[8].

Второй прибавки архивного бюджета ждать пришлось подольше, но она дала уже на целых 35000 рублей более предыдущей ежегодной сметы. В итоге этих финансовых реформ Самоквасову удалось удержать, вернуть и пригласить на работу в архиве высококвалифицированных специалистов. В его команде уже не терпели малограмотных или своекорыстных людей. Все, кто трудился здесь над описями исторических источников, имели высшее — юридическое или историко-филологическое образование, а иные сверх того прошли курс Археологических институтов. Многие из самоквасовского персонала получили заслуженную известность как замечательные археографы — методисты и практики, как выдающиеся исследователи-историки. Среди них университетские профессоры Ю.В.Готье (с 1939 г. академик советской АН) и М.В.Довнар-Запольский; приват-доценты К.А.Стратоницкий, Н.Н.Харузин, А.Д.Григорьев;

преподаватель Московского Археологического института Н.Н.Ардашев; известные своими научными трудами и общественно-организационной деятельностью И.Я.Стеллецкий, Н.П.Чулков, В.В.Шереметьевский, И.П.Шимко, С.А.Шумаков; многие другие замечательные архивисты МАМЮ.

За «живой водой» описей для «кладбища» исторических источников

И то ль веселье для души —
Перелетать листы, страницы ...
Недаром иногда пороешься в пыли,
И, право, отрывать случалось
Такой столбец, что сам ты на земли,
А будто небо открывалось.

Д. В. Веневитинов. Отрывки из «Фауста».

Усилия своего коллектива этот управляющий решил направить в первую очередь на систематическое описание самых ценных — по старине и научной репрезентативности фондов архива. Он исходил из того, в общем-то бесспорного факта, что неучтенный, неописанный архивистами документ остается по сути неизвестен исследователям, практически беззащитен перед злоумышленниками — похитителями или фальсификаторами. Между тем, воровство и подделка исторических бумаг с целью приобретения прав на дворянство , замельную собственность и прочих выгод достигли к тому времени повальных размеров. Из-за этого правительству пришлось закрывать некоторые архивы древних актов страны впредь до их тотальной ревизии. На сей счет Д.Я.Самоквасов горько иронизировал: «Может быть, уже близко время, когда потребуется издание общего закона о воспрещении государственному народонаселению пользоваться актами удостоверения и укрепления личных и имущественных прав, хранящихся в государственных архивах Российской империи»[9].

Прежде чем и чтобы изучать содержание любого документа, публиковать его, наводить по нему всевозможные справки, необходимо пусть лапидарно, но зафиксировать само наличие этого документа в

архиве, учесть важнейшие данные о нем — происхождение, дату составления, количество листов, место в хранилище, т.п. элементарные сведения. «Архивная опись, — по непоколебимому убеждению Самоквасова, — должна удовлетворять требованиям научным и практическим, а потому должна заключать в себе описание всех актов делопроизводства и всех документов с перечнем всех личных и топографических имен, встречающихся в актах и документах»[10].

Легко сказать — всех... Ревизия, назначенная новым управляющим сразу по приходу в МАМЮ, показала: «Многие отделы архивных документов находятся в полном беспорядке: столбцы, книги, связки и дела разрознены; старые переплеты книг частью разорваны или совсем оторваны; десятки тысяч столбцовых связок не разобраны, без коробов и оберток; связки Разряда помещены так беспорядочно и стесненно, что в случае надобности отыскать данный номер, передвигаются и портятся соседние столбцы; документы одного отдела попадают в другой отдел и тогда их отыскать невозможно; многие древние, драгоценные по содержанию грамоты и другие документы нагромождены кучами, не развернуты и лишены внешней охраны; миллионы дел без описей и алфавитов, даже без нумерации ...»[11].

Кремнёвый характер Самоквасова и его организаторский, приобретенный в деканате и на раскопках опыт, оказались достойны поистине грандиозных задач по упорядочению архива. Профессор начал с того же, на чем остановились его предшественники — с последовательного описания документов Разрядного приказа, «как наиболее беспорядочных и особенно важных для научных исследований и практических справок»[12]. Калачов и Попов, каждый со своим персоналом, с теми же благими намерениями приступали к этой работе, но им не удалось продвинуться дальше первых двух — «роковых» сотен разрядных столбцов (Столбцом называется официальный документ XVI–XVII вв., состоящий из нескольких бумаг, склеенных и свернутых в виде свитка, большего или меньшего по диаметру рулона. Затем деловые бумаги стали связывать и переплетать в виде книг; наконец, подшивать в папки).

Разрядный приказ или попросту Разярд ведал всеми служилыми людьми Московского царства, его вооруженными силами, пограничными городами и т.п. вопросами. Его документы заключали в себе огромный массив самых разнообразных сведений о внутренней и внешней политике

русского государства с середины XV и по начала XVII ст. С конца 1892 г. служащие МАМЮ в третий раз заново приступили к разбору и описанию этого архивного фонда. Самоквасовым была составлена новая, упрощенная инструкция для составления описей древнейших документов, включая разрядные. В ней сохранялась преемственность с предшествующей номенклатурой уже описанных разделов архива. Она предусматривала составление алфавитных указателей ко всем просматриваемым документам — личных имен и фамилий, географического и (к некоторым разделам) предметного. Надо заметить, что Самоквасов и его сотрудники не считали принятый ими после коллективного обсуждения регламент описательной деятельности непогрешимым. По ходу этой работы, с учетом реакции не нее в историко-архивной среде и накопления собственного опыта они уточняли свои описательные позиции [13].

Как признавался архивариус Н.П.Чулков, «в первое время громадность описательной работы прямо подавляла архивистов. 10000 разрядных книг и столбцов казались неприступной крепостью, которую до бесконечности трудно одолеть каким-нибудь 7–8 человекам (в самое счастливое время бывало 10–11 человек), занятым описательными работами. А за разрядными документами выдвигался бесконечный ряд запущенных архивных отделов. Сначала Д.Я. заметно поторапливался; это заставляло торопиться и его сотрудников, иногда, может быть, более, чем допустимо при такой трудной, требующей величайшей осторожности работе. Но с течением времени крепло убеждение, что описательная работа скоро окончена быть не может, описательная деятельность приобрела более спокойный характер и самая ее программа, на основании опыта, значительно расширена. При всей немногочисленности сил архива при Д.Я. были описаны до 7000 разрядных столбцов и кончина его совпала с описанием последних мелких отделов этих столбцов»[14].

Под редакцией Самоквасова вышло в свет 8 томов серийного издания архива — «Описания документов и бумаг МАМЮ». Все — с описями Разряда. Завершать этот титанический труд пришлось уже под руководством преемника Д.Я. на посту управляющего — проф. Д.В.Цветаева, знакомого читателю по предыдущей главе. Описательный план Самоквасова был выполнен до конца через 30 лет после его составления публикацией в 1921 г. последней, 20-й книги «Описания ...» — как раз накануне преобразования старого доброго Архива

министерства юстиции в советское Древлехранилище Исторического архива (затем ЦГАДА, ныне РГАДА). «Вместо перебитых, недоступных для использования столбцов, архив располагает удобно уложенными в картоны документами, которым составлены превосходные именные, географические и предметные указатели»[15], — отзывался один из исследователей, что с успехом занялись этими ценнейшими источниками.

Описание документов Разряда оставалось главным, но не единственным направлением систематической работы архива при Самоквасове. После того, как труд над разрядными столбцами вошел в привычную колею, управляющий переключил часть служащих на книги Сената, другую — на столбцы Поместно-Вотчинного приказа, третью — на книги Литовской метрики. Описывались также дела упраздненных реформами 1860-х гг. учреждений Волынской губернии; проверялись и готовились к печати составленные еще при П.И.Иванове описи грамот московских князей и царей; по заказу Академии наук копировались тысячи грамот Коллегии экономии; пересматривались, упорядочивались, реставрировались и другие документы.

При всём том не забывалось о справочной роли архива. Чтобы не отвлекать от описания древних рукописей служащих с палеографической, источниковедческой подготовкой, управляющий обеспечил канцелярии 5 вольнонаемных работников для составления справочных каталогов.

Несмотря на все усилия Д.Я.Самоквасова и его персонала, многие участки их «бумажного океана» оставались не охвачены справочниками. Студентам университета и МАИ, проходившим в МАМЮ археографическую практику, управляющий «указывал на груды фолиантов, на столбцы, свернутые колесом в один аршин диаметром, и говорил, что это материал еще не исследованный, ждущий в нашем лице работников и исследователей; призывал нас к работе и знакомил, как работал в этом архиве Павел Николаевич Милюков. При этом Д.Я. рассказывал нам, — вспоминал один из его учеников, — как однажды несчастный случай помог открыть целые связки неизвестных никому и не описанных дел. При работах Павла Николаевича пропало одно нужное ему дело. Назначили ревизию и вот во время этой ревизии и открыты были новые дела, никому еще не известные ...»[16].

По ходу нескольких масштабных инвентаризаций, устроенных Д.Я.Самоквасовым в архиве, действительно обнаружилось немало затерянных было при его предшественниках, под глухими ярлыками

документов XV–XVI–XVII вв. Они принадлежали главным образом поместно-вотчинным учреждениям Московской Руси, относились большей частью к Новгороду и Пскову и, между прочим, проливали свет на запутанную проблему закрепощения крестьян, другие фундаментальные вопросы средневековой истории России. Профессор лично разобрал и подготовил к печати новооткрытые документы. Для них учредили специальное издание — «Архивный материал», два объемистых тома которого вышли в 1905 и 1909 гг. под редакцией и с обстоятельными предисловиями Самоквасова. Цикл его работ по истории русского крестьянства [17], выполненный главным образом по новооткрытым в МАМЮ источникам, произвел переполох в среде ученых специалистов. Этому профессору всегда везло с открытиями на раскопках археологических и удача не изменила ему на «раскопках» архивных. Согласно позднейшему отзыву академика Б.Д.Грекова, начинавшего свою работу с источниками в МАМЮ, самоквасовские труды «были первым построением истории русских крестьян с древнейших времен до XVII в., порвавшим с традиционным представлением об исконной свободе крестьян»; «Самоквасов, как это очень часто бывает с ним, занимает и относительно этого вопроса [о древнерусских сословиях — С.Щ.] особое место»[18]. «Архивный материал» МАМЮ позволил реконструировать решающий этап формирования системы крепостного права в России — введение так называемых «заповедных лет», отмену известного Юрьева дня [19]. Авторам господствовавшей тогда концепции «безуказного закрепления» крестьян за помещиками — В.О.Ключевскому, П.Н.Милюкову, М.А.Дьяконову пришлось срочно пересматривать свои выводы. Все последующие исследователи социально-экономического и социально-политического развития нашей страны на переломе от Средневековья к Новому времени обязательно учитывали «Архивный материал» Д.Я.Самоквасова как один из важнейших источников исторического знания.

Когда оказалось возможным оторвать часть рабочих сил архива от «направления главного удара» — описания Разряда, управляющий с помощью вовремя принятого к себе на службу и подающего большие надежды историка М.В.Довнар-Запольского обеспечил публикацию ценнейших документов Польско-Литовской метрики (М.,1897) — о сходных проблемах дворянско-крестьянских отношений, а в сотрудничестве с Академией наук продолжил публикацию «Актов Московского государства» в двух томах (СПб., 1901).

Несмотря на отмеченные достижения, а может быть отчасти именно благодаря им, далеко не все в самом архиве и особенно вокруг него — среди ученых историков и практиков-архивистов одобряли «самоквасовскую революцию». Стратегический замысел нового управляющего МАМЮ — отдать приоритет описательной работе — многим из тех и других пришелся не по нутру. Изустно и в печати посыпались обвинения в якобы ненаучности, бесполезности самоквасовских описей. Обобщая первый опыт работы своего архива по новой системе, профессор выдвинул концепцию лаконичного «архивного инвентаря» (ЖМНП. 1897. № 8) с учетно-охранными функциями как первоочередной задачи для любого неупорядоченного архива. Те архивисты, чьи интересы ущемила реформа МАМЮ, высмеивали эту концепцию как будто бы канцелярскую-бюрократическую затею. Профессор, с присущей ему твердостью, отстаивал свои взгляды на ведение архивного хозяйства. Этот «внутренний фронт» борьбы за новаторские идеи по части архивистики принес ему куда больше хлопот и огорчений, чем хождение с прошениями о деньгах на спасение архива по «коридорам власти».

Когда апробированная в МАМЮ методика описания документов подверглась резким нападкам в печати, управляющий вызвал к себе архивариуса И.И.Шимко, координировавшего на первых порах описательную работу архива, и поручил было ему ответить критикам. Но, поразмыслив немного, отменил поручение, сказавши: «Вы человек молодой, не стоит Вам наживать лишних врагов. Я сам им отвечу...»

Д.Я.Самоквасову волей-неволей пришлось расстаться с теми сотрудниками, которые открыто взбунтовались против ежедневной описательной работы по плану управляющего. Среди ушедших по собственному желанию и уволенных им «за служебную беспорядочность» оказались весьма талантливые археографы — В.Н.Сторожев, А.И.Юшков, Н.А.Оглоблин. Последний, скажем, виртуозно выполнил выборочное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа». По отзыву самого Самоквасова Академия наук присудила ему за этот труд премию имени И.М.Сибирякова (сибирского купца-мецената) за 1895 г. В частном письме Оглоблин признавался, что сроднился с научно-исследовательской работой и при новом управляющем не пожелал «часто отрываться от нее занятиями по должности архивариуса»[20]. А в своих воспоминаниях Оглоблин с горечью отмечал, что «после такого изгнания из «храма

науки» я охладел к излюбленному делу, которому собирался отдать всю свою жизнь. Да и не было смысла идти на пороге старости в какой-то другой исторический архив и там начинать изучение новых материалов с азов. За 17 лет службы в МАМЮ я изучил только его собрание актов и собрал материалы для многих намеченных работ, возможных только в этом архиве»[21].

Признание, если разобраться, весьма показательное. С чисто человеческих позиций, жаль «архивного зубра». Оставшись служить на Девичьем поле, он, безусловно, сделал бы немало полезнейшего на публикаторском поприще. Вместе с тем, в переломе оглоблинской биографии обнаруживается устарелый подход к архивному делу, явно угрожавший его дальнейшему развитию. Обратим внимание: ветеран мог вести археографическую работу только изнутри «своего» архива, как его сотрудник, имевший беспрепятственный доступ к хранилищу документов. Но он не смог (а не только не захотел!) трудиться в читальном зале архива как посетитель-исследователь. Для такой работы нужны описи фондов, а их-то Оглоблин составлять категорически отказался.

А вот не менее яркий пример эффективности самоквасовских описей в борьбе со злоумышленниками, от которых не застрахован ни один архив, тем более такой редкостный, как МАМЮ. С 1910 г., еще при Самоквасове с документами Разряда начал заниматься магистрант (а в скором будущем — профессор) Киевского университета Е.Д.Сташевский, который за несколько лет занятий там и в архивах Министерства иностранных дел (МГАМИД) и Дворцовом ухитрился похитить 319 средневековых актов, в том числе до сотни вырванных из 10 разрядных столбцов МАМЮ. Решающей уликой при расследовании этой беспримерной по наглости кражи послужили печати МАМЮ на похищенных листах, замеченные коллегой Сташевского П.П.Смирновым, а также штемпели и архивная нумерация МГАМИД [22]. Не будь соответствующие отделы Разряда к моменту этого хищения описаны по самоквасовской методике, уличить вора было бы невозможно.

Между тем, на газетно-журнальных страницах обиженные начинаниями нового управляющего архивисты повели настоящий бой против «канцелярских» якобы описей, за некие сугубо «ученые» обозрения.

Одни историки архивного дела задним числом осуждают решительный разрыв Самоквасова с патриархальными нравами в среде служащих

МАМЮ времен Калачова и Попова. Другие историографы одобряют деятельность Самоквасова на посту руководителя главного архива страны [23]. Надо признать, что в полемике из-за архивного инвентаря крайности допускались с обеих сторон. Это, конечно, не делает чести ни Самоквасову, решительно перешагивавшему через судьбы людей, если они противились архивной реформе, ни его оппонентам, ставившим личные амбиции выше судьбы архивных источников национальной истории. А в конечном счете интересы общего дела возобладали над личностными пристрастиями. На мой взгляд, неумолимая решительность Д.Я. Самоквасова оправдала себя — безусловно необходимое описание МАМЮ началось и успешно продолжалось при нём несмотря ни на какие препоны, объектизные и субъективные, внешние и внутренние.

Для анализируемой историографической ситуации показательны отношения Д.Я.Самоквасова и С.А.Шумакова (1865–1918). Этот младший помощник редактора, не увенчанный учеными степенями, но без того обнаруживший незаурядные способности служащий МАМЮ, в служебное время с увлечением выполнял заказ Академии наук — готовил к изданию грамоты Коллегии экономии. Заниматься непривычным, самым трудоемким и бесприбыльным описанием столбцов Поместного приказа он не пожелал. Устные указания управляющего архивом и начальника описательного отделения заняться столбцами игнорировал. Оставайся во главе архива мягкосердечный Калачов или болезненный Попов, «итальянская забастовка» служащего могла сойти ему с рук. Ларчик оппозиции чиновников к составлению описей открывался просто: «При своих знаниях архивист может приобрести гораздо больше славы и даже материального вознаграждения за свои исследования, составленные на основании своего же архива. Легче печатать памятники, нежели составлять им описания или реестры с целью обнародования этих последних»[24], — меланхолически констатировал в свое время Калачов.

А вот при Самоквасове — нашла коса на камень. Новый управляющий составил для строптивого чиновника специальное письменное распоряжение из 5 пунктов и, после дополнительных препирательств, заставил его подписать эту бумагу. Сим Шумаков обязался всё присутственное время (с 11 до 15 часов) посвящать описанию столбцов вместе со всеми своими товарищами по описательному отделению, а заказ Академии волен был исполнять на рабочем месте, но в свободное

время (с 8 до 11, а по субботам с 9 до 15 часов). «Вы упускаете из виду, — писал Самоквасов этому младшему помощнику редактора (находясь с ним в одном здании:), — что архивная служба предназначена прежде всего для хранения, приведения в порядок и описания архивных документов, а не для ученых работ, как бы ни были эти работы важны и интересны ... Архив — департамент министерства юстиции, а не университет и не археографическая комиссия, а потому в архиве требуется исполнять распоряжения начальника, а не работы по усмотрению чиновников»[25].

Резкость самоквасовского тона в общении с непослушными сотрудниками объясняется в первую очередь нищенским бюджетом столь громадного и древнего архива. Будь в распоряжении профессора достаточно денег, он обязательно устроил бы в МАМЮ и филиал университета, и собственную археографическую комиссию. Когда удалось наладить устойчивую описательную работу, он сразу же предпринял шаги и в том, и в другом направлении, возобновил взаимовыгодное сотрудничество и с разными учебными заведениями, и с Императорской Археографической комиссией в Петербурге [26].

А Шумакова ему еще много раз пришлось призывать к служебному порядку. В пику директорскому, этот архивист составил собственный вариант инструкции по описанию поместных столбцов. Резолюция Самоквасова гласила: «Этот проект по отношению ко времени составления указателей требует для своего осуществления по крайней мере двух тысяч лет»[27]. И Шумакова заставили переделать начатые не по общей форме, с произвольными пропусками описи. Ему пришлось таки трудиться вместе с командой Самоквасова. Правда, в текущих бумагах архивной канцелярии время от времени появлялись записи управляющего вроде следующей: «Напомнить еще раз Шумакову, что на службу должно являться в 11 часов»[28]. Д.Я. почему-то так и не уволил его, а предпочел не мытьем, так катаньем добиться сотрудничества, попутно выслушивая от Шумакова дерзости, миря его с женой (приходившей к начальнику жаловаться на мужа), выдавая материальное пособие «как самому недостаточному служащему». В итоге этот архивист внес заметный вклад в описание старейших фондов архива и к тому же сам выпустил ценные труды по русской дипломатике [29] (не переставая, наверное, считать начальника тираном и ретроградом).

Ратовавшие за некую «чисто научную» разработку архивных

источников деятели прошлого века почему-то закрывали глаза на многочисленные факты гибели документов и для науки, и для практики. Предпосылкой к разрушению фондов и целых архивов чаще всего служило именно отсутствие учетно-регистрирующих описей. В таком случае невозможно даже установить, что' именно пропало из хранилища, какой подделке подвергся тот или иной манускрипт. Без «карты» — описи и «компаса» — справочника не сможет путешествовать по «бумажному океану» архива ни ученый исследователь, ни практик, ищущий документальных справок. Понимая это, многие авторитетные архивисты и историки поддержали описательную программу Самоквасова. Их общее мнение выразил известный археограф, директор Публичной библиотеки в Петербурге, академик А.Ф.Бычков: «Обнародование даже перечневой описи дел, сообщающей одни их заголовки и служащей указателем, что' заключается в архиве, не может не вызвать благодарности ученых исследователей»[30].

Такая благодарность последовала. С годами упреки новому МАМЮ стихли. Вышедшие за 1890–1910-е гг. 9 томов «Описания документов и бумаг» этого архива привлекали сюда всё больше исследователей — и начинающих, и самых маститых историков. При Самоквасове для них открылись 28 обширных отделов архива, обеспеченных наконец справочным аппаратом. Издания МАМЮ пользовались постоянным спросом и в России, и за границей. Уже цитированный выше А.А.Кизеветтер, между прочим, ярый противник Самоквасова и в политике, и в науке, признавал в мемуарах: «В сущности Самоквасов был прав. Только проводить эту реформу можно было бы более тактично. ... И часы этих архивных занятий [в МАМЮ — С.Ш.] всегда вспоминаются мне, как отраднейшие часы моей жизни»[31]. Магистерская диссертация этого либерального историка — о посадской общине в России XVIII в. — содержала до 50 печатных листов «совершенно нового архивного материала» из фондов МАМЮ, описанных именно при Самоквасове. С таким же успехом трудились там по «канцелярским» описям М.А.Дьяконов, П.Н.Милюков, А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов, С.В.Бахрушин, Б.Д.Греков, С.Б.Веселовский, Л.В.Черепнин и многие другие прославленные ученые России.

Итак, можно заключить: деятельность Д.Я.Самоквасова как управляющего архивом оказалась весьма плодотворной. На опыте работы в МАМЮ он первым у нас в стране сумел сформулировать принципиально важное для

архивоведения понятие фонда — исторически сложившегося комплекса документов. Принцип распределения и хранения документов в соответствии с их реальным происхождением при жизни того или иного лица, функционирования определенного учреждения, введенный Самоквасовым у себя в архиве, получил затем повсеместное распространение во всех окончательных архивах как самый рациональный. Предложенная и апробированная им же система краткой, инвентарной описи фондов также послужила прообразом регистрирующей, учетной деятельности современных архивистов. Если на то пошло, по многим фондам и в нынешнем РГАДА — преемнике МАМЮ до сих пор пользуются старыми описями самоквасовского периода. А многие проблемы, над решением которых бился Самоквасов-архивист, остаются и сегодня актуальными для большинства наших архивохранилищ [32]. Достаточно упомянуть про периодические случаи хищения неучтенных и неописанных материалов недобросовестными сотрудниками и посетителями архивов — ценнейших марок, конвертов, рукописей из целого ряда центральных и местных хранилищ. Только толковая опись позволяет предотвратить подобный вандализм или, по крайней мере, раскрыть преступление против исторических источников по горячим следам. Иначе — без описей соответствующего фонда, за которые так много нервов потрепали Д.Я. — пропажа некоторых документов просто незаметна служащим архива.

Борьба за архивную реформу в России

Не в первый раз бумажным крючкотворством
Пришлося вам прикрыть отечества пятно,
Подьячие в звездах, с умом и сердцем черствым...

Н. Майков. «Окончена война ...»

Русский интеллигент — специалист высокой квалификации обычно не склонен ограничивать свои профессиональные помыслы непосредственными обязанностями того учреждения, где служит. Он, как правило, болеет за своё дело в размере государственном, державном. Характер, весь склад личности Дмитрия Яковлевича Самоквасова должны были привести его к бескомпромиссному выступлению против вопиющего «архивного нестроения» в России. Так оно и произошло — он продолжил

борьбу Н.В.Калачова и некоторых других своих предшественников за упорядочение архивной службы в стране, выступил со своим проектом её радикальной реформы.

Чтобы войти в мир архивов и досконально изучить его изнутри, профессору потребовалось несколько лет. А.С.Уваров когда-то стал его «крестным отцом» в полевой археологии. Теперь П.С.Уварова благославила его на штурм жуткой рутины в практической архивистике. Графиня привыкла обращаться к Д.Я. в Варшаву по всевозможным археологическим вопросам. А когда он перебрался в Москву и возглавил такой славный архив, как МАМЮ, то уж, как говорится, сам Бог велел привлечь его к разработке сюжетов археографических в многопрофильном уваровском ИМАО. В лице Самоквасова-архивиста деятельнейшая и властная Уварова обрела точку опоры для дальнейшего расширения сферы влияния их Общества — с памятников подземных и архитектурных на документальные. В свою очередь, Самоквасов все свои проблемы и предложения по архивной части обсуждал, уточнял и утверждал на заседаниях, комиссиях, предварительных комитетах и съездах ИМАО, неизменно выступая на эти темы в печати и перед властями от его имени.

Когда «в среде московских архивистов возникла мысль о необходимости организовать архивное или археографическое общество», профессор постарался ввести эту инициативу в помогающие ему стены особняка на Берсеневке, где помещалось ИМАО. «... Если Московское Археологическое общество примет под свое крыло архивное отделение, подобно восточному и славянскому, — писал он П.С.Уваровой, — то можно надеяться, что основательно будет разработан вопрос о прибалтийских архивах [накануне X Археологического съезда в Риге — С.Ш.], воскреснет вопрос о центральных архивах и вообще двинется научная разработка архивного дела, так дурно у нас стоящего»[33]

«Вопрос о центральных архивах» древних актов Западных провинций — Виленском, Витебском и Киевском был поставлен Государственным советом перед специальной комиссией, созданной из авторитетных представителей нескольких ведомств еще в 1884 г. Терпеть массовое расхищение, гибель от плохих условий хранения, а главное — подделку документов (на дворянство, земельную и иную собственность) в Западном крае центру не стало мочи. В результате развала тамошних архивохранилищ под угрозой оказались социально-классовые основы

царской Империи. При помощи фальсификации старинных актов и грамот в Западном крае к 1861 г. насчитывалось до 400 тысяч самозванных «дворян», из которых только 16,5 тысяч владели землей. Завершить совещание о спасении этих архивов удалось лишь в 1892 г. В обновленный состав комиссии ввели и Д.Я.Самоквасова. Перед ним открылась пугающая сердце историка и монархиста картина: громадные по объему и ценнейшие по содержанию хранилища влачили нищенское существование, став на грань гибели.

По итогам работы комиссии профессор подал на самый верх бюрократической пирамиды обстоятельную записку о реорганизации западных архивов, расширении их штатов, о необходимости обсудить архивный вопрос в целом на законодательном уровне [34]. Все эти предложения министерства положили в долгий ящик. На их реализацию им потребовалось 20 лет. По негативной реакции властей на сравнительно скромный по затратам, локальный и явно неотложный проект реанимации западных древлехранилищ уже можно было понять, насколько правители страны заинтересованы судьбой ее архивов в целом. Но Д.Я.Самоквасов и П.С.Уварова не отступились от намерения сдвинуть с мертвой точки решение данной проблемы. Что же означал их порыв? Политическую, жизненную наивность? В какой-то степени. Чувство личной ответственности за «письменные памятники народной истории»? Вне сомнения. «Делать нечего — бояре, потужив о государе», занялись настойчивой пропагандой архивной реформы общенационального масштаба.

В 1898 г. Самоквасов по заданию ИМАО составил специальную анкету о состоянии российских архивов (по аналогии с давешней каталогизацией городищ и курганов). Ответы на нее растянулись на несколько лет. Однако уже через год-другой по ним можно было судить — положение в архивном хозяйстве России оказалось не в пример хуже, чем могли предполагать на Берсеневке и на Девичьем поле. «По отсутствию центрального архивного управления и контроля, по необразованности и материальной необеспеченности архивных хранителей и по недостатку архивных помещений, — резюмировал профессор, — ежегодно гибнут у нас во множестве не только древнейшие, наиболее ценные в научном отношении документы, но и целые архивы, заключающие в себе драгоценнейшее документальное государственное имущество, накопленное веками, потеря которого невознаградима»[35].

Страдали не только уже скомплектованные исторические архивы — перекрывались источники их пополнения. В действующих центральных, губернских и уездных учреждениях разных ведомств полным ходом шло самовольное уничтожение устаревшей для сиюминутных чиновничьих нужд документации. Созданные в 1884 г. по проекту Калачова в нескольких губерниях «в виде опыта» Губернские учёные архивные комиссии (ГУАК) хотя и приносили определенную пользу для исторического краеведения, но остановить кризис архивного дела никак не могли.

В начале 1899 г. Самоквасов командируется ИМАО и своим министерством юстиции за границу — на сей раз «для ближайшего ознакомления с организацией и деятельностью архивов древних актов в западноевропейских странах» и посещает национальные архивохранилища разных стран Европы. Начав с отдельных германских государств (на культурные достижения которых больше ориентировались русские консерваторы вроде Д.Я.) — Пруссии, Баварии, Саксонии, Веймара; а затем Австро-Венгрии, Италии и Ватикана, Швейцарии, Бельгии и Франции. Его путь пролегал через Берлин, Магдебург, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Брюссель, Париж, Марсель, Ниццу, Женеву, Рим, Флоренцию, Венецию и Вену. Собранные в каждом из этих архивных центров материалы об их устройстве и правовой базе Д.Я. обобщил в двух монографиях. Архивное законодательство всех посещенных государств, а также Англии, Швеции, Дании и Норвегии, переведенное на русский язык силами сотрудников МАМЮ, помещалось в приложении к этим изданиям [36]. Надо сказать, что подобные путешествия — ознакомительные, для изучения передового опыта в той или иной науке или отрасли практики — были до революции традицией для русских специалистов. Таково, например, первое путешествие купца-мецената П.М.Третьякова по Европе в 1860 г., когда он за три месяца посетил музеи и картинные галереи Польши, Германии, Бельгии, Англии, Ирландии, Франции, Швейцарии, Италии.

Таким образом, реформаторские предложения Самоквасова учитывали как передовой опыт зарубежного архивоведения, так и реальные потребности российских архивов.

Всё в том же 1899 г. ИМАО организует широкое обсуждение мер по архивной реформе, которые выдвинул директор МАМЮ. Его «Проект ходатайства об организации архивов» Уварова разослала управляющим

государственными архивами, в археографические и архивные комиссии, а также ведущим профессорам-историкам. Заинтересованные стороны высказались на заседаниях Общества и «совещаниях архивной общественности» в Москве, а затем на XI АС в Киеве. Эти же мероприятия освещались газетами.

Главная идея самоквасовского проекта — общегосударственная централизация архивного дела, преодоление ведомственного произвола в отборе документов на хранение и при дальнейшем использовании.

Конкретно предлагалось учредить:

1.Временную межведомственную комиссию при Государственном совете для детальной проработки вопросов финансирования и законодательного обеспечения архивной реформы;

2. Архивное главноуправление — единый правительственный орган для руководства разными видами архивов, казенных и общественных;

3. Государственные архивы — областные, в 12 учебных округах для хранения «самых важных» документов до 1775 г. местных учреждений и губернские для «менее важных» документов последующего времени «вплоть до 25-летней давности»; Делопроизводства высших органов государства по начало XIX в. сосредоточить в МАМЮ и архивах тех министерств, где для хранения документов имелись благоустроенные здания;

4. Профессуры архивоведения в университетах и высшие школы для подготовки архивистов при архивах древних актов (для начала в Москве и Киеве).

Впредь до издания нового архивного законодательства от министерств и ведомств требовалось циркулярно запретить уничтожение отслуживших свой срок документов в канцеляриях и регистратурах действующих учреждений.

«По своей четкости и последовательности проект Самоквасова превосходил все предшествующие проекты»[37], — отмечает в своей «Истории архивного дела в дореволюционной России» В.Н.Самошенко. Сам автор проекта неоднократно подчеркивал преемственность своей программы преобразования архивов с несбывшимися предложениями Н.В.Калачова. Отчасти это делалось ради большей убедительности новых инициатив в глазах министров. Но и по существу самоквасовские идеи централизации архивов, их укрепления на государственной основе восходили к калачовским.

Обсуждение возможностей архивной реформы научной общественностью и официальными инстанциями получилось довольно бурное. У Д.Я.Самоквасова, как ни странно, нашлось немало противников. Провинциальные деятели из ГУАК и их столичные покровители, прежде всего из Петербургского Археологического института, не сумели заменить собой государственной архивной службы в центре и на местах, но уступать своих монопольных позиций не желали. Любое предложение о преобразовании архивов они расценивали с той точки зрения, насколько оно укрепляло их собственный статус или угрожало ему. На Киевском съезде Самоквасов попытался договориться с представителями комиссий и включил в свой проект пункт об их сохранении в виде своеобразных общественных советов содействия проектируемым государственным архивам («для издания и научной разработки архивных материалов»). Но большинство комиссий не хотели слышать о своем подчинении каким-то новым архивным органам. Не состоять при государственных архивах, а комплектовать их и руководить ими они собирались. На взгляд юриста и чиновника-служаки Самоквасова претензия на управление государственными учреждениями со стороны общественного, существовавшего только «на средства частной благотворительности» объединения выглядела дико.

Тем не менее Киевский съезд принял компромиссное решение — «на милостивое воззрение Государя Императора повергались» одновременно и проект Самоквасова, и предложения выразителя интересов большой группы ГУАК А.В.Селиванова о материальной поддержке комиссий со стороны государства.

Думается, именно подобная двойственность архивной политики ИМАО предопределила в конечном счете ее неутешительные итоги. Сторонники Д.Я.Самоквасова в руководстве Обществом и за его пределами выступали за поддержку ГУАК как временную меру — на период, переходный к централизованной системе государственных архивов. Защитники самого института ГУАК толковали решения съезда как выбор, предоставленный властям, — развивать ли дальше архивное дело с их помощью, пойти ли на риск масштабных и дорогостоящих преобразований «по предмету важному, но терпящему отлагательства» в связи с революционными выступлениями, войнами, голодом и т.п. причин вечной головной боли властей предержащих в России.

Всестороннее обоснование своей позиции Д.Я.Самоквасов представил в двухтомнике «Архивное дело в России» (М., 1902). Первая книга — «Современное русское архивное нестроение» — впервые давала систематическое изложение истории архивного дела в нашей стране за XVI–XIX столетия. Вторая книга — «Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России» — анализировала попытки и перспективы спасения документальных богатств государства. Диагноз, поставленный автором тогдашней организации архивной службы, оспорить было невозможно. Огромным фактическим материалом подкреплялись выводы о ведомственной разобщенности государственного архивного фонда; практически повсеместном отсутствии помещений, подходящих для сохранения старинных рукописей; катастрофической нехватке кадров квалифицированных архивистов; необходимости единого стандарта для описания, хранения и использования документов.

Недостатком монографии можно считать излишне резкий, местами прямо оскорбительный тон полемики автора с апологетами ГУАК. Совершенно справедливые претензии к «общественной архивной службе, нигде в мире более не существующей», Самоквасов и в книге, и в публичных выступлениях облекал в такие, например, выражения: «Волею судеб, — восклицал он, — архивное дело в губернии вручено 150–200 «ученым» в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы бабанщиков и недорослей». Состав слушателей «Археологического» института представлялся профессором в более парламентарной, но достаточно унизительной по смыслу форме: «Можно быть уверенным, что математик, богослов, офицер, курсистка ... по недостатку университетского юридического и историко-филологического образования никогда не будут и не могут быть учёными архивистами»[38].

Прозорливый отзыв на свой труд Самоквасов получил в письме видного петербургского историка и палеографа, близко связанного с архивами, члена-корреспондента ИАН Н.П.Лихачева (1862–1936). «Книга Ваша, — писал он, — создает Вам еще большее число врагов, чем это было до сего времени, и весьма вероятно, именно по этой причине останется гласом вопиющего в пустыне. А между тем, картина расточения архивов так ярка и в то же время так очевидно правдива, что становится больно. Что говорить о мышах архивных комиссий, когда в архиве самого Правительствующего Сената трус и потоп — истребление и расшвыривание документов, доходящее до какой-то стихийной силы»[39].

«Война» Самоквасова с лидерами ГУАК получила заметный общественный резонанс. Она вошла в историографию и для многих, не только современников и участников описываемых событий, но и последующих поколений историков и архивистов нередко затмевала собой суть оспариваемой проблемы, бросала черную тень на ту или другую из противоборствовавших некогда сторон. Как и в случае с описанием Разряда, тут произошла поляризация мнений. Для одних специалистов Д.Я.Самоквасов — «представитель бюрократического центра», безжалостно и зря третировавший скромных, работящих и незаменимых краеведов из ГУАК [40]. С точки зрения других и моей собственной, — «выступления Самоквасова в печати и на Археологических съездах показали полную несостоятельность Археологического института и губернских ученых архивных комиссий в деле подготовки кадров и спасения архивных материалов»[41].

По своему названию и официальному статусу архивные комиссии должны были прежде всего заниматься разбором дел, предназначенными губернскими и уездными учреждениями к уничтожению за практической ненадобностью, и формировать из представляющих научный интерес документов исторические архивы на местах. Однако сами ГУАК претендовали на «изучение прошлого местного края», «всяких других памятников старины». Основатель комиссий Н.В.Калачов считал подобную широту интересов их достоинством. Д.Я.Самоквасов держался на сей счет прямо противоположного мнения. Похожие разночтения воспроизводятся в историографической литературе. На мой взгляд, итоговая оценка деятельности ГУАК и не должна быть однозначной.

В общем плане исторического краеведения они имеют несомненные заслуги. Кроме них, на местах просто некому было тогда заняться археологией и этнографией, памятниками архитектуры и музеями. Именно с губернских статистических комитетов и принявших у них краеведную эстафету архивных комиссий да церковно-археологических обществ началось ощутимое приобщение интеллигенции к изучению и охране древностей в большинстве регионов нашей страны. По справедливому наблюдению А.А.Формозова, «после революции на базе ученых архивных комиссий возникли самые сильные краеведческие объединения»[42].

Вместе с тем, за широкими планами у тех самых комиссий при пустой кассе и нехватке дипломированных специалистов-историков слишком часто терялись из виду гибнувшие по ведомственному произволу

и элементарному головотяпству массы архивных материалов. Факты на сей счет собраны и обнародованы Д.Я.Самоквасовым в избытке. «Что до сих пор сохранялось под опасением ответственности за растрату, — бил тревогу профессор, — то теперь, под прикрытием губернских ученых комиссий, смело черкающих описи архивов всех губерний, уничтожается без всякого страха»[43]. За 1890-е гг. ГУАК и родственные им краеведные организации в провинции оставили на вечное хранение в среднем 3 % разобранных ими бумажных массивов (где побольше — до 7 %, где поменьше — около 0,15 %). Так, разбирая архив уездного суда Старого Оскола, секретарь Курского статистического комитета А.М.Мизгер из 2436 пересмотренных дел оставил на хранение в МАМЮ всего 26 дел по размежеванию земель да 23 дела по откупам. Остальные же дела данной архивной коллекции с благословения этого заслуженного учителя ботаники оказались тогда полностью уничтожены [44]. «... Такие ничтожные крупицы сохраненного материала были лишь жалкими обломками архивных фондов и прав был Самоквасов, возложив на комиссии вину в разрушении последних»[45], — признавал первый советский историк архивного дела И.Л.Маяковский.

Еще меньше прав и возможностей имели ГУАК в деле выявления и охраны памятников материальной культуры. И под их формальной эгидой городища и курганы продолжали вовсю разрушаться людьми и природной стихией; старинные церкви превращаться неумелой реставрацией в новоделы; случайно и неслучайно найденные клады древних вещей и монет сбываться за бесценок алчным ростовщикам и коллекционерам.

Несерьезность «архивной службы на общественых началах» вместо государственной авторитетные эксперты подчеркивали еще в прошлом веке. Как только ни обзывали ГУАК — «учёные» в кавычках, «игрушечные» (Н.П.Лихачев), «самые дешевые во всей России учреждения» (И.Е.Андреевский), «исполнительницы сизифовой работы», «открывательницы Америк» (В.П.Соколов), и т.п.

Проведем мысленный эксперимент: представим себе, что хранением и использованием исторических источников у нас сейчас заведуют не архивные отделы областных администраций и не бюджетные служащие государственных архивов, а некая общественная организация, состоящая из всех руководителей области или района. В свободное от основной работы время они — главы администраций и их заместители, судьи и

прокуроры, ректоры вузов и шефы полиции, главные врачи и прочие первые лица разных отраслей управления области, города, района безвозмездно отдаются разбору, описанию, изданию архивных бумаг, археологических коллекций да этнографических экспонатов, фольклорных произведений. Получается явно фантасмагорическая картинка в булгаковском или кафкианском стиле! А ведь именно так оказалось поставлено архивное и археологическое дело на местах до революции, пока существовали ГУАК и похожие на них добровольные объединения историков-любителей. Не знаешь сейчас, чему надо больше удивляться: самоотверженности тогдашней интеллигенции или пренебрежению царских властей к памятникам отечественной старины.

Кричащий дефицит государственной поддержки усилиям общественности по спасению историко-культурного наследия России, собственные недостатки в деятельности ГУАК не могут, однако, зачеркнуть известных заслуг этих любительских коллективов. В большинстве губерний и областей, где они были созданы, уровень исторического краеведения заметно поднялся: организованы десятки музеев и библиотек, произведены раскопки и этнографические сборы, опубликовано немало архивных документов, подготовлена новая генерация исследователей гуманитарного профиля.

Историко-краеведческую, особенно экспедиционную, охранно-реставрационную, просветительскую деятельность ГУАК и прочих самодеятельных организаций этого плана в российской глубинке Самоквасов одобрял и поддерживал. Он состоял почетным членом 9 архивных комиссий и почти стольких же обществ любителей древностей разных краев, церковно-археологических комитетов и т.п. провинциальных органов. Причем в отличие от многих других «статских генералов» от науки, столичных светил — членом неформальным. Профессор выдавал отдельным ГУАК денежные пособия, обязательно рассылал им полные комплекты изданий МАМЮ и своих собственных, принимал представителей ГУАК у себя архиве, лично и в письмах консультировал их по археологии и археографии, читал по их просьбам благотворительные лекции, возглавлял раскопки, производил экспертизы документов, пополнял губернские музеи. Особенно тесные, многолетние деловые связи сложились у него с Черниговской, Полтавской, Орловской, Курской, Саратовской ГУАК.

В общей сложности Самоквасов пожертвовал историко-краеведческим организациям несколько тысяч рублей из своих не таких

уж великих доходов. Чего стоила эта помощь, видно по его переписке с Саратовской ГУАК. К 1908 г. вся ее наличность равнялась 20 рублям, она задолжала сторожам за мытье полов и почте за марки для писем. Самоквасов перевел «для дальнейшего существования комиссии» 50 рублей. А Ярославская ГУАК в ответ на первую книжную посылку из МАМЮ в 1897 г. «просит не отказать ей в Вашем содействии пожертвованием и других Ваших печатных трудов, особенно ценных для провинции, бедной вообще всякими книгами и тем более научными и специальными изданиями»[46].

Недаром на призыв Петербургского Археологического института (ПАИ) выступить против обвинений Д.Я.Самоквасова выступить против обвинений Самоквасова с коллективным протестом откликнулись только Тамбовская, Оренбургская, Рязанская и Владимирская комиссии — те самые, из опыта которых автор «Архивного дела в России» почерпнул особенно много негативных примеров. Попытка организовать общий демарш, соединить свои возражения Самоквасову в одной книге, ГУАК не удалась. Большинство комиссий, «живя в стеклянном доме, предпочло не бросаться камнями», «предоставив это дело научной критике каждого из своих членов»[47].

Подобной антикритикой проекта Самоквасова и его лично занимались Л.М.Савёлов, В.С.Малченко, А.В.Селиванов и еще кое-кто среди видных краеведов разных губерний, а особенно яростно — директор ПАИ, шефствовавшего над ГУАК, Н.В.Покровский. Последний на юбилее своего учебного заведения говорил: «... В самом исходе 25-летия [ПАИ] грянул гром из Москвы от ученого профессора — археолога и архивиста, что все учреждения — и Археологический институт, и ученые архивные комиссии, и губернаторы, и высшие власти только тем и занимаются, что разрушают исторически сложившиеся архивные фонды, что у нас нет в России ни профессоров, ни служителей, ни работ и что необходимо создать в России новых докторов архивоведения по особому рецепту и добыть миллионы денег на приведение в порядок архивов. Очевидно, здесь уже сказывается не одно простое незнание дела, но и странная тенденция»[48]. «Тенденциозными» в жандармском делопроизводстве тогда именовались выступления и публикации революционного содержания. Тайный советник и заслуженный профессор Московского университета Д.Я.Самоквасов выставлялся оппонентами неким «буревестником», пророчащим «высшим властям» потрясение основ со своего архивного поприща.

К чести ГУАК, они не только отбивались, как могли от нападок Самоквасова, доводя до абсурда его замечания, но в своем большинстве признали справедливость претензий и бескорыстие мотивов противника. Так, Оренбургская комиссия «ценит архивную ревность профессора Самоквасова, его неутомимость в призыве общества и правительства к сохранению архивов и улучшению постановки нашего архивного дела. В его трудах по архивоведению собраны поистине ужасающие факты истребления архивов. Факты эти никем не опровергнуты, они поразительны. Что сообщения г-на Самоквасова заслуживают веры — подтверждается недалекой историей архивного дела в Оренбургской губернии»[49] и далеко не её одной.

К примеру, у самой Оренбургской ГУАК длительное время не было даже собственного помещения и отобранные ею для хранения документы «переходили с чердака на чердак разных присутственных мест и, в конце концов, ... были свалены безо всякого порядка на двор ... здания казенной палаты». А Тамбовская комиссия в начале XX в. на просьбу о субсидии получила от Городской думы ответ, что «городские средства должны быть прежде всего употребляемы на жизненные дела, а не на извлечение из могильного праха разного рода остатков ...»[50]. Живописный отказ курского губернатора разрешить архивно-археологические занятия чиновников-энтузиастов цитировался мной выше.

Несмотря на трудности, одного желали все ГУАК — чтобы проектируемая «централизация не переходила известных границ, иначе местные исследователи будут стеснены в разработке родной истории ...»[51]. Проще говоря, комиссии хотели сохраниться и при новом архивном порядке.

Уже не возражая прямо против самого существования архивных комиссий, Д.Я.Самоквасов выступил с видоизмененным проектом реформы на XII АС, состоявшемся в Харькове в 1902 г. Он отказался и от идеи областных архивов — на местах старинных документов оказалось на поверку не так много, чтобы повсеместно такие архивы укомплектовать, а делить фонды уже существующих Центральных архивов древних актов по региональному признаку было бы нерационально. Оставив в силе остальные пункты первого варианта своего проекта, профессор предлагал теперь ограничиться постепенным открытием, по 2–3 в год, губернских государственных архивов. Строительство зданий

для них потребовало бы от казны нескольких сот тысяч рублей ежегодно на протяжении нескольких десятилетий — количество губерний, краев и областей подходило в Российской империи к сотне.

Географический, а значит и финансовый факторы оказались самыми болевыми точками архивной дискуссии. Признавая ГУАК де-факто, Самоквасов в принципе осуждал их камуфлирующую роль. Явно не справляясь с надежной охраной памятников истории и культуры, комиссии между тем создавали видимость разветвленной и притом дешевой, практически бесплатной историко-краеведческой службы в стране.

С точки зрения идеологов ГУАК, «областных архивов не имеет только Прибалтийский край, Финляндия, Кавказские губернии и области Азиатской России; но из этих областей областные архивы могут быть учреждены не везде, а лишь в тех, которые до присоединения к России жили особой политической жизнью ...»[52] (Курсив мой — С.Щ.). Самоквасов же как раз и напирал на то, что в большинстве регионов страны, не только окраинных, но и центральных отсутствовала государственная архивная служба. Самих ГУАК до конца XIX в. возникло 18, а с начала нового века до революции — еще столько же или немногим меньше (согласно «Списку губерний и областей, в коих учреждены ГУАК»[53], составленному ИРАО). Причем мало-мальски представительные исторические архивы — более 10 тысяч единиц хранения — имело не более половины существовавших до 1918 г. комиссий.

Харьковский съезд археологов снова поручил П.С.Уваровой «выразить лично Его Величеству Государю Императору всеподданнейшую мольбу об архивной реформе»[54]. К 1903 г. борьба вокруг нее вступила в решающую фазу. Министерство внутренних дел (МВД) взялось наконец за экспертизу имеющихся проектов. Самоквасов к тому времени подготовил еще один, что называется запасной вариант своего и разослал соответствующую докладную записку руководителям ключевых министерств. В ней акцентирована новая для профессора, перехваченная им у оппонентов из ГУАК мысль о возможности самофинансирования предполагаемой реформы — за счет перераспределения и концентрации средств, уже отпускаемых губернским, уездным и волостным архивам действующих учреждений. На содержание центральных исторических архивов, писал управляющийц МАМЮ министрам, «могут быть отчислены учреждениями разных ведомств те суммы, какие ныне расходуются на

содержание множества разрозненных и беспорядочных хранилищ и хранителей устаревших актов делопроизводства, важных для науки, но ненужных действующим учреждениям; каковы хранилища старых актов при губернских правлениях, казенных палатах, судебных учреждениях, консисториях, дворянских депутатских собраниях и др.»[55].

Из переписки министров по данному вопросу видно, что они и не подумали верить заявлению Самоквасова, будто по сокращенному им проекту «давно ожидаемая архивная реформа в России осуществится в недалеком будущем, не потребовав непосильных новых расходов из Государственного казначейства»[56]. Они — В.К. фон Плеве, С.Ю.Витте и прочие — сделали ставку на действительно дешевый и идеологически вполне надежный для них проект усиления ГУАК. Даже сущие копейки, отводимые архивариусам разных министерств, ни одно из них не желало отдавать какой-то новой архивной службе. Лишние рабочие местечки для знакомых и родственников городничих да столоначальников показались их петербургским шефам куда важнее каких-то исторических источников. Однако для соблюдения декорума МВД инсценировало процедуру «научной оценки проекта проф. Самоквасова и графини Уваровой со стороны компетентных учреждений», а именно центральных и местных историко-археологических обществ и архивов.

Текст запроса МВД был составлен таким образом, чтобы у адресатов не осталось никаких сомнений насчет того, какой именно вариант архивной реформы предпочитают сами министры. При изложении разных проектов всячески подчеркивались дороговизна и гигантомания самоквасовских предложений и, соответственно, простота и быстрота желаемого обеспечения ГУАК («ввиду того, что они являются пока единственными учреждениями, на которые возложена правительством обязанность охраны и собирания древностей, как письменных, так и предметных, и на которые в будущем может быть возложена важная задача при организации архивного дела в России»[57].

Руководители ГУАК без ложной скромности удостоверяли их завидную дееспособность и перспективность: директор ПАИ «засвидетельствовал о полной пригодности комиссий для проведения новой постановки архивного дела в России»; «по мнению всех губернаторов их деятельность в этой области была весьма плодотворной»; наконец, сам министр внутренних дел выражал уверенность «в чрезвычайной жизнеспособности губернских ученых архивных комиссий,

т.к. несмотря на крайнюю ограниченность их средств, эти учреждения достигли весьма серьезных успехов в деле сохранения наиболее важных архивных памятников...»[58]. Министр финансов, знакомясь с докладом коллеги, приписал на полях: «Даже вовсе без пособия»[59]. В данной ремарке суть проблемы.

Финансовый расклад, произведенный министрами, подрывал доверие к проекту Д.Я.Самоквасова у большинства благоразумных экспертов. Согласно их предварительным подсчетам, государству пришлось бы ежегодно расходовать на архивное главноуправление 34000 рублей; еще 16000 — на учебные заведения для подготовки архивистов; по 12000 на 90–100 губернских архивов; т.е. в общей сложности до 1 250 000 рублей на централизованную систему архивов. А кроме того, предстояли единовременные затраты — на строительство архивных зданий по 100 000 на каждое. Уловка профессора с перераспределением имеющихся у старых архивов дотаций замалчивалась.

А 22 ГУАК просили на всё про всё по 2000 рублей в год каждой.

Но какие там сотни тысяч, требуемые Самоквасовым, какие десятки тысяч рублей просимые ГУАК! Сумму в 954 рубля долга Оренбургской комиссии министр финансов соглашался отпустить «лишь как пособие, не обязывающее в какому-либо участию казны в будущем»[60].

Как и следовало ожидать, большинство корреспондентов Плеве расценило «грандиозный проект Самоквасова и Уваровой» как «весьма желательный на будущее, но неосуществимый в условиях бюджетного дефицита». «Проект проф. Самоквасова, — отзывалось ИРАО, — если бы можно было его осуществить, представляет наилучшее разрешение затронутого вопроса о давно назревшей реформе архивов. Но широта этого проекта такова, что даже в сокращенном виде он едва ли будет под силу государственному казначейству в сколько-нибудь близком будущем»[61]. По мнению археолога Н.И.Веселовского и его товарищей по ИРАО, даже в минимизированном виде этот проект «все-таки способствовал бы упорядочению архивного дела в большей или меньшей степени, тогда как то, чем предлагается заменить этот проект, не более чем паллиатив»[62].

Анализ собравшихся в канцеляриях Плеве и Витте ответов на запрос МВД показывает, что почти каждый участник обсуждения стремился оттенить собственные интересы в предстоящем раскладе архивных сил и средств. Так, Петербургскую Археографическую комиссию устраивали

ГУАК — исполнители черновой работы по «охране и краткой, но точной описи исторических памятников». Но «описание дел не должно бы переходить в издание сплошных текстов и частичное исследование» — эти функции (вместе с подкреплявшим их бюджетным финансированием) столичные археографы не желали передоверять провинциальным.

«Общество истории и древностей прибалтийских губерний» предлагало вернуться к первому варианту самоквасовского проекта с тем, чтобы открыть три областных архива в своем крае. Заодно поддерживалось требование наладить учебу архивистов за счет государства, ибо «что, в самом деле, может быть достигнуто архивной реформой, если у нас не будет лиц, надлежащим образом подготовленных к заведолванию архивами?»[63].

Профессор Д.И.Багалей, восхищаясь земляком Самоквасовым — «энергичным борцом за архивное дело» — ставит вопрос о превращении Харьковского исторического архива, которым он заведовал, в центральный и просит еще 12000 рублей в год на его содержание [64].

ИАК не устраивает конкуренция с архивными комиссиями на археологичсеких раскопках. Председатель этого своеобразного «министерства археологии» граф А.А.Бобринский одобряет план финансирования ГУАК, «но при этом непременным условием являлось бы, чтобы архивные комиссии действительно стали бы архивными и сделали бы архивное дело главной своей задачей», расходовали бы казенное пособие «исключительно на архивную деятельность, т.е. на разбор, опись и хранение старых дел и актов»[65], вместо того, чтобы посягать на ИАК-овскую монополию выдавать открытые листы на право производство археологичсеких раскопок.

Эксперты из Киева — проф. В.М.Владимирский-Буданов, Н.М.Каманин и др. члены Исторического общества Нестора-летописца при университете Св.Владимира поддерживали идею Самоквасова насчет «кафедр археологии с архивоведением, или по крайней мере штатных доцентур упомянутых наук при кафедрах русской истории»[66] в действующих университетах, где они служили и куда не прочь были бы пристроить своих учеников при открытии там новых вакансий.

В Академии наук, в отделении русского языка и словесности разные проекты архивной реформы обсуждала комиссия весьма представительного состава. Среди ее членов — В.Н.Ламанский, А.С.Лаппо-Данилевский, А.И.Соболевский, А.А.Шахматов. Их рекомендации сводились к усилению ГУАК за счет мер, ... предлагавшихся Самоквасовым для государственных архивов (кадры, здания, субсидии)[67]. Соединение отдельных пунктов различных проектов отмечается во многих других отзывах.

Все консультанты МВД, а затем и министерства просвещения, которое продолжало опрос ученых обществ на сей счет, признавали «беспризорное со стороны государственной власти состояние наших архивов», перманентный «разгром архивов канцеляриями», необходимость «центрального органа, учрежденного для ведения архивных дел».

Неотложность хоть какого-нибудь преобразования в архивном деле подчеркивалась всеми высказавшимися тогда специалистами.

В итоге этого своеобразного референдума верховная власть, как и по большинству остальных кричащих противоречий предреволюционной жизни русского общества, предпочла радикальной реформе косметические полумеры. Как видно, способность к великим преобразованиям страны династией Романовых и ее комарильей оказалась фатально утрачена. Что и предопределило, в конечном счете, самую кровавую революцию, вскоре разорвавшую не желавшую совершенствоваться общественно-политическую систему в клочья.

«В ожидании того отдаленного времени, когда осуществится [кем, как не министрами? — С.Щ.] проектируемое профессором Самоквасовым и графиней Уваровой учреждение архивного главноуправления и создадутся в каждом губернском городе государственные архивы с особыми штатами, — утверждал Плеве во «всеподданнейшем докладе» царю, — Губернским ученым архивным комиссиям суждено в течение долгих лет служить единственным местным учреждением, которому возможно будет поручить руководительство в губернии архивным делом»[68]. 12 июня 1903 г. Николай II одобрил министерское предложение «относительно упорядочения архивного дела в России посредством Губернских ученых архивных комиссий»[69].

Однако министерство финансов и после высочайшей санкции не нашло денег для поддержки комиссий, отговорившись «многочисленностью предстоящих по ведомству министерства внутренних дел весьма крупных расходов на удовлетворение наиболее важных и самых настоятельных государственных потребностей»[70] по усилению полицейского сыска, тюремно-карательной системы и т.п. задач. Только

с 1909 г. ГУАК стали получать ежегодно из казны смехотворную сумму по 200 рублей ежегодно — Витте просто вычеркнул 0 из размера просимой субсидии. А с 1914 г. дотация на этот же 0 увеличивалась (без учета произошедшей инфляции) — до 2000 рублей, которых комиссиям, всё равно не хватало. Последующие всплески эмоций со стороны архивистов и краеведов на их совещаниях и съездах ничего в архивном деле вплоть до революции изменить уже не могли.

«Русские ведомости» резонно вопрошали после «царской милости» архивам: «На каком же основании Россия должна отказаться от порядка и законоположений, признанных полезными для остальных государств Европы? Почему то, что считается государственным достоянием в остальной Европе, должно быть добровольно роздано русским государством по рукам частных любителей? Не потому ли проект проф. Самоквасова нам негоден, что он рекомендует для архивов строгую регламентацию, которую называют «бюрократической»? И что такое мера времени «пока», которая предполагается при мероприятиях [поддержки ГУАК — С.Щ.], признанных необходимыми для устройства и упорядочения архивов?»[71]. Но это был тот самый глас вопиющего в пустыне, который напрочили Самоквасову-реформатору искушенные во внутренней политике самодержавия люди.

Спорен и поучителен вопрос о социально-политической направленности проекта Самоквасова и планов ГУАК.

В историографической литературе утвердилась оценка самоквасовского проекта как буржуазного по предполагаемым результатам, а в его противниках из среды ГУАК видели обычно «представителей интересов дворянства в области архивного дела»[72]. Доля истины здесь есть. Предложения профессора действительно шли в русле логичных на рубеже веков для России буржуазных — либеральных или демократических реформ. Архивные же комиссии в своем абсолютном большинстве стояли на сугубо охранительных, ультрамонархических позициях. Иного им не было дано — председателем или по крайней мере «непременным попечителем» любой из них состоял губернатор, а о ее составе можно судить по списку чиновников — действующих лиц гоголевских «Мертвых душ» или «Ревизора». Хотя в составе ГУАК большую или меньшую часть составляли разночинцы (учители, священники, земцы и прочие низшие и средние чиновники), их образ мысли и действий на краеведном поприще мало чем отличался от кондового монархизма потомственных дворян. Верноподданная

фразеология обычно помогала чиновничьей карьере. Лица с либерально-демократическими взглядами среди провинциальных любителей науки приживались плохо. К примеру, М.М.Коцюбинского, И.Л.Шрага и прочих украинских национал-демократов вынудили уйти из Черниговской архивной комиссии [73]. Согласно специальным посчетам, «ведущее положение в составе ученых комиссий занимало служилое и поместное дворянство: в Воронежской — 37 %, Тамбовской — 50 %, Курской — 21 %, Тамбовской — 25 %»[74].

Впрочем, сословно-классовая принадлежность историков-любителей мало коррелировала с результатами их работы. Там, где во главе губернии оказались более просвещенные и широкомыслящие люди (как правило, кстати, не просто столбовые дворяне, а титулованные), ГУАК возникли раньше и действовали успешно. К сожалению, меценатов среди начальников губерний сыскалось не так много. Между прочим, именно потому, что ГУАК оставались «бесплатным приложением» к царской администрации на местах, они и распались, а точнее были распущены почти сразу же после Октябрьского переворота, к началу 1920-х гг. Поголовная принадлежность к «бывшим» пагубно сказалась на наших краеведах в дальнейшем — с началом ленинского и сталинского террора их безвинно репрессировали одними из первых.

И всё-таки выискивание политических и классовых интересов на археологических раскопках или же в древлехранилищах грешит упрощенным социологизмом. Целые памятники истории, шедевры архитектуры, а тем более упорядоченнеы архивы нужны всякому государству, любому обществу, независимо от его экономического и политического выбора. Терпеть массовую гибель исторических документов могла только косная, коррумпированная администрация, поглощенная самосохранением, а не интересами страны или даже отдельных классов ее населения. Уж кому-кому, как не дворянству с его генеалогией, геральдикой и поземельной собственностью стоило поставить исторические архивы на должную высоту. Ан нет — хартии Московского царства и Петербургской империи практически до конца прошлого века, а то и позже гнили в башнях без окон и дверей, малограмотные чиновники топили ими печи или отправляли их возами на макулатуру для бумажных фабрик, где их охотно принимали как дешевое сырьё «представители буржуазии». Отношение к архивам как к обременительному хламу проникло во все слои русского общества.

Не когда-нибудь, а в 1902 г. газеты объявили о продаже с аукциона 400 пудов архивных дел Варшавского губернского правления (начальная цена 500 рублей). И торги бы состоялись, не объяви Самоквасов в тех же газетах сделку противозаконной. Правление обязано было хранить эти бумаги в своем окончательном архиве. Коли в нём не хватало места, профессор просил «о высылке всех дел, назначенных к уничтожению, в МАМЮ для приобщения к архиву Польско-Литовской метрики»[75]. В сотнях аналогичных случаях, приводимых в трудах Самоквасова и в изданиях ГУАК, спасти исторические документы так и не удалось.

В борьбе за архивную реформу Самоквасов продемонстрировал поразительное сочетание чиновничьего практицизма с политической наивностью. Проникая со своим проектом на приём к министру внутренних дел, шефу жандармов Плеве, лично подавая прошение министру финансов, «глубокоуважаемому Сергею Юльевичу» Витте и прочим государственным мужам, профессор в то же время уверял своих сподвижников, что «вопрос этот может сколько-нибудь двигаться только тогда, когда он будет рассматриваться вне ведения какого-либо министерства и что лучше всего прямо бить челом державному хозяину земли русской о том, чтобы сберечь ее великое достояние — исторические письменные памятники»[76].

Известный архивист А.Н.Львов в самом начале «хождения по мукам реформы» — в 1900 г. писал Самоквасову: «Опыт теперь показывает, что Вы были совершенно правы и что во всяком министерстве этот вопрос или провалится, или застрянет. Петербургские представители археологии ... только посмеиваются и говорят: «Мы ведь знали, что ничего из этого не выйдет»[77]. К слову сказать, застарелая вражда старой и новой столиц на ученом и служебном поприщах в свою очередь сказалась на провале московской версии архивной реформы и поддержке предложений Петербургского Археологического института — шефа ГУАК. Мне представляется предвзято-субъективным отзыв С.Ф.Платонова, относившего неуспех реформирования архивов вплоть до революции на счёт «московского профессора Д.Я.Самоквасова», чей будто бы «прямолинейный и парадоксальный ум» якобы «плодил гораздо большее число зоилов и антагонистов, чем сторонников и последователей»[78].

Самоквасов и впрямь потерпел со своим проектом явное поражение. «Зоилы и антагонисты» (вроде самого С.Ф.Платонова) могли

торжествовать. Но усилия Д.Я. и П.С.Уваровой, предпринятые на рубеже веков, не пропали даром. Их энергичный натиск на министерства подтолкнул хотя бы на помощь архивным комиссиям, а те заставил шевелиться живее в их застойном губернском мирке, как-то упорядочивать свою деятельность. Нельзя сбрасывать со счетов, что в теоретическом плане вопрос о реальном состоянии и перспективах российских архивов оказался проработан профессором вовремя и досконально. Его труд «Архивное дело в России» стал настольной книгой для нескольких поколений архивных работников.

По ходу гласного обсуждения и закулисной борьбы в «коридорах власти» проект Самоквасова претерпел показательную эволюцию: от идеальной в тогдашних условиях, на мировом уровне постановки архивного дела (1899 г.) — к нормальной по европейским стандартам его реорганизации (1902), а затем уже, под влиянием министерской волокиты и острейшей критики конкурентов — до самого необходимого, неотложного в данной сфере (1903). Однако, как бы ни умерялись, ни сокращались запросы от лица отечественных архивов, самодержавному государству и даже большей части научного сообщества оказалась чужда сама идея их преобразования. Личные, ведомственные интересы и в этом случае задавили национальный интерес.

Проект Д.Я.Самоквасова принадлежал будущему. Многие его положения всё-таки осуществились — но только после Октября, согласно ленинскому декрету «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (1918) и последующим шагам советского архивного строительства. Большевики быстрее монархистов осознали все выгоды тотального контроля над исторической информацией, сконцентрированной в архивах. Это идеологическое оружие они не могли оставить в руках чуждых им общественных сил. Поэтому архивы оказались национализированы коммунистами так же быстро и надолго, как финансы и недвижимость.

Если взять нынешнюю структуру архивной службы в России, то мы найдем в ней всё то, что некогда предлагал Самоквасов: Главное архивное управление; центральные и областные государственные архивы; историко-архивный институт (в составе РГГУ) с необходимыми кафедрами. Разве что бюджетных ассигнований да благоустроенных зданий нашим архивам всё еще не хватает, а многие фонды исторических источников стали открываться для исследователей только за последние годы, согласно

принятому наконец в 1993 г. более демократичному закону об архивах Российской Федерации.

За архивными делами и треволнениями Д.Я. не оставил привычных занятий наукой и педагогикой. Они всегда приносили ему куда большее удовлетворение, нежели функционирование в служебных и общественных сферах.

В Московском университете

> В нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров ... Для образованного общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученых и студентов ... , то его литература давно бы уже имела целые эпопеи, сказания и жи тия, каких, к сожалению, она не имеет теперь.
>
> *А. П. Чехов. Скучная история.*

Через пару лет после переезда в Москву, вникнув в архивные проблемы, Самоквасов решил вернуться на профессорскую кафедру, совмещать новую службу со старой, преподавательской. Прецедент такой имелся: предыдущий директор МАМЮ А.Н.Попов, будучи зятем известного историка С.М.Соловьева, унаследовал его кафедру в Московском университете. Многие крупные чиновники старой России перемежали основную работу с преподавательской.

В начале 1894 г. с разрешения попечителя Московского учебного округа Д.Я.Самоквасов был допущен к чтению лекций в университете, но по отсутствии профессорской вакансии в качестве приват-доцента. Для начала ему отвели факультативный курс «Источники и система русского права времен договоров славян с греками» — по 2 часа в неделю на протяжении весеннего полугодия.

Доцентура, понятно, не могла надолго устроить доктора права с 20-летним стажем университетского преподавания и сотней научных трудов, включая несколько учебников. Спустя пару-тройку месяцев университетское начальство пошло на то, чтобы назначить его экстраординарным профессором сверх штата — на денежное содержание

он не претендовал, получая полностью и пенсию, и директорское жалование в архиве.

Кафедру истории русского права тогда занимали штатный профессор П.Н.Мрочек-Дроздовский и приват-доцент П.И.Числов. Поделив с ними курс лекций на части, Самоквасов стал читать первую — древнерусское право. Декан юридического факультета «находил весьма полезным удержание г-на Д.Я.Самоквасова при университете», ибо тот «известен своими изысканиями и трудами о древнейшем периоде русского права». А «более подробное знакомство слушателей с жизнью и правом славян того времени весьма желательно для уяснения позднейших источников права»[79].

Следующий, 1895 г. принес Д.Я. уже ординарную профессуру «с оставлением в занимаемой им по ведомству министерства юстиции должности». В 1900 же г. он выслужил по ведомству министерства просвещения четвертьвековой срок, положенный для присвоения звания заслуженного профессора. Оно позволяло занимать кафедру без ограничения каким-либо пенсионным рубежом, были бы силы читать лекции. Самоквасов воспользовался этой привилегией и продолжал преподавать на юридическом факультете, всё так же бесплатно.

Закреплению профессора в новой для него университетской корпорации способствовала его политическая благонадежность — среди консервативно настроенных преподавателей всегда ощущался дефицит ярких личностей, известных ученых.

После выхода престарелого Мрочек-Дроздовского на пенсию, сотрудником Д.Я. по кафедре стал профессор А.Н.Филиппов, перешедший сюда из Юрьевского университета, где был ректором. «Варягу» пришлось выдержать конкурс — на то же место претендовал еще профессор М.А.Дьяконов из того же Юрьева. Сравнить ученые заслуги и педагогические способности соискателей факультет поручил университетскому ветерану Самоквасову, тем более, что диссертации обоих строились на документах МАМЮ. В его докладе предпочтение отдавалось Филиппову как более трудолюбивому источниковеду [80].

Такое решение вызвало недовольство в стане либералов, стоявших за своего политического единомышленника — Дьяконова. Профессор-экономист А.А.Мануйлов (будущий ректор Московского университета и министр просвещения во Временном правительстве от кадетской партии) даже издал протестующую брошюру [81]. А В.О.Ключевский в черновых

бумагах в свою очередь набросал язвительную, в своем духе, отповедь Д.Я.Самоквасову насчет того, «каким требованиям должен удовлетворять университетский профессор»[82]. В недавно вышедших «Неопубликованных произведениях» и даже в новом собрании сочинений Ключевского эта заметка помещена без каких-либо комментариев и большинству читателей остается малопонятной. Ну, а конкурс 1902 г. вряд ли подлежал однозначному толкованию. Уважительно названный «палеонтологом» от истории Дьяконов — замечательный русский ученый, в скором будущем — академик. Но и диссертация «рудокопа» Филиппова сейчас намечена к переизданию в серии «Труды выдающихся юристов».

Дошедшие до нас отзывы слушателей московских лекций Самоквасова разноречивы. Будущему видному советскому историку В.И.Пичете они не понравились [83]. Иные отклики сохранены саратовским краеведом А.А.Кротковым, близко знавшим профессора в тот период. Согласно записанным им воспоминаниям одного из студентов-юристов, «Дм. Як. на своих слушателей производил весьма сильное впечатление, несмотря на то, что многие были предубеждены против него [по политическим соображениям — С.Щ.]. Сначала этот студент совсем не хотел ходить на лекции Д.Я. потому, что считал его человеком правого лагеря, ультрапатриотом и вообще, как он выразился, «черносотенцем». Попав к нему случайно на лекцию, студент настолько был захвачен широтой взглядов профессора, глубиной и объективностью изложения, что после первой лекции сделался усердным посетителем аудитории Самоквасова и до сих пор сохранил к Д.Я. глубокое уважение и искреннее почтение.

Другой студент Московского университета, И.С.Вол-ин, мне писал между прочим о Самоквасове следующее: «В первый раз увидел я Д.Я.Самоквасова в средних числах сентября 1909 г. На первую лекцию Д.Я. мне попасть не удалось. Товарищ, слышавший его две первые лекции, говорил мне: «Зайдите, зайдите, послушайте, занятный старичок!» Минут за 10 огромная аудитория № 1 [старого здания университета на Моховой — С.Щ.] наполнилась студентами. Аккуратно, по расписанию в четверть первого часа в аудиторию вошел мужественный, еще крепкий и бодрый старик, убеленный глубокой сединой, с энергичным лицом. Поднявшись на кафедру, он быстрым взглядом окинул аудиторию и затем, юношески встряхнув головой, начал ...»[84].

Еще один весьма живописный образ Самоквасова-профессора принадлежит перу замечательного русского писателя, эмигранта Михаила Осоргина (1878–1942). На рубеже веков он учился на юридическом факультете Московского университета, будучи одновременно активным функционером партии эсеров. Последнее не помешало ему объективно оценить своих университетских учителей самой разной политической ориентации. 30 лет спустя, в мемуарном цикле «Встречи» Осоргин признавался: «Пишу о них с улыбкой, а думаю с глубоким уважением ... Все они, каждый по мере сил, создавали и умножали славу» первого университета России. Так, «проф. Самоквасов, большой старик с отлично сделанной из осмолённой пакли бородой, в длинном сюртуке, видавшем виды, ... говорил преимущественно о курганах. В своей жизни он раскопал бесчисленное количество курганов. Рассказывал он о них подробно, о каждом особо, и это имело какое-то отношение к русском управу. Его главным козырем была коробочка с мелкими угольками, которая хранилась в одной из витрин Исторического музея. Раз в течение курса он вёл нас туда ... Здесь, склонившись над витриной грузным корпусом и вынув коробочку, он с необычайным оживлением говорил:

— Эта находка в корне меняет все прежние представления о наших предках. Что это за угольки? Посмотрите, но не касайтесь пальцами. Они найдены в погребальном урне. Это, милостивые государи, обгорелые зерна ржи! Значит, наши предки не были только дикими звероловами; они занимались и хлебопашеством. Значит, уже в те времена культура была достаточно высокой ... и так далее.

Мы заглядывали в коробочку и чувствовали умиление и гордость за предков. Профессор Самоквасов вырастал в наших глазах, и на студенческих балах мы танцевали с его племянницей, занимая её разговором о коробочке с обгорелыми зернами ржи»[85].

А вот студенту-естественнику Борису Бугаеву (в скором времени знаменитому писателю Андрею Белому) «тяжелый Самоквасов»[86] запомнился в пёстрой череде прочих московских знаменитостей на воскресных приёмах-журфиксах у литературоведа Н.И.Стороженко. Со своей внушительной фигурой Д.Я. и на склоне лет оставался удивительно лёгким на подъем человеком.

Нет, это не книга, Камерадо,
Открой ее и коснешься человека ...

У. Уитмен. Прощайте.

Свои лекции профессор продолжал обрабатывать для печати. Его от издания к изданию растущая в объеме «История русского права» не затерялась среди многочисленных компендиумов по этой дисциплине — М.Ф.Владимирского-Буданова, Н.П.Загоскина, Ф.И.Леонтовича, В.И.Сергеевича, А.Н.Филиппова и многих других историков-юристов. По сравнению с ними всеми, законниками и государствоведами по-преимуществу, Самоквасов трактовал их науку предельно расширительно. Его коллеги, в большинстве своем тяготевшие к так называемой «государственной школе», предпочитали выводить историю страны и народа из соответствующих институтов государства и права. Мой же автор претендовал на обратный методологический прием — стремился объяснять государственно-правовые установления из экономической, социально-классовой, культурной истории Руси-России.

В конце прошлого — начале нынешнего веков столь широкая панорама отечественной истории только начинала оформляться. И Самоквасову, разумеется, не удалось реализовать новаторскую методологическую установку во вполне законченном объеме. Самые оригинальные тезисы его лекционного курса сосредоточены в начале — когда речь идет о формировании древнерусской народности, земли и государственности. Непредвзято настроенные коллеги признавали, «что профессору Самоквасову принадлежит почин в деле приложения данных археологии к изучению древнейшего русского права и что, в этом смысле, он является основателем археологического метода в нашей науке». Первые же методично проведенные русскими археологами раскопки и интерпретация их результатов в самоквасовском учебнике «выяснили существование у наших отдаленных предков, еще задолго до призвания варяжских князей, политических союзов с племенными князьями во главе, городов, ремесел, земледельческой промышленности, классов населения, торговли, — словом, признаков уже относительно развитого политического, общественного быта»[87].

Не прошло и сотни лет с момента выхода в свет грешащих междисциплинарностью работ Д.Я.Самоквасова по истории славянорусского права, как подобная тематика, называемая этнопотестарной, культурно-антропологической, оказалась в центре внимания ученых-гуманитариев [88].

«История русского права» Д.Я.Самоквасова вобрала в себя результаты ряда его монографических штудий — о происхождении славян, в особенности восточных; древнерусском городе; договорах первых русских князей с греками; родословной Рюриковичей; формировании крепостного права и поместно-вотчинной системы; обычном праве сибирских аборигенов; некоторых других. Однако этот профессор не одобрял методической практики некоторых своих университетских коллег, склонных ограничивать содержание лекций итогами собственных научных изысканий. Своим студентам он предлагал систематический курс по всему тысячелетнему периоду развития государства и права в нашей стране. Источники и историография всех разделов учебника прослежены автором с большой полнотой, однако трактовки и выводы по большинству юридических и общеисторических сюжетов, за исключением вышеназванных, у него достаточно традиционные для официальной науки того времени (чьи охранительная и либеральная напоказ ветви мало отличались по научному содержанию).

Нынешним библиографам без труда не разобраться в общем количестве выпусков и изданий самоквасовского учебника. Варшавский том 1888 г. включал в себя, напомню, переработанные издания 1878, 1884 гг. и посвящался «языческой эпохе» русского права. В Москве последовали второй и третий выпуски (1896), отведенные «законам удельной Руси, Московского государства и Российской империи». Они представляли собой литографированный студенческий конспект профессорских лекций. Все эти выпуски, в общей сложности пять, автор рассматривал как первое издание своего курса. Второе, исправленное и дополненное, осуществлено им в 1899 г. в одной книге. Затем, по просьбам новых поколений студентов, в свет вышли его «Лекции 1902/3 академического года» и «1906/7 учебного года». Последнее и самое полное, третье издание «Курса истории русского права» Самоквасова за 1908 г., вместе с отдельными «Дополнениями» к нему, достигало в общей сложности 800 страниц.

Как приложение к лекционному курсу профессор дважды, в 1899 и 1907 гг. публиковал составленную им хрестоматию «Памятники древнего русского права». Кроме общеизвестных источников, здесь во фрагментах помещены только что открытые тогда документы XV–XVII вв. из фондов МАМЮ.

Завершали весь этот учебно-методический комплекс несколько вариантов «экзаменной программы» предмета, которые каждый университетский лектор тогда составлял самолично. Упомяну и такой распространенный в тогдашних университетах способ подготовки к экзаменам, как предельно сжатый «Конспект по истории гражданского и уголовного права», составленный по учебнику Самоквасова одним из студентов.

Как видно из сказанного, преподаванию ученый всегда уделял большое внимание. Университет и в Москве оставался для него вторым домом. Ради занятий со студентами откладывались все остальные дела, которыми этот человек бывал постоянно перегружен. Вот типичный для профессора эпистолярный пассаж, адресованный П.С.Уваровой 25 апреля 1895 г.: «Покорнейше благодарю Вас за извещение о днях предположенных раскопок, но к великому моему сожалению не буду иметь возможности воспользоваться ими, т.к. в дни раскопок экзамен в университете по моему предмету»[89].

Не ограничиваясь только лекциями и экзаменами, он активно участвовал в работе университетского и факультетского советов, состоял в попечительстве студенческих общежитий, был членом Педагогического общества, представлял университет на съездах археологов и совещаниях архивистов.

Весьма показательным для себя образом Д.Я. отреагировал на студенческие волнения, парализовавшие многие университеты страны в 1899 г. и продолжавшиеся с большим или меньшим накалом в дальнейшем, несмотря на репрессивные меры администрации. В 1901 г. московские профессоры составили наконец по поручению министерства просвещения комиссию «для выяснения причин волнений и мер к упорядочению университетской жизни». Хотя в состав этой комиссии вошли такие столпы либеральной науки, как В.И.Герье, П.Г.Виноградов, В.О.Ключевский и прочие авторитеты, ее выводы отличались удивительной робостью, если не сказать беспомощностью. Главными причинами волнений в университетах комиссия сочла запрет

внутристуденческих объединений и слабое нравственное влияние профессуры на своих учеников [90]. Поводы и следствия явно выданы тут за причины — в обстановке общего революционного подъема в стране многие студенческие лидеры уже прямо высказывались против самодержавия и требовали созыва учредительного собрания.

Пока коллеги перестраховывались, Самоквасов не убоялся в содокладе Совету университета 21 мая 1901 г. заявить суть дела: «Беспорядки в русских университетах, начиная с 1860-х гг., имели политические причины и цели»[91]; силовое давление властей и в особенности полиции на взбудораженных студентов только увеличивает «кадры революционных и сепаратических организаций». Реформаторские, законотворческие наклонности историка-юриста сказались и в данной ситуации — он опубликовал тогда же пакет брошюр с предложениями по разным сторонам университетской жизни в желательном будущем (о государственных экзаменах, землячествах и прочих организациях студентов, их правах и обязанностях).

После очередной вспышки «забастовочного и обструкционного движения» среди студентов Д.Я.Самоквасов направил министру просвещения новую записку с выразительным заглавием: «Средство освобождения университетов от политики». Повторяя свой диагноз «хронического заболевания» высшей школы — «превращение наших академических учреждений в политические клубы», автор считает панацеей от него «преобразование русских университетах на основах их автономии и свободы преподавания и слушанья лекций», безусловного разрешения всех «корпоративных организаций студентов»[92].

Намерение профессора «вылечить» учебные заведения от революционной заразы, ничего не меняя в остальном государстве и обществе, выглядит вполне наивно. Однако призыв к свободе, пускай только академической, звучит впечатляюще, особенно в феврале 1905 г. — накануне всероссийской политической стачки и вооруженного восстания в Москве. Весьма злободневно, хотя и проблематично итоговое заявление Д.Я.Самоквасова: «Там нет науки, где господствует политика». Сам ученый держался вполне определенных, по тем временам далеко не передовых политических взглядов. Однако в спорных вопросах науки и жизни он всегда стремился к объективному анализу фактов, старался занять не личную или узкогрупповую, а гражданственную, в своем понимании, позицию.

Кроме университета, профессор преподавал историю права в Императорском лицее памяти цесаревича Николая («в бозе почившего» сына Александра II). Шефом-основателем этой дворянской школы явился небезызвестный публицист реакционного толка, влиятельный издатель М.Н.Катков. На университетском отделении лицея лекции читали ведущие московские профессоры [93].

Один из бывших лицеистов, В.Арсеньев писал в 1908 г. из Витебска своему любимому учителю: «В моих светлых воспоминаниях о студенческих годах, равно как и о занятиях в архиве, воспоминание о Вашем отношении и ценных Ваших разъяснениях и указаниях являются для меня особенно приятным. Я уверен, что таковыми будут они и у моего младшего брата, слушающего в настоящее время Ваши лекции в лицее, который мне много о них пишет, также как и о посещении подмосковных раскопок»[94].

Как видно, Д.Я. остался верен своей практике дополнительных занятий со способными студентами. Отдельные лекции своих курсов он читал, как уже упоминалось, в залах Исторического музея, а также своего архива на Девичьем поле. В присутствии и при участии студентов и лицеистов он в октябре 1908 г. раскопал два десятка древнерусских курганов в ближнем Подмосковье, в Рузском уезде, возле деревень Волхонки, Чертанова, Котляковой (ныне Домодедовский район столицы). Находки пополнили музей Московского Археологического института, с которым профессор также сотрудничал.

Первый — Петербургский Археологический институт не оправдал всех надежд своего создателя — Н.В.Калачова. «Из сотен, проходивших через Институт, не найдется и одного для архивного дела»[95], — сетовали заинтересованные лица. Действительно, почти все слушатели ПАИ специализировались на изучении вещественных древностях, т.е. стремились стать археологами в собственном смысле слова. Чтобы все-таки решить волновавшую его проблему подготовки квалифицированных архивистов, сенатор запроектировал новое учебное заведение в Москве, в составе управляемого им МАМЮ. Однако тогда, в 1880-е гг. казна отказалась финансировать эту затею. Причем с той же самой мотивировкой, которой руководствовался сам ходатай: «... Учрежденный в С.–Петербурге сенатором Калачовым Археологический институт в короткое время своего

существования не успел еще достаточно окрепнуть и ... пока не проявил настолько значительных результатов своей деятельности, чтобы открытие второго подобного же учреждения, с разделением между ними и без того небогатых научных сил, могло казаться желательным»[96].

Открыть Археологический институт в Москве удалось проф. А.И.Успенскому и генералу (а в душе и на досуге археологу) В.Г.Глазову только в 1907 г., на частные пожертвования. Его действительными студентами стали лица с высшим образованием, пожелавшие дополнительно, в течение трех лет специализироваться на одном из двух отделений — археологии и археографии. Не имевшие высшего образования зачислялись на три года вольнослушателями. Государственная высшая школа России не готовила ни археологов, ни архивистов. Подготовка кадров таких профилей заботила Самоквасова также, как и Калачова. Его глубоко задевало, что «на Западе молодые люди готовятся к архивной службе серьезнее, чем у нас к профессорской». Поэтому замысел нового института, даже в филантропическом его варианте, профессору должен был импонировать.

Тем не менее отношения Самоквасова с организаторами МАИ начались с конфликта. Профессор, видимо, претендовал взять на себя лекции по русской археологии. Однако на учредительном заседании в 1906 г. их предпочли поручить молодому и необремененному другой службой В.А.Городцову. Забегая вперед, можно сказать, что занятия здесь начинающий, но подающий большие надежды археолог [97] повел образцово. А Д.Я. тогда, вспылив, заявил: «Это будет не институт археологии, а лавочка для продажи дипломов». — Встал и гордо удалился»[98].

«Коль ругнуть, так сгоряча»; «коль простить, так всей душой ...» Поговаривали, что А.К.Толстой в этом известном стихотворении выразил впечатление от общения с графом А.С.Уваровым. Похожим был и нрав Самоквасова. Скоро он сменил гнев на милость и стал помогать новорожденному институту, чем мог (Это привело даже к неточному мнению, будто МАИ «основан по инициативе Д.Я.Самоквасова»[99]).

Управляющий архивом разрешил Н.Н.Ардашеву, А.А.Соколову и другим опытным сотрудникам МАМЮ по совместительству преподавать в институте дипломатику и другие исторические дисциплины. Для этих лекций в архиве оборудовали специальную аудиторию (о ней мечтал еще Калачов) с новым тогда электрическим освещением, кафедрой, доской

и «волшебным фонарем» — родоначальником нынешних «технических средств обучения». Слушатели института проходили в МАМЮ археографическую практику. Для них была устроена выставка редких рукописей и книг. Демонстрируя экспонаты студентам очередного набора, управляющий лично давал пояснения, перераставшие обычно в импровизированную лекцию. Ее темой можно было считать «Введение в русские древности». Затем следовала экскурсия по архивохранилищу.

Одни слушатели готовили выпускные диссертации на звание ученых архивистов по документам Разряда и прочих фондов МАМЮ [100]. Другие привлекались Самоквасовым к вышеупомянутым раскопкам под Москвой («для показания строго научных приемов таковой работы») и потом в провинции, украинской и южнорусской.

Чтобы закрепить взаимовыгодное сотрудничество, деловитый генерал Глазов поспешил провести Д.Я. в почетные члены Археологического института «во внимание в учёным заслугам». На первом же торжественном акте новоявленного учебного заведения, в сентябре 1908 г. Самоквасов уже выступал с актовой речью — рассказом о своих новых археологических находках, как всегда редкостных (клад драгоценных украшений из-под Чернигова; баранья косточка из тамошнего же кургана, исчерченная знаками, похожими на гипотетические «черты и резы» — докириллическое письмо восточных славян [101]; т.д.) и к тому же демонстрируемых слушателям в натуре. Археология так и не отпустила душу профессора целиком, «на архивное покаяние».

Общедоступные чтения о древностях

Более широкой публике адресовались открытые лекции, с которыми профессор время от времени выступал по просьбам разных общественных объединений, образовательных кружков еще в Варшаве. Излюбленными темами ему служили такие, как значение курганных раскопок, происхождение славян, история древней Руси. В Москве же общедоступные выступления Д.Я.Самоквасова неоднократно звучали в Политехническом и Историческом музеях, на воскресных курсах для рабочих (по известной программе полицейского миротворца С.В.Зубатова; тема Д.Я. — «Право и государство в России»), в уваровском Археологическом обществе, родных «самоквасовцам» стенах МАМЮ.

С такими же популярными лекциями профессор ежегодно выезжал в провинцию — в родную Малороссию (Киев, Чернигов, Полтава), в Курск, Орел, Брянск и другие места. Отметками о соответствующих командировках испещрены его паспорта. Лекции перед столичной и провинциальной аудиториями сопровождались «световыми картинами». Археолог располагал полусотней слайдовых фотоизображений сцен важнейших своих раскопок, планов и видов типичных памятников, лучших находок. Ряд вещей из городищ и курганов — массовые дублеты или еще не переданные в музей материалы последних раскопок — демонстрировались слушателям в оригинале. Немалое впечатление производили также модели богатых погребений, выполненные в половинную величину, оставшиеся со времен Антропологической выставки.

Кроме публичных лекций, распространению историко-археологических знаний служили многочисленные самоквасовские публикации в массовых повременных изданиях вроде многотомной, громадной по формату и роскошной полиграфически «Живописной России», «Памятных книжек» и «Трудов» Губстаткомитетов и ГУАК разных губерний; газет — «Голоса», «Слова», «Газеты А.Гатцука», «Кремля» Д.И.Иловайского, столичных и губернских «Ведомостей». Еще чаще различные газеты и журналы — от официозного «Правительственного вестника» до юмористической владикавказской «Фаланги» помещали хроникальные заметки об экспедициях профессора, его выступлениях на Археологических съездах.

В переписке с издателем неакадемического журнала «Древняя и новая Россия» С.Н.Шубинским, Самоквасов отмечал: «Я старался удовлетворить требованиям Вашего «Сборника»: сократить изложение, насколько позволяла научная важность содержания статьи [о курганных раскопках — С.Щ.] и придать изложению такую форму, в которой моя статья, надеюсь, будет интересна не только для специалистов, но и для всякого, кому не чужды интересы русской истории»[102]. В этих словах — кредо одного из первых в нашей стране популяризаторов археологии и архивистики, пропагандистов общекультурного значения их задачи и открытий.

Итогом учебно-просветительской деятельности учёного стала выпущенная им «Программа курса лекций по русской археологии» (М., 1907). Эти лекции Самоквасов читал у себя в архиве по субботам, в

вечерние часы. Тут уж никто не стеснял его в выборе вопросов и наглядных пособий для обсуждения. Приглашая на огонек графиню Уварову, Д.Я. писал: «Курс по русской археологии и архивоведению я открыл в архиве по той причине, что он сопровождается демонстрацией многих световых картин, рисунков и подлинных архивных документов, что невозможно в помещении Археологического института. В настоящее время у меня 150 слушателей и слушательниц»[103].

Программа самоквасовского курса — тоненькая брошюра — по сути представляла из себя проспект учебника по отечественной археологии. Здесь приведена классификация, которую профессор дал курганным древностям Европейской России. Кроме того, перечислены имена всех крупных археологов русских и многих иностранных; указаны крупнейшие государственные и общественные музеи, частные коллекции древностей; отмечены ученые общества и организации, занимавшиеся раскопками; раскрыты их тогдашние методы. Обо всем этом профессор и рассказывал субботними вечерами на Девичьем поле будущим археологам и любителям истории. Он «горел желанием зажечь в нас искру стремления продолжить его любимое дело. — Вспоминал один из тех слушателей. — Он показывал нам свои археологические находки, которые еще не были переданы в музей; учил, как производить раскопки, очищать металлические предметы от ржавчины; учил, как надо обращаться с документами»[104]. Очень жаль, что автору этой совершенно новаторской учебной программы не хватило времени написать целую книгу по истории и методологии самой археологии, которую он так хорошо знал.

И всё-таки основы высшего образования для археологов и архивистов были заложены в нашей стране усилиями таких энтузиастов этого дела, как Самоквасов. Позднее, в 1922 г. именно на базе обоих Археологических институтов открылись первые отделения археологии в России в составе историко-этнологических факультетов Московского и Петроградского университетов.

Сотрудник историко-краеведческих организаций. Возобновление раскопок

> ...Истредд недалеко от южного вала что-то выкопалв земле и теперь роет кругом, точно крот. Я спрашиваю вежливо: Чего, мол, метр, копаешься в яме, словно дитя малое? Что в той земле есть? А он поглядел на меня, как на голяка какого, и говорит: История человечества. Ответы на вопросы. На вопросы, что было, и на вопросы, что будет.
>
> *А. Сапковский. Меч Предназначения.*

Зажив постоянно в Москве, Самоквасов сделался уже не эпизодическим гостем, а постоянным участником заседаний уваровского общества археологов. Оно было, напомню, одним из самых деятельных и демократически организованных тогда объединений ученых гуманитарного профиля и вообще любителей старины в нашей стране. Подготовка и проведение всероссийских Археологических съездов обеспечивали заметное влияние ИМАО на историко-краеведческое движение в провинции.

Просвещеннейший человек своего времени, граф А.С.Уваров, вместе с тем, разделял некоторые предубеждения сословия и эпохи, к которым принадлежал. В частности, он упорно препятствовал проникновению в ряды ИМАО «дамского элемента». После безвременной кончины графа, П.С.Уварову пришлось сначала особым решением, «вне правил» избирать действительным и почетным членом Общества, а уж затем — пожизненным его председателем.

«Душевно радуюсь этому избранию и искренне поздравляю Вас. — Писал графине 4 мая 1885 г. Самоквасов.— Теперь я спокоен за дальнейшее движение великого дела, начатого покойным графом Алексеем Сергеевичем»[105]. Благодаря за поздравления, Уварова признавалась: «Я бы, разумеется, никогда не бросила деятельность, с которой сжилась и которую полюбила, как самого руководителя, но вместе с тем не знаю, хорошо ли я сделала, приняв председательство. Ведь мне, меньше чем кому-либо, желательно погубить дело, начатое графом. Я готова работать, но не судья в том, сумею ли работать на пользу всем нам дорогого дела»[106].

Прасковья Сергеевна сомневалась напрасно — она стала превосходным, а на рубеже прошлого и нынешнего веков просто незаменимым организатором научно-просветительских работ. Под ее руководством ИМАО поддерживало прежнюю активность по изучению и посильной охране исторических памятников, увеличило географический размах своего культурного влияния на российскую провинцию.

Как говорилось в начале главы, Самоквасов в тот период курировал в ИМАО в основном архивно-археографические вопросы. Кроме проектов реорганизации архивов, он теперь докладывал на заседаниях и съездах Общества насчет новооткрытых документов МАМЮ. Кроме того, ему доводилось подключаться к работе комиссии по охране древних памятников. По образцу старой анкеты профессора за 1873 г. был разработан и разослан по губерниям, учебным округам и епархиям ряд циркуляров и запросов ИМАО — о наличии и сохранности церквей и прочих зданий старинной постройки; каменных баб, оставленных в южнорусских степях кочевниками; подземных ходов в исторических городах; а также «о памятниках новейшего времени, воздвиженных в честь разных событий и Августейших Особ царствующего дома». Полномочия Уваровой и ее присных оставались сугубо рекомендательные, но определенное влияние на общественное сознание, а значит и на практическое обращение местных властей с памятниками истории и культуры своими обращениями и выступлениями в печати они оказывали.

В 1909 г. Московская городская дума решила пустить трамвай по Красной площади — надо было решить обострившуюся проблему подвоза товаров к Верхним торговым рядам (нынешний ГУМ). ИМАО запротестовало, утвердив предложенную Самоквасовым формулировку: «Сооружением трамвая площадь будет лишена присущего ей исторического своеобразия». Протест услышали в правительствующем Петербурге. Премьер П.А.Столыпин предписал московскому городскому голове »... Оказать содействие к тому, чтобы Московское городское общественное управление, заботясь об удобствах населения, сделало всё возможное к охранению драгоценного памятника древней Москвы»[107]. Градоначальник Москвы А.А.Адрианов вынужден был выслушать заинтересованные в этом вопросе стороны. В специально созданную по этому поводу комиссию вошли директоры МАИ А.И.Успенский, Румянцевского музея И.В.Цветаев, Исторического музея Н.С.Щербатов, Архива министерства иностранных дел В.Е.Львов, Строгановского

промышленного училища Н.В.Глоба; председатели ученых Обществ — Истории и древностей российских Э.В.Барсов, Художественного общества С.В.Иванов, Общества любителей художеств Н.И.Боткин, Архитектурного — Ф.О.Шехтель; от ИМАО — Уварова и Самоквасов; художник В.М.Васнецов; московский городской голова Н.И.Гучков с сотрудниками и др. специалисты. Цветаев и некоторые другие директоры, чьи музеи строились и пополнялись на щедрые пожертвования купцов и промышленников-меценатов, поддержали их коммерческие интересы в трамвайном деле.

«Собрание было многочисленное, — вспоминала П.С.Уварова, — заседали представители главных ученых и художественных учреждений Москвы, но так как надо было бороться с городом, с которым большая часть этих представителей не желала ссориться, то они или молчали, или соглашались на полумеру [провести трамвай по прямой, дабы занять его рельсами как можно меньше места — С.Щ.]. Защищались мы вдвоем [точнее втроем — еще и живописец В.М.Васнецов — С.Щ.]. Дм. Як. откровенно тепло и красноречиво защищал площадь и доказывал необходимость сохранить ее как памятник былого знаменательного времени для истории Европы»[108]. Но всё, чего удалось добиться протестантам, это перевести уже проложенные трамвайные пути с центра площади ближе к кремлевской стене, убрать вовсе отсюда поворотную петлю электрического траспорта. Трамвай под стенами Кремля ходил до начала 1930-х гг., пока не стал мешать советским парадам.

Профессор отвел душу на очередной университетской лекции, заявив студентам: «Милостивые государи! Сегодня я не буду читать обычной лекции, сегодня я буду говорить по вопросу, который волнует всю мыслящую Москву и, даже больше, всю мыслящую Россию. Вы верно уже догадались, о чем я буду говорить — я буду говорить о Красной площади!»

Затем Д.Я. картинно, с подъемом, с чисто юношеским увлечением рассказал о тех кровавых событиях, которые разыгрывались в Кремле и на Красной площади. «Здесь, на Красной площади, с лобного места Иван Грозный произнес свою знаменитую речь, имевшую столь огромные последствия для всей России; здесь построен Грозным храм Василия Блаженного — великий памятник русского зодчества; здесь стоит памятник Минину-Пожарскому и Императорский Исторический музей; сюда, на Красную площадь, в старину стародавнюю, в годину бедствий и тяжелых испытаний, когда били в набат, сбегались люди московские и

здесь решали вопросы, касающиеся всей России». Указал Д.Я. и на Западную Европу, где народные площади — эти исторические места, охраняются заботливой рукой от застройки их зданиями и от проведения по ним трамвайных линий.

Лекция была покрыта громом аплодисментов. Многие из студентов после лекции ходили на Красную площадь и к памятнику Минина-Пожарского и обсуждали вопрос о порче трамваем Красной площади»[109].

Особое место в жизни Д.Я.Самоквасова занял XIV Археологический съезд — он собирался на его родине, в Чернигове, старинном центре Северянской земли. О чём только ни спорили с профессором коллеги — историки, археологи, архивисты, как многие из них на него ни обижались по поводу и без оного, но первенство Д.Я. в изучении древностей этого региона все поголовно признавали безоговорочно. По словам одного экзальтированного земляка, Самоквасову на этом съезде была уготована царственная роль.

Организовывать съезд пришлось в условиях первой русской революции. В разгар декабрьского вооруженного восстания, когда войска и полиция штурмовали на Пресне баррикады террористов-боевиков, графиня П.С.Уварова писала Д.Я.Самоквасову: «Времена наступили такие неспокойные и тяжелые, что приходится пока не собирать Предварительного комитета [ПК] по Черниговскому съезду. От министра получено разрешение собраться, когда найдем то более удобным. Но вместе с тем, не следует, как мне кажется, опускать руки и откладывать работу ...»[110].

Согласно поручению вскоре собравшегося ПК, Д.Я. наметил обстоятельный «План археологических работ по собиранию и систематизации древностей черниговских». Вместе с Уваровой, подняв архивы ИМАО и ИАК, они составили сводку всех раскопок и случайных находок древностей в Черниговской и Полтавской губерниях. По переписке и личными приездами они всячески поощряли историков-любителей Чернигова, его уездов и соседних губерний к энергичной работе по осмотру и раскопкам археологических памятников, собиранию этнографических, документальных, художественных коллекций.

Когда из-за безденежья Черниговской ГУАК остановилось печатание предсъездовских «Трудов ПК», Д.Я. пожертвовал на это дело 700 рублей из своих сбережений. Дополнительным источником

финансирования подготовительных работ стали публичные лекции, с которыми профессор выезжал в южные губернии. Вход на эти чтения был платным и весь сбор — две-три сотни рублей с каждого выступления целиком шел на раскопки и издания соответствующих ГУАК. «Ваш приезд и Ваше оживленное, обстоятельное и глубоко продуманное слово влили свежую струю в наш провинциальный мирок и он, слава Богу, зашевелился»[111], — писал лектору И.Е.Евсеев из Орла.

Подготовка «родного» съезда вернула профессора к полевой археологии. С 1892 г. он не выезжал на раскопки — по службе в министерстве юстиции не полагалось таких продолжительных каникул, какие были у него в университете. А лето 1906 г. управляющий МАМЮ, исхлопотав у своего министра отпуск, встречает на курганах, как в былые варшавские годы. На сей раз занимается давно разведанной им группой могильных насыпей в Аккерманском уезде, на побережье Днестровского лимана.

Однако свободного времени и физических сил остается у маститого ученого явно меньше, чем интересов и замыслов по любимой археологической части. На следующий, 1907 г. он не смог лично выехать на раскопки. Зато сумел организовать сразу несколько экспедиций своих младших коллег и учеников. Подобные командировки добровольных помощников ему доводилось устраивать еще в Варшаве — разведать те памятники, куда он не успевал добраться сам. Теперь по плану Самоквасова и открытым листам ИАК копали: сотрудник Исторического музея В.А.Городцов (впоследствии выдающийся археолог); помещик и удачливый археолог-любитель С.А.Мазараки; работник Эрмитажа (затем выдающийся археолог) Н.Е.Макаренко; преподаватель духовной семинарии в Полтаве (в будущем известный историк) В.А.Пархоменко; выпускник МАИ, младший помощник архивариуса МАМЮ И.Я.Стеллецкий (получивший особую известность поисками библиотеки Ивана Грозного в подземельях Москвы) — скифо-сарматские курганы, стоянку каменного века и Бельское городище на Полтавщине; поручик В.Р.Апухтин — могильники эпохи бронзы в окрестностях Кисловодска и Пятигорска; И.Е.Евсеев и прочие орловские краеведы — древнерусские курганы и городища, включая известный Вщиж; священник Е.Карпинский и приват-доцент В.Г.Ляскоронский вели масштабные разведки поселений, могильников и так называемых «змиевых валов» по Днепровскому Левобережью; В.В.Хвойко продолжил получившие известность работы у Триполья Киевской губернии.

Каждого из них профессор проинструктировал насчет знакомых ему, но недоисследованных в свое время памятников; снабдил деньгами для оплаты экспедиционных расходов — в общей сложности более 3000 рублей из собственного кошелька; обменивался с ними письмами на протяжении и по итогам полевого сезона; а в заключении его получил все находки и дневники раскопок для изучения и последующего распределения по музеям.

«Практика прежних лет убедила меня, — объяснял свой стратегический замысел Д.Я., — что только систематические раскопки в обширных размерах, выясняющие устройство и содержание всех видов могил, сохранившихся в данных местностях, дают фактический материал для исторических выводов, обращают археологический материал в источник научного знания истории народов, населявших Русскую землю с глубокой давности до времени общего крещения русского народа»[112]. Именно таким путем «историки с лопатой» уваровско-самоквасовской волны в отечественном древлеведении действительно сумели подготовить необходимый свод информации для разграничения основных периодов и этнокультур древнейшего и древнего прошлого Восточной Европы. Такое разграничение вчерне совершило уже следующее, городцовско-спицыновское поколение археологов. После чего только и могла появиться идея конкретизации археологической карты страны до уровня отдельных макро- и микрорегионов ее [113].

Стоит, на мой взгляд, говорить о небольшой, но деятельной школе Самоквасова среди русских археологов, начинавших свой профессиональный путь в науке на рубеже XIX–XX в. Одни из сотрудников профессора были и остались скромными, но добросовестными краеведами (точнее, историками-любителями; «краеведение» — советский уже неологизм 1920-х гг.). Другие вскоре получили известность как выдающиеся ученые и общественные деятели России и Украины. Большинство из тех, кто считал Д.Я. своим первым наставником по части полевой археологии, пошло гораздо дальше него в понимании сложной системы памятников старины. Одни дополнили, уточнили или опровергли некоторые самоквасовские версии и концепции. Однако общение и сотрудничество с этим человеком, увлеченно изучавшим всевозможные археологические объекты с 1869 по 1910 г., для многих послужило хорошей школой и ободряющим примером.

В эпистолярном наследии ученого тому находится немало прямых подтверждений. Н.Е.Макаренко, например, писал учителю с дороги: на Украине и «в некоторых местах Северного Кавказа проехал и осмотрел могильные Ваши исследования. Всюду приходится вспоминать Вашу энергию и средства, вложенные Вами в археологические исследования»[114]. А вот как просил помощи Самоквасова сановный архивист Н.В.Калачов: «... Не могут ли слушатели Археологического института, если не принять участие в Ваших раскопках, то быть свидетелями Вашей методы раскопок и видеть, при разрытии, разные частности расположения предметов, какие могут быть найдены в кургане. В научном отношении Вы оказали бы этим дозволением величайшее одолжение»[115] ПАИ.

Своих знаний Д.Я.Самоквасов никогда ни от кого не таил. Оправдавшую себя методику раскопок, опыт хранения и издания древностей, взгляды на постановку музейного дела, подходы к исторической интерпретации археологических материалов он успел передать нескольким ярким представителям следующего поколения ученых и краеведов.

А черниговский съезд едва не сорвался — по Украине разгорались крестьянские волнения. Даже в археологических экспедициях бастовали землекопы, требовавшие увеличения поденной платы. Однако устроителям съезда удалось преодолеть все трудности. Завершая подготовку к приему делегатов со всей России и из-за границы, Самоквасов писал Уваровой: «Губернатор сообщил мне, что южные уезды совершенно спокойны и обещал со своей стороны содействие целям съезда по мере возможности»[116]. Городские власти особенно впечатлила юбилейная дата — под 907 г. Чернигов впервые упоминается в летописи, в договоре князя Олега с Византией, вторым после Киева в списке русских городов, на которые с греков взималась дань.

5 августа 1908 г. на торжественном заседании черниговского съезда, посвященном 1000-летию города, Самоквасов произнес речь «О самобытном зарождении на юго-западе России русской государственности». «Не Рюрику, а князю Олегу русский народ и Русская земля обязаны своим происхождением, — заявил оратор, — только при князе Олеге сложилось понятие о едином русском народе и единой Русской земле. ... Совместный поход всех русских племен на Грецию 907 г. ... показал русским племенам, что они люди одного происхождения, одного языка, одной религии и одних обычаев; ... что в политической разрозненности слабость, рабство и бедность, а в политической

сплоченности сила народов, их богатство, военное могущество и культура. ... В народных воспоминаниях о событиях, сплотивших русские племена в политическое и этнографическое единство, должно расти и крепнуть русское историческое национальное самосознание»[117]. Накануне революционного слома государственной традиции в нашей стране подобный пафос может показаться риторическим, но разве в наши дни национальная идея для России вновь не важна?

Кроме патетических призывов, на нескольких секциях съезда прозвучало немало содержательных докладов. Д.Я.Самоквасов, по примеру прошлых лет, руководил отделением первобытных древностей. «Для ознакомления господ членов съезда и любителей с приемами раскопок и способами их проведения» заслуженный археолог возглавил экскурсии на дружинные кладбища — Троицкое и Болдинское. Находки, особенно из малых, неограбленных кладоискателями курганов последнего могильника, оказались интересны и дополняли прежние, 1870-х гг. здешние раскопки профессора. Среди найденных на сей раз вещей выделялись «серебряные кольца, из которых одно редчайшей формы; перламутровая привеска, доселе не встречавшаяся»; золотая монета — денарий английского короля Этельреда II, чеканенная на рубеже X–XI вв.; орнаментированный фрагмент реберной кости барана, на которой Самоквасов усмотрел якобы «те именно черты и резы, коими славяне, по свидетельству черноризца Храбра, читали и писали» до принятия алфавита.

На выставке съезда демонстрировались, среди прочих коллекций, находки тех экспедиций 1906–1908 гг., что производились несколькими археологами «по указаниям, на средства и под личным руководством Д.Я.Самоквасова». А в археографическом разделе выставки красовались найденные в фондах МАМЮ грамоты польских королей Чернигову и Нежину, серия старинных планов разных украинских городов и других документы истории Малороссии. По завершению съезда оставшиеся от его выставки экспонаты легли в основу созданного вскоре Черниговского исторического музея.

Наконец, XIV Археологический съезд примечателен еще тем, что побудил таки Самоквасова обработать и издать дневники всех своих раскопок.

«Могилы Русской земли»

По костям, как по вехам!
Засеяли мир мы костями из края в край, –
Так кому же еще, как не вам, сыновьям,
смертоносный снять урожай?

Р.Киплинг. Песнь мертвых.

Прижизненным изданием своей главной книги по археологии ученый обязан всё той же графине Уваровой. Как помнит читатель, всю документацию своих экспедиций 1871–91 гг. Самоквасов передал вместе с коллекцией древностей в Исторический музей. Там перебеленные писарем рукописи полевых журналов, чертежи и рисунки самоквасовских раскопок пролежали до 1907 г., когда Московский комитет по подготовке XIV съезда выделил на их печатание 1200 рублей. Автор в это время был перегружен работой по архиву, университету, новыми раскопками и ... за издание его археологических дневников взялась сама решительная графиня. Просмотрев пробные оттиски готовящегося издания и заметив там немало типографского брака, профессор в апреле 1908 г. «принял издание в свои руки, перенес его в Синодальную типографию, образцово оборудованную». Уварова и тогда помогала ему держать корректуру. «Нельзя ли выслать мне (Муром, Владимирской губ., Карачарово), — просила она, — готовые листы издания? Это было бы мне в высшей степени желательно и приятно»[118].

К июлю весьма внушительный по формату том был готов и назван «Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д.Я.Самоквасова». На обложке помещались рисунки Чёрноё могилы в раскопочном разрезе и вещевого комплекса на кострище знаменитого кургана. И об этой книге можно сказать словами У.Уитмена — открывая фолиант, прикасаешься к человеку. Почти три сотни страниц убористо набранного текста вместили в себя десятки экспедиций, сотни памятников, тысячи индивидуальных находок. Все они перечисляются автором с точным указанием номеров, под которыми древности хранятся в Историческом музее в составе его именной коллекции. Подобная скрупулезность изложения обеспечивала долгосрочную информативность издания для профессиональных

археологов, продолживших раскопки в тех регионах, где побывал с экспедициями профессор. При необходимости новые находки можно было сравнить с прежними, чему самоквасовская коллекция служила бессчетное количество раз.

Не удержусь от одного примера сказанному из личного опыта: по вопросу о присутствии монгольских завоевателей на территории «Курской тьмы» в XIII–XIV вв. я в 1997 г. просил московского археолога В.Ю.Коваля проверить в фондах ГИМ одну из самоквасовских находок с Ратского городища под Курском — обломки металлического зеркала. Этот и соседние по каталогу «Могил Русской земли» ордынского происхождения экспонаты оказались на своих местах хранения, причем «все они намертво прикручены к планшету проволокой (не удивлюсь, если даже руками самого Самоквасова, уж больно древен планшет)», — пишет мне В.Ю.Коваль.

Структура «Могил Русской земли» воспроизводит ту классификацию отечественных древностей, которую ученый выработал еще в 1891 г. и которой придерживался в дальнейшем. Все изученные им памятники сгруппированы вполне логично: по главным периодам исторического развития на территории нашей страны — каменному, бронзовому («киммерийскому»), началу железного. Внутри разделов конспективно излагаются обстоятельства открытия того или другого памятника, дается его общая характеристика, описывается ход и результаты самих раскопок. Это — самые ценные сегодня места книги. По насыщенности фактическим материалом она до сих пор не имеет себе равных среди индивидуальных монографий наших археологов. Тогда как итоговые характеристики основных периодов эволюции археологических культур, сама их номенклатура выглядели устаревшими еще по выходу книги в свет. Перерыв в археологических занятиях на рубеже прошлого и нынешнего веков, допущенный Самоквасовым, не мог не сказаться на его выводах, датировках и атрибутациях раскопочного материала. Попытки моего автора оспорить в некоторых случаях отдельные заключения А.А.Спицына, В.А.Городцова и других восходящих тогда светил отечественной археологии чаще всего выглядят малоубедительно. Именно те специалисты, кто пришел на смену А.С.Уварову и Самоквасову, конкретизировали общую схему каменного–металлических веков до этнокультурного уровня применительно к Восточной Европе. Не станем, однако, требовать от автора «Могил Русской земли» невозможного — охватить и исчерпать всю систему древностей такой огромной страны, как наша. Книге и так выпала редкостная доля — подытожить период становления археологической науки в России.

Корреспонденция, полученная Самоквасовым в связи с этим изданием, свидетельствует о его высоком авторитете как археолога среди коллег. «Мне всё чаще и чаще приходится обращаться к Вашим работам по археологии. Как интересны Ваши раскопки ...», — писал из Петербурга Спицын, прося «не забывать меня Вашими последними капитальными изданиями»[119]. Получив в подарок «Могилы Русской земли», он оценивает эту книгу как «выдающееся явление в русской археологии последнего времени, один из ее основных камней»[120]. Аналогичные отзывы содержат письма выдающегося чешского слависта Л.Нидерле, председателя ИАК графа А.А.Бобринского, Б.В.Фармаковского и других авторитетных судей самоквасовского труда.

«Могилы Русской земли» сравнительно скупо иллюстрированы — в тексте приводятся рисунки и чертежи самых типичных захоронений, изображения отдельных находок, хотя не только из погребений, но и из городищ и кладов, изученных автором. Профессор намеревался приложить к данному изданию «атлас из 50 таблиц рисунков, долженствующий представить полностью бытовой материал, найденный в могилах разных местностей, времен и народностей». Но перефотографировать экспонаты из нескольких залов и запасников Исторического музея к черниговскому съезду не удалось и выпуск атласа был отложен на неопределенное время.

Зато Самоквасов успел опубликовать и раздать делегатам съезда своё новое историко-археологическое исследование «Северянская земля и северяне по городищам и могилам». Это небольшая, в сто страниц монография посвящена основной, всежизненной для ученого теме. Первые памятники летописных северян (роменской, по дальнейшим открытиям Н.Е.Макаренко, археологической культуры) и наследовавшей им Чернигово-Северской земли древнерусского времени он разведал еще гимназистом — вокруг хутора своих родителей, где родился и вырос. С тех пор около двадцати экспедиций профессора направлялись к разным микрорегионам той же культурно-исторической провинции. Именно их изучение вывело этого автора на более масштабные проблемы славянского этногенеза, складывания древнерусской государственности, характера языческой культуры восточных славян на рубеже I–II тыс. н.э.

В книжке о Северянской земле, объединяя и дополняя выводы своих предшествующих работ по археологии и древней истории, Самоквасов рисует целостную и живую картину этнокультурного самоопределения, социально-политического устройства и его эволюции, внешних — торгово-военно-дипломатических связей данного региона в указанное время. Одни из подведенных им итогов получат признание и развитие в будущих исследованиях русских, советских и опять российских исследователей (скажем, насчет градообразования, административно-территориального деления Руси на городовые волости; соотношения земледелия, скотоводства и ремесла, прочих промыслов у славян; и т.д.). Другие его выводы будут пересмотрены и отвергнуты (как жёсткая схема расселения славян с Дуная и их генетических связей со скифо-сарматским миром). Но отставая от молодых археологов и более знаменитых историков своего времени во многих конкретных вопросах древней истории, Д.Я. на практике конкретнонаучного исследования продемонстрировал тем и другим необходимость и реальные возможности сочетания археологии, истории и целого ряда других дисциплин, гуманитарных и естественных. Именно он заставил вступить в заинтересованный диалог отчужденные до тех пор источники исторического знания, прежде всего летописи и раскопки. Поэтому если думать, с чего бы начать переиздание лучших самоквасовских работ сегодня, я бы указал на скромное по объему, но долговечное по фактам и идеям произведение о Северянской земле, ее городам и некрополям.

Государевы награды за труды

Былая жизнь, увы, осуждена.
В осколках быта, потерявших имя,
Поблескивают тускло ордена
И в запыленной связке их — Владимир ...

А. Несмелов. В ломбарде.

В нашей историографической, да и вообще биографической литературе до последнего времени не было принято отмечать государственные награды деятелей дореволюционного периода. Однако «среди с честью носивших знаки отличия — те, кто находясь на «царской службе», служил истинным интересам России, умножая славу своего Отечества»[121]. К числу таких кавалеров российских орденов с полным правом можно отнести Д.Я.Самоквасова. Его знаки отличия составляют почти предельный для непридворного чиновника комплект: 1) Св.Станислава 2-й (1882) и 1-й (1891) степеней; 2) Св. Анны 2-й (1886) и 1-й (1901) ст.; 3) Св. Равноапостольного князя Владимира 2-й ст. (1904) и 4) Белого Орла (1909) (О высокой престижности этого ордена среди служилого люда России см. одноименный рассказ Н.С.Лескова; Анна 2-й ст., носившаяся «на шее», особенно известна по одноименному рассказу А.П.Чехова). Кроме орденов, — серебряная и бронзовая медали в память коронаций Александра III и Николая II.

Как и другим государственным служащим, награды шли профессору, декану, управляющему архивом прежде всего за безупречную выслугу лет (№№ 1,2,4). А «Владимир» давался за сугубо индивидуальные заслуги, особые отличия на своём профессиональном поприще. У Самоквасова такими отличиями служили подаренная государству коллекция древностей и опять-таки добровольные хлопоты по реформе российских архивов. Подобное сочетание наград сравнительно редко для человека столь мирных занятий, как университеский преподаватель и архивариус. К наградам его представляли не только те ведомства, где он служил — просвещения и юстиции, но и Императорская Археологическая комисия, а она помещалась прямо напротив Зимнего дворца ...

Была у Д.Я. еще одна сверхзадача для образцовой службы императорскому престолу. Имеется в виду утраченное в свое время самоквасовское дворянство. Сам профессор выслужил права потомственного дворянина вместе с чином IV класса. Однако родовая честь, а главное — жизненные интересы черниговских родственников оставались задеты. Войдя в круг высших чиновников министерства юстиции, он облегчал себе хлопоты по столь важному для всех семейств братьев Самоквасовых вопросу. Соответствующие ходатайства увенчались успехом — Правительствующий Сенат признал возможным восстановить права дворянства, коими их род пользовался до 1859 г. Министр юстиции В.А.Манасеин испросил на то «высочайшего соизволения», которое и было дано императором 2 июня 1893 г. На сей раз Д.Я. «с братьями Иваном, Петром и детьми последнего» внесли в почетную первую часть родословной книги черниговского дворянства (напомню: «дворянство, пожалованное самодержавной властью»). В жизни ученого эта мера практически ничего не меняла (если, конечно, не считать, морального удовлетворения). Благодарный же брат Петр назвал своего четвертого сына Дмитрием очевидно в честь его дяди.

Итак, за время жизни в Москве упрочилось служебное положение Самоквасова, расширились его контакты с коллегами, выросло число учеников и помощников. Поистине титанические усилия по упорядочению древлехранилища на Девичьем поле и всей архивной службы в стране не принесли ему прижизненных лавров. Однако даже противники Д.Я. в научных дискуссиях и в делах общественных хором признавали альтруизм и патриотическую направленность всей его деятельности. Занятия архивоведением потеснили, но не отменили полностью интерес ученого к полевой археологии. Хотя раскопки проводились им гораздо реже, чем в первую половину его академической карьеры, но удача на редчайшие находки не изменила ему и тогда. К тому же пришло время для обобщающих, концептуальных трудов, где исследователь одним из первых и в России, и в зарубежной науке приблизился к синтезу письменных и вещественных источников при познании отдаленного прошлого. Для профессора наступила пора активной пропаганды достижений и задач русской археологии и архивистики в научном сообществе и среди широкой публики.

19 московских лет — не менее плодотворный период в биографии Д.Я.Самоквасова, нежели 19 лет варшавских [122].

ГЛАВА V
КУРСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Суджа, Рыльск, Обоянь, Путивль,
Вы мне верную службу служили,
Вы мне в жизнь показали пути,
Вы мне звук свой в сердце вложили.

Н. Н. Асеев. Детство.

Летняя резиденция профессора

Археологические маршруты Самоквасова почти ежегодно замыкались на родине жены, в сельце Клиновом Чермошнянской волости Курского уезда (В дальнейшем Клиновая относилась к Обоянскому уезду, а ныне этот населенный пункт принадлежит к Верхне-Дубовецкому сельскому совету Медвенского района Курской области)[1]. Даже если в какое-то лето времени на раскопки выкроить не удавалось, профессор обычно приезжал сюда в июле—августе для отдыха. Ландшафт селения, именно затерявшегося меж высоких холмов, раскидистых приречных лугов и пашен, очень похож на окрестности его родного хутора на Черниговщине. Впрочем, сам Д.Я. воспринимал соседние — восточно-украинские и центрально-черноземные земли как одно, родное для себя целое. Собираясь в 1891 г. раскопать курганы возле с. Воробьезки Курского же уезда, он писал: «На три-четыре недели не стоит забираться в Крым, и я решил посвятить это время отпуска ... поездке на родину»[2].

Сто лет назад Клиновую (она тогда именовалась еще деревней) населяло 240 душ государственных крестьян. Здесь, в неказистом, но светлом и гостеприимном доме тестя Василия Шумакова ученый особенно любил работать — разбирать вещи из раскопок, приводить в порядок полевые дневники, писать статьи и книги. Дом этот сохранялся до середины 1980-х гг., даже описан теперь в «Своде памятников истории и культуры РСФСР» как «дом археолога Самоквасова»[3]. С 1918 г. в нем, «национализированном» сельским обществом, помещалась начальная школа. В 20—30-е гг. тут учительствовал местный уроженец Иван Акимович Павленко, в молодости лично знакомый с профессором. Хорошо понимал значение Самоквасова для отечественной науки и

другой здешний учитель — Сергей Григорьевич Ильин, присланный сюда из Ленинграда на укрепление сельской школы после демобилизации с фронтов гражданской войны, бывший красный командир. У них родилась идея создать в Клиновой музей памяти замечательного ученого. Однако в трудные для страны до- и послевоенные годы этого сделать не удалось.

Однако память о знаменитом земляке в этих местах не изгладилась по сию пору. Ее сохранили прежде всего бывшие воспитанники клиновской школы-интерната, учившиеся у Павленко и Ильина. Один из них — Иосиф Ефимович Переверзев, отвоевав на Великой Отечественной, в свою очередь становится здешним учителем и энтузиастом-краеведом. В феврале 1957 г. ему удалось осуществить давнюю мечту — в здании клиновской школы открылся мемориально-краеведческий музей имени Д.Я.Самоквасова. И.Е. Переверзев стал его первым директором. В оформлении помещения и дежурствах по залу с экспонатами ему помогали старшеклассники и взрослые колхозники. Затем музей получил звание народного и был переведен в районный центр Медвенку, где доступ к нему расширился.

И.Е.Переверзеву удалось собрать интересные подробности быта четы Самоквасовых в их курской деревне, опросив местных старожилов, знавших ее в свои детские и юношеские годы. Спасены были вещи из старого шумаковского дома, которыми пользовался профессор, гостя в Клиновой: чугунный кушин, плетеный стульчик — подспорье на раскопках, медный чайник, фарфоровая тарелка, дорожное зеркало, керосиновая лампа, граммофон 1890 г. выпуска, репродукция рафаэлевой мадонны с младенцем, прочие образчики провинциального обихода горожан средней руки в конце прошлого — начале нынешнего века.

Переписке с краеведом и опубликованной им статье [4], личным беседам с ветеранами колхоза им. М.Горького, на чьих землях располагается сейчас Клиновое, биограф обязан весьма любопытными штрихами к индивидуально-психологическому портрету Дмитрия Яковлевича и его супруги. А вот «дом археолога Самоквасова» — памятник республиканского значения — варварски разрушен колхозным начальством в середине 80-х гг. Польстились земляки на вековечные дубовые бревна, из которых дом был сложен. Остался, как и от черниговского хутора Самоквасовых, один фундамент «памятника» местной истории ...

Д. Я. в обыденной жизни

Так, занимаясь пустяками —
Покупками или бритьём —
Своими слабыми руками
Мы чудный мир воссоздаём.

Г. В. Иванов..

В отдаленную курскую деревеньку приезжал чиновник высоких рангов, «его превосходительство» (последний чин — тайного советника, третий по старшинству согласно «Табели о рангах», соответствовал военному генерал-лейтенанту). Однако же сей «статский генерал» (как тогда говорили) оказывался удивительно для своего социального положения прост в образе повседневной жизни, доступен и приветлив в обращении. Гостя на каникулах в украинской ли, в российской деревне, Д.Я. первым здоровался с каждым встречным мужиком, снимая перед ним для приветствия свою фетровую шляпу. Пожимая ладонь профессора, сельский труженик убеждался, что мозоли на ней такие же, как и у него самого. Заступ археолога был столь же привычен могучей руке Самоквасова, как и мел преподавателя, и перо писателя. Кстати, понимали и принимали его крестьяне, судя по сохранившимся документам, именно как профессора, а не в качестве «столичной персоны» или «губернского чина».

Полевые дневники Д.Я. пестрят «сказаниями местных жителей» относительно тех или иных археологических памятников. За фантастической молвой нет-нет да блеснет живая историчсекая деталь, пробившаяся в народном сознании сквозь толщу веков. Много веры рассказам своих возниц, землекопов, провожатых и просто встреченных на просторах росийской провинции людей разных сословий ученый не придавал, но кое-что брал на заметку в свою записную книжку и, как выяснилось, не зря.

Скажем, молва самоквасовских земляков приписывала знаменитую Чёрную могилу легендарному основателю Чернигова князю Чёрному, а соседний, несохранившийся курган — его дочери княжне Чёрне (Чорне). Никакого такого князя в истории не отыскалось, но погребение-то и впрямь на поверку оказалось княжеского достоинства [5]. Тогда как

историки-любители начала XIX в. приписывали этот грандиозный курган жертвам татарского нашествия. Будучи зафиксирована первоис. следователем памятника, фольклорная версия перешла в энциклопедии и исторические труды, где фигурируют находки из больших черниговских курганов. Если же читателю доведется побывать в Чернигове с экскурсией, то гид с дополнительными живописными подробностями поведает ему романтическую легенду о Чёрном князе и его его несчастной дочери при осмотре этой достопримечательности.

А когда профессор изучал курские городища, то об одном из самых больших — Ратском крестьяне из соседней деревни Городища поведали ему, что в старину здесь якобы стоял город Ратман. Летописи не знают древнерусского города с таким названием. Зато в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея за 1506 г. среди других пожалований литовскому королю Сигизмунду упоминается на юге Руси город Ратно (или же, по другому списку, Ратун). Современные исследователи считают, что мертвый город на Рати обрел своё исконное имя, как и некоторые другие топонимы, связанные с археологическими маршрутами профессора [6].

Немало городищ, подмываемых речными разливами; курганов, почти совершенно сравненных с землей плугом; кладов, разграбленных и распроданных неграмотными крестьянами или же присвоенных образованными помещиками — владельцами соответствующих угодий, оказались «зацеплены» археологом и сохранены, хотя бы частично, для науки именно по данным добровольных информаторов из числа местных жителей. Надо думать, человеку несимпатичному, официозному, чужому о кладах много бы не распространялись.

Какой же отразилась личность Д.Я. в памяти современников?

Он «был, — вспоминали близко знавшие его и в прошлом подчиненные, надо отметить, ему по службе люди, — в лучшем смысле этого слова человек душевный, отзывчивый, всегда и для каждого доступный ... при строгом отношении к делу. Его доброта, которая была больше, чем казалось на первый взгляд, — скрытая доброта, как у людей, по воспитанию и убеждению сдержанных в проявлении этой стороны сердца»[7].

И по документам учреждений, где он служил, и по его личной переписке судя, Д.Я.Самоквасов действительно отвечал одинаково заинтересованно, доброжелательно как великому князю, так и ничтожнейшему, по тогдашним сословным меркам, просителю; и маститому

коллеге из столичного университета, и студенту-первокурснику. Вместе с тем, он не был легкопрограммируемым со стороны, малопринципиальным в жизни человеком. При явной необходимости профессор не затруднялся ответить категорическим отказом на бесцеремонное, необоснованное требование; применить власть, дабы спасти древности от разорения.

А вот отзыв мемуариста, стоявшего с ним на одной ступени общественной лестницы — действительного статского советника, ординарного профессора Московского университета, видного деятеля кадетской партии Д.Н.Анучина. На многих Археологических съездах, вспоминал он, Д.Я., помимо огромной научной и организационной работы, умел «оживлять в дни отдыха общество своей добродушной веселостью. Как человек, Д.Я. оставил по себе добрую память в Варшаве среди студентов своей снисходительностью и готовностью помочь в трудных случаях; в Москве он пользовался также симпатиями молодежи за свою доброту, доступность, старан:я ознакомить нагляднее с научными фактами»[8].

Самоквасовы не имели своих детей. Однако историк, судя по всему, разделял убеждение философа: «Не может быть счастливым дом, где не топочут маленькие ножки»[9]. Если брать этот признак, то самоквасовский дом надо всё-таки признать счастливым. Дети родственников, а кроме них — крестьянские дети Черниговщины и Курщины часто и подолгу гостили у них в Москве, сопровождали профессора и его супругу на концерты русского народного хора М.Е.Пятницкого и в театры.

Жили Д.Я. и Т.В., как уже говорилось, на Девичьем поле — Большая Царицынская, дом 15. Тогда это — «за самой городской чертой, где светится золотоглавый Новодевичий монастырь», как писал А.А.Блок. Квартира управляющего в лицевом корпусе архива состояла из трех домашних комнат, кабинета хозяина и его большой библиотеки. В двух комнатках при кухне помещалась прислуга — горничные, сестры Анахины с братом, конюхом и кучером, а заодно и дворником Иваном Андреевичем, как неизменно величал его профессор.

Личностные характеристики чаще всего опускаются при выполнении историографических портретов российских ученых, либо фильтруются до полной сусальности таковых образов. В результате не только сама история, но и историография приобрела у нас в советский период достаточно абстрактно-социологические, дегуманитаризированные очертания. Мне думается, что сугубо ученые заслуги исследователей каким-то

прихотливым образом взаимосвязаны с тем, что называется личной жизнь, характером, нравственным достоинством тех же самых лиц.

«Дорогой сотрудник ...»

Мне далекое время мерещится,
Дом на стороне Петербургской,
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты — на курсах, ты родом из Курска.

Б. Л. Пастернак. Белая ночь.

В квартире управляющего часто слышались то детские голоса, то стоны больных, коих врачевала сама «Самоквасиха» (по курской уличной терминологии). Лечебной практикой Таиса Васильевна, имевшая фельдшерское образование, активно занималась и летом, в родном селе. Клиновские старожилы до преклонных своих лет с признательностью вспоминали ее бескорыстную помощь. Неимущим пациентам Т.В. обыкновенно еще приплачивала несколько рублей «выходного пособия».

«В России 1870–90-х гг. при недоступности высшего медицинского образования для женщин специальность фельдшерицы, акушерки во многих случаях могла считаться интеллигентной профессией»[10], что подтверждается примером профессорши. С другой стороны, в дворянской среде, даже незнатной, занятия практическими делами для женщины считались не совсем приличными. О подобных представительницах своего сословия, не чуравшихся действенной помощи ближним, осуждающе говорят героини одного из рассказов Н.С.Лескова: «Не принимать людей с весом и значением и ласкать племянницу-фельдшерицу — это в ее вкусе»[11].

Своих племянника и племянницу чета Самоквасовых привечала. Оба отпрыска профессорского брата Петра Яковлевича учились в Москве и жили у дяди; после гимназии первый был помещен в кадетский корпус, а вторая в Усачевско-Чернявское женское училище, которое располагалось по соседству с архивом, на том же Девичьем поле. Д.Я. избрали, конечно, членом попечительства этой школы. На лето ему приходилось нанимать для племянницы педагогов-репетиторов.

Таиса Васильевна должна быть отмечена низким поклоном на страницах биографии ее мужа. Она понимала и разделяла убеждения этого человека и любила его всей душой. Без ее поддержки даже богатырская натура Д.Я. не сдвинула бы, как видно, ту махину работы, о которой здесь пишется. Отношение же самого профессора к супруге лучше всего выразило посвящение на столь важном для него труде, как каталог его заветной коллекции древностей: «Дорогому моему сотруднику в двадцатилетней работе на пользу отечественной археологии Таисе Васильевне Самоквасовой». После этого посвящения им довелось прожить и проработать вместе еще столько же лет. Последние годы жизни мужа она буквально вырвала у тяжелейшей болезни, порой даже вопреки его собственным устремлениям.

Сошлюсь в этой связи на воспоминания очевидца. Когда профессор заболел, «доктора разрешили читать Д.Я. лекции только в продолжении часа, а он всегда читал два. Читал, а вернее, беседовал с нами в большой зале [МАМЮ — С.Щ.], а в соседней комнате, у открытых дверей со звонком и часами сидела жена Д.Я. И вот, когда проходил час, супруга Д.Я. начинала ему кивать, махать платком, указывая, что положенный срок прошел, но Д.Я. делал вид, что не замечает ничего. Так проходило минут 15. Тогда раздавался звонок. Д.Я. начинал ласково уговаривать жену, что он сейчас кончает, нельзя же оборвать лекцию на полуслове. Проходило еще минут десять, звонок начинал звонить всё назойливее. Тогда Д.Я. вставал и заявлял виновато: «Ничего, г-да, с ней не поделаешь!» Мы все поднимались со своих мест, но беседа наша далеко еще не прекращалась. Теперь уже стоя, Д.Я. продолжал развивать свои занимательные и глубоко интересные взгляды. Наконец, подходила супруга и настойчиво просила, чтобы он шел в комнаты. Д.Я., окруженный слушателями, начинал подвигаться к своей квартире, продолжая рассказывать на ходу, выходил в проходную, где снова останавливались, как будто проститься с профессором, а сущности для продолжения лекции. Так Д.Я. урывал всегда у доктора и у жены лишний час. Жена его, видя, что с Д.Я. ничего поделать нельзя, стала обращаться с просьбами к нам воздействовать на своего учителя и самим удаляться в назначенное доктором время. Услышав это, Д.Я. «забунтовал» и горячо начал доказывать, что в данном случае не надо слушаться супруги и что читать лекции ему ничуть не вредно, а даже полезно во время болезни.

Как мы, так, наверное, и Д.Я. были немало огорчены, вынужденные подчиниться велениям доктора ...»[12]. Зарисовка слушателя архивных лекций выглядит несколько комично, но улыбку отгоняет сознание, что профессору оставалось жить менее двух лет. И это время он использовал, как обычно, с толком.

Последняя экспедиция

Глубокая гробница из порфира.
Клоки парчи и два крутых ребра.
В костях руки — железная секира,
На черепе — венец из серебра.

И. А. Бунин. Гробница. 1912.

Авторитет Самоквасова как историка, археолога и архивиста, несмотря на все нападки его недоброжелателей, в начале нового века стоял высоко. Историко-просветительские общества, столичные и региональные, одно за другим включали профессора в свои составы. Среди прочих, в 1904 г. — недавно созданная Ученая архивная комиссия в Курске. Из москвичей ее почетными членами наряду с Д.Я. стали Д.Н.Анучин и И.Е.Забелин, а несколько ранее — «ее сиятельство графиня П.С.Уварова».

Напомню, что еще в 1872 г. Самоквасов приезжал в Курскую губернию на раскопки, одни из первых для него. При поддержке губернатора-мецената А.Н.Жедринского «магистрант университета» получил тогда от здешнего Статистического комитета 200 рублей на оплату землекопов. Раскопав два городища и около сотни курганов возле Белогорья Суджанского уезда, начинающий археолог передал курянам дублеты своих находок. Они оказались однотипными с «древними вещицами» из раскопок Алексея Ивановича Дмитрюкова (1795–1868) – суджанского учителя и удивительно разностороннего краеведа [13]. Так у курских любителей старины образовалась небольшая, но выразительная подборка предметов древнерусской культуры — несколько височных колец северянского типа из гнутой серебряной проволоки; стеклянные, каменные и пастовые бусы; бронзовые перстни, серьги, подвески и браслеты; железный нож, костяные иглы, керамические

грузила; лепные сосуды — согласно «Списку предметов, представленных Курским ГСК на выставку XII АС в Харькове»[14]. Из этой скромной коллекции позднее, к началу XX в. вырастет собственный археологический музей в Курске.

Дальнейшее сотрудничество Д.Я.Самоквасова со здешними краеведами оказалось весьма плодотворным завершением всей его археологической практики. Оно показательно для деятельности провинциальных культурно-просветительских организаций того времени, чья археологическая деятельность изучена пока хуже всего.

На упомянутое избрание в Курскую ГУАК Д.Я. откликнулся благодарственным письмом (цитировано мной выше) и большой посылкой книг для ее библиотеки (25 изданий руководимого им архива и 11 своих собственных). Это вышло самое масштабное книжное пожертвование за полтора десятилетия существования комиссии, библиотека которой влилась потом в областной архив и краеведческий музей Курска. В дальнейшем профессор, а затем Т.В.Самоквасова регулярно посылали по адресу Курской ГУАК экземпляры своих новых изданий по истории и археологии [15]. Труды профессора активно использовались кружком краеведов-курян — на его археологические идеи и методы они нередко ссылаются в своих дебатах на исторические темы, о чем свидетельствуют протоколы их заседаний [16]. Любители старины из Курска — А.А.Танков, Л.Н.Позняков, Н.П.Сенаторский и другие работали с документами МАМЮ по Новой истории своего края в начале. Кроме архива, они встречались и консультировались с Д.Я. на общероссийских Археологических съездах и совещаниях, устраиваемых ИМАО.

Так, в работе Московского комитета по устройству XV АС, намеченного на 1911 г. в Новгороде, участвовали председатель Курской ГУАК А.Н.Кобылин и ее правитель дел, он же секретарь ГСК Н.И.Златоверховников. Пользуясь случаем, они в январе 1909 г. провели с Самоквасовым переговоры относительно возобновления раскопок на Курщине. «Местные археологические силы слабы, — заявили профессору земляки-куряне, — а столичные общества мало интересуются нашим краем»[17]. Хотя собственные планы Д.Я. по части раскопок склонялись тогда к Полтавщине с ее более богатыми вещевым инвентарем курганами, но курянам он обещал помочь, причем уже в начавшемся году.

Сразу же определился конкретный объект исследования — уникальный памятник археологии, расположенный верстах в двух севернее с. Гочева Обоянского в те поры уезда. Здесь, на высоком правом берегу Псла, между городками Суджей и Обоянью на 30 с лишним верст протянулся сложный комплекс археологических памятников. Один большой и два малых приречных мыса занимают городища. В древности они были превосходно укреплены: 80-тиметровыми обрывистыми склонами речного берега, глубоким и широким рвом и протяженными валами с напольной стороны, остатки которых сохранялись до недавнего времени. На остальном плоскогорье, изрезанном многочисленными оврагами и частично поросшем лесом, раскинулась огромная курганная группа — кладбище древнего города на верхнем Псле.

О существовании гочевского могильника Комиссия узнала в 1905 г. из сообщения здешней учительницы, исследовательницы курского фольклора Е.И.Резановой [18]. Самоквасов же обнаружил его еще раньше, во время археологических экскурсий по ближним и дальним окрестностям своего «имения» в Клиновой деревеньке. Так что двух мнений о том, где именно ему возобновить раскопки на курской земле, на совещании в Москве не возникло.

Для рекогносцировки в Гочево отправили члена Комиссии К.П.Сосновского — служа управляющим акцизными сборами губернии, он на досуге много и плодотворно занимался изучением архитектурных и археологических памятников тех мест, где служил [19]. Пройдя на сей раз от самых верховьем Псла до с.Белого Суджанского уезда, разведчик убедился — возле Гочевских городищ разбросано до 4 000 курганов. По числу насыпей могильник выходил одним из крупнейших во всей Европе. Местные жители не раз находили там диковинные монеты, наконечники копий, серебряные и бронзовые украшения, прочие старинные предметы — сердцевинная территория былого города между валом и рекой, так называемое Предгорье давно уже распахивалось гочевцами. К тому же кое-кого из крестьян обуяла мания кладоискательства. В народе «об этой местности существует такая легенда: в древности был здесь городок Гочев, в котором княжил Кудеяр ... , имевший большие богатства. Когда неприятель напал на город и долго держал его в осаде, Кудеяр, убедившись, что он не может устоять перед неприятелем и должен погибнуть, собрал все свои сокровища и опустил их в глубокую реку Ледню, протекавшую под крепостью»[20]. Гочевских искателей

кудеяровских сокровищ возглавлял, как ни странно, некий слепец — Иона Никитич Есипов. В оправдание своих набегов на археологический памятник он заявил Сосновскому, будто где-то здесь, «в кургане погребены генерал с женою, которые в частых видениях слепому просят их освободить». По другой фантастической версии грабителя , освобождения в курганах ждали души каких-то пленных. Скорее всего, хитрый слепой своими вещаниями стремился предолеть заповедное отношение русских крестьян к любым могилам на своей земле, которых они чаще всего старались не разрушать намеренно [21]. Здесь это правило было нарушено. В валу гочевского городища «Крутой курган» «спаситель душ» со товарищи вырыли целую пещеру.

Выслушав доклад К.П.Сосновского «Городища и курганы в бассейне верхнего течения р.Псла в пределах Обоянского уезда», Комиссия решила прежде всего «представить г-ну начальнику губернии мотивированное ходатайство о принятии мер к охранению от расхищения курганных древностей в районе той местности, где находится Гочевское городище»[22]. Забегая вперед, замечу — власти ни тогда, ни потом не захотели и не смогли приструнить кладоискателей. Есипов продолжал рыться в могильнике и после раскопок Самоквасова, даже предлагал археологу свои услуги провожатого по курганам, от чего профессор с негодованием отказался. Тогда нахальный слепец сам обратился к губернатору с прошением организовать поиск кудеяровых сокровищ по его указаниям [23]. Прошение это перешло из губернаторской канцелярии в ГУАК, которая постановила: «Объявить Есипову, что нет возможности производить вторичное обследование Гочевского городища», но «при случае проверить его заявление о сохранившихся археологических предметах»[24]. На самом же деле никаких мер по охране Гочевского комплекса до революции, как впрочем и впоследствии, так и не приняли, он продолжает разрушаться вплоть до наших дней, когда от громадного курганника остались жалкие остатки.

В начале лета 1909 г. от ИАК был получен открытый лист № 997 на право производства раскопок в Гочеве. Средства на экспедицию собрали с помощью Самоквасова. 3 апреля того же года, будучи на пасхальные праздники проездом в Курске, профессор прочел в помещении ГУАК платную публичную лекцию: «История культуры населениях Русской земли по могильным древностям». К сбору от лекции (64 рубля 80 копеек) лектор присоединил своих 200 рублей и передал всю

сумму Комиссии «на археологические раскопки в Обоянском уезде». Тем самым он как бы возвращал с лихвой субсидию, полученную им в свои молодые годы на изучение суджанских курганов.

С 18 по 26 августа профессор и его помощники раскопал возле Гочева до 270 курганов, вскрыли 9 погребений в пределах самого городища и обследовали его площадь посредством 4 траншей. Кроме того, небольшие раскопки они провели на подъезде к Гочеву, у д.Шмырёвой — на песчаных дюнах с урновыми погребениями. В экспедиции участвовали члены Курской комиссии А.Н.Кобылин, Н.И.Златоверховников, К.П.Сосновский и Ф.П.Амелин, также П.П.Афанасьев — руководитель соседнего Грайворонского Археологического комитета (так именовал себя кружок любителей старины в этом уездном центре Курской губернии, расположенный на р.Ворскле).

«Так как большинство лиц, прибывших на работы, участвовало в раскопках в первый раз, то члены Курской комиссии просили Д.Я.Самоквасова показать им образцовые приемы работ по вскрытию курганов, а также порядок ведения полевого журнала. Д.Я.Самоквасов охотно пошел навстречу этой просьбе и произвел вскрытие пяти первых пробных курганов с соблюдением всех технических приемов работ, выработанных им долголетнею практикою»[25]. После этого практического занятия по полевой археологии курганами занялись землекопы. Их было до 80 человек — приходилось спешить, ибо нанятые экспедицией крестьяне не могли долго откладывать приспевший сев озимых. Изучив на первых курганах структуру материкового и насыпного слоев земли, профессор по своему обыкновению копал следующие могилы уже не на снос, «колодцем», что ускоряло дело и позволяло изучить практически всё погребение (за исключением околокурганных ровиков). Своих интеллигентных помощников он расставлял так, чтобы они по двое наблюдали за каждым из находившихся в работе курганов, вели дневник и производили разборку погребения, упаковку находок. Наемным рабочим профессор никогда не доверял трудиться на раскопках самостоятельно. Сам Д.Я. переходил от кургана к кургану и руководил ходом раскопок, постоянно заглядывая в журналы и поправляя их, где нужно.

Раскопкки оказались неожиданно продлены спором археологов, завязавшимся перед намеченным было отъездом: «В какой срок должен

уничтожить и распашкой курганник, даже такой исключительной величины, как Гочевский?» Исследователи выяснили у местных жителей, что на месте их работ пять лет назад рос лес, сведенный крестьянами ради расширения запашки. Археологи приняли в расчет, что на этом участке пшеничного поля уже не остается почти ни одного не потревоженного плугом погребения. А на соседних участках пашни, обрабатываемых более 10 лет, не видать было и следов некогда многочисленных курганов. Вывод получался малоутешительным: целостность некрополя окончательно утратится через каких-нибудь 8–10 лет (Так оно и вышло). «Тогда Д.Я.Самоквасов заявил, что он не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкою курганах и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть»[26]. После чего археологи трудились еще несколько дней, однако целых погребений на пашне попадалось мало. Этим объясняется сравнительно большое число обследованных экспедицией курганов.

Добытый раскопками богатый вещевой материал бережно привезли в Курск. Здесь Сосновский и Амелин по указаниям Самоквасова разобрали и почистили находки, законсервировал их в случае необходимости и наклеили на картоны помогильно. Предварительное описание раскопок профессор сделал в качестве отчета по открытому листу для НАК уже в Москве, куда забрал для изучения находки.

Осенью того же 1909 г. он привез их назад в Курск и передал «в музей, состоящий при местной Ученой Архивной комиссии, на вечное хранение». Только вещей — собранный прямо на пахоте подъемный материал — получил для своего музейчика Грайворонский комитет. К гочевской коллекции прилагался отредактированный Самоквасовым полевой дневник раскопок с описанием всех изученных погребений. Надо сказать, что эта археологическая коллекция пережила в фондах Курского краеведческого музея революцию, Гражданскую и Отечественную войны, эвакуацию, но в конце концов все-таки (как видно, в 1980-90-е гг.) оказалась частично утраченной в музейных фондах, должно быть, по вине небрежных служителей музея, так что в состав недавно образованного Курского музея археологии перешли только жалкие остатки данной коллекции. К счастью, ее материалы успели на современном уровне изучить и частично опубликовать видные археологи — П.С.Рыков, Е.А.Шинаков [27], некоторые др. специалисты.

А в 1910–11 гг. Сосновский и его друзья, любители археологии среди курских чиновников — Амелин, А.Д.Ершов продолжили разведки и раскопки в Обоянских краях — на Пенских дюнах, Чернецком городище. О ходе своих поисков они регулярно писали в Москву болевшему, но не прекращавшему занятий древностями Самоквасову.

Участники гочевской экспедиции условились об издании ее результатов. По самоквасовской методе публикация повышала информативность археологической коллекции и поддерживала целостность ее как музейного фонда. «Д.Я. высказывал не раз ту мысль, — вспоминал К.П.Сосновский, — что при каждом издании [такого рода – С.Щ.] должны быть помещены рисунки всех вещей, добытых данной раскопкой, ибо для правильных научных выводов важна вся совокупность добытых раскопками материала»[28].

ИАК, куда профессор поначалу обратился с издательским предложением, соглашалась лишь на выборочное репродуцирование наиболее эффектных находок (украшений из драгоценных металлов, ожерелий импортных бус, сабель-палашей, др. оружия и орудий) в одном из своих серийных изданий. «... Думаю, — запальчиво возражал Самоквасов, — что субъективный выбор типичных вещей из могильного содержания, издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии больше вреда, нежели пользы. На днях выяснилась возможность издать гочевские древности полностью, дешевым способом, в пределах моих средств, и я к нему уже приступил»[29]. «Дешевый способ» — литографию вместо дорогой тогда фототипии — предложили куряне. Профессор выделил им еще 300 рублей («оказавшиеся у меня в данное время свободными») и благословил на издательские труды.

Сосновский и Амелин осуществили издание образцово, даже если судить по нынешним полиграфическим стандартам. Пробные оттиски они отсылали в Москву, на утверждение Самоквасова и только после этого тиражировали изображения древностей в 600 экземплярах. Всего были изготовлены 55 таблиц и планы Гочевских городищ.

Раскопки 1909 г. — «лебединая песня» Самоквасова-археолога. Далеко не каждый раз археологу выпадает удача открыть древности такого исторического значения. В Гочеве профессору и его сотрудникам выпал очередной взлет, сравнимый с сенсационными открытиями им же богатейших погребений в Чернигове или Аксютинцах. А главное, оказался заявлен новый, исключительно перспективный для дальнейших

исследований памятник — значительный городской центр летописных северян, а затем и древней Руси, перевалочный пункт на путях ее международной торговли с Востоком. Гочевские раскопки, издания их результатов — своеобразное завещание выдающегося русского археолога, эстафета, переданная им будущим историкам и краеведам.

В июне–июле 1912 г. раскопки в Гочеве продолжил П.С.Рыков. В будущем известный советский археолог, он тогда находился в самом начале своего творческого пути, служил учителем истории в Курском реальном училище [30]. Выпускник МАИ, ученик В.А.Городцова, он писал в ИАК о своем желании «продолжить исследования, произведенные в 1872, затем в 1909 г. проф. Д.Я.Самоквасовым»[31]. Ходатайство начинающего археолога поддержал в личных письмах к А.А.Спицыну Сосновский. Он же порекомендовал «повести раскопки планомерно», т.е. не в разных местах могильника, как с разведывательной целью делали они с Самоквасовым, а срыть все насыпи на одной компактной территории.

Рыков получил от ИАК 200 рублей, открытый лист и с успехом отчитался по нему в начале 1913 г.[32]. Ему помогал на этих раскопках курский гимназист Л.Н.Соловьев, в будущем также ставший видным советским археологом [33]. В течение 5 недель они вскрыли 109 курганных насыпей, все — на снос. Обнаружили в общей сложности 111 погребений. Находки подтверждали самоквасовскую атрибутацию основной массы гочевских погребений как северянских, но выявили наличие там же иных — радимичских, вятических, финно-угорских, кочевнических могил (что объясняется, скорее, всего, «нарубанием» в эту пограничную крепость дружинников с семьями из разных мест Русской земли). Конкретизировались и представления о стадиальной эволюции погребального обряда древних гочевцев. Самоквасов наметил здесь разные типы могил: захоронения остаков кремации в керамических урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарем; гробницы христианской обрядности — трупоположения в ямах, почти без бытовых вещей. Рыкову и Соловьеву удалось уверенно проследить в Гочевском некрополе постепенный переход от полного, затем частичного, символического трупосожжения на материке (древней дневной поверхности) к трупоположению в ямах и, наконец, в гробах.

Вскоре Рыков переехал из Курска на более престижное место гимназического учителя в Вильно, а после революции оказался в Саратове. Там он при первой возможности опубликовал результаты своих курских раскопок. На основании некоторых типично радимичских украшений

(семилепестковых височных колец, гривен с розетками на концах; сюда же добавлю привеску с головой тура) Рыков предложил рассматривать Гочевский комплекс в качестве следов некоего анклава радимичей в северянском Посеймье. Эта версия (заимствованная Рыковым у К.П.Сосновского, судя по выявленной в архиве переписке последнего) в дальнейшем не нашла подтверждения, но поддержала внимание к данному памятнику в археологической среде. Свою работу Рыков смыкал с коллекцией и публикациями Самоквасова по Гочеву. «Я надеюсь, — писал он в 1923 г., — что такое использование материалов даст мне возможность достойно отметить и последнюю работу покойного археолога, отдавшего много любви, времени и личных средств родной науке»[34].

В дальнейшем Гочевский некрополь копался по открытым листам ИАК еще несколько раз. В 1913, затем в 1915 г. здесь работал член-сотрудник Императорского Русского Археологического общества (ИРАО) Владимир Николаевич Глазов, раскопавший тут в общем счете 206 насыпей (с трупоположениями на древней дневной поверхности и в ямах) и обследовавший городище «Крутой курган»[35].

ИМАО в лице П.С.Уваровой не захотело «уступать» богатого памятника «конкурентам» из Петербурга и в том же 1913 г. командировало в Гочево своего представителя. Им выступил Владимир Селиверстович Львович, «окончивший курс в МАИ». На его долю пришлось 35 могильных насыпей похожих типов и с типичными же находками, в первую очередь женскими украшениями. «Самая интересная вещь, — по оценке рецензировавшего его отчет А.А.Спицын, — серебряная тонкая гривна с широким сгибом, найденная где-то «на голове». Вердикт маститого археолога, в свою очередь не слишком жаловавшего, надо признать, коллег-москвичей, оказался неприятным для археолога начинающего: «Детали устройства насыпей и обряда погребения не были достаточно уяснены»[36] этим раскопщиком.

После перерыва, связанного с советской революцией, в том числе и в археологии, масштабные раскопки в Гочеве, уже на городищах «Крутой курган» и «Царев дворец» в 1937 и 1939 гг., произвела экспедиция ГИМа и Курского краеведческого музея во главе с Б.А.Рыбаковым, тогда доцентом [37]. Предположение акад. Б.А.Рыбакова о Гочеве как одном из перевалочных пунктов на пути караванной торговли Киев — Булгар в дальнейшем плодотворно развивали А.П.Моця и др. авторы [38].

Разведки в здешних местах Ю.А.Липкинга в 1960-е гг. привели его к остроумной и разносторонне аргументированной гипотезе, согласно которой

археологическое Гочево суть руины летописного города Римова [39]. Тот погиб «под саблями половецкими», как говорится в «Слове о полку Игореве», после неудачи известного похода русских князей в 1185 г. против степняков. В пользу такого предположения говорят и данные археологии (следы кольцевой осады гочевских укреплений, защитники которых полегли за его стенами и возле них), и свидетельства топонимики («Римов лог», «Римово болото» вблизи городищ).

Дальнейшие раскопки и разведки в Гочеве археологов из Петербурга (О.А.Щеглова), Киева (Р.В.Терпиловский), Курска (Н.А.Тихомиров, А.Н.Апальков) в 1980 – начале 90-х гг. открыли ранние этапы существования этого долговременного славянского поселения, начиная скорее всего с III в. н.э. В последние годы охранные раскопки остатка гочевских курганов, поврежденных кладоискателями, помаленьку ведет экспедиция Курского музея археологии [40]. Новые данные подтверждают и дополняют выводы дореволюционных исследователей об отдаленных торговых контактах старинных жителей Попселья, развитых ремеслах и налаженном сельскохозяйственном быте у них.

Итак, изучение гочевских древностей относится к числу интереснейших страниц отечественной археологии, оно продолжается уже 90 лет. Самоквасов, как это ему было свойственно, приоткрыл первую из этих страниц. Его экспедиция сюда 1909 г. показала как сильные, так и слабые стороны прежней археологии. С одной стороны, энтузиазм местных любителей старины на сей раз удачно соединился с опытом и эрудицией профессионального исследователя. С другой, — их усилия во многом блокировались практически полным отсутствием государственной охраны памятников истории, отказом властей финансировать раскопки. На примере Гочева видно, как много ценного материала, научного и общекультурного, спасено нашими предшественниками. Несмотря на большее или меньшее несовершенство методики прежних раскопок, а особенно на неудовлетворительное хранение археологических коллекций в советских краеведческих музеях, отчеты об этих раскопках и уцелевшие вещи с большой пользой служат современным исследователям. Тем более, что за прошедшие десятилетия многие части Гочевского археологического комплекса уничтожены или повреждены хозяйственной деятельностью (распашкой, прокладкой ЛЭП).

Курску повезло, что у истоков исторического краеведения здесь оказался такой просвещенный и компетентный человек, как Д.Я.Самоквасов.

Его сотрудничеству со здешними любителями старины из Губстаткомитета и Ученой Архивной комиссии оказалось весьма своевременным и плодотворным.

ГЛАВА VI
НА РУБЕЖЕ ВРЕМЕН

Я отозвал рабочих от кранов, от верфей, из ям
И всё, что я сделал, бросил на веру неверным годам.
Надпись носили камни, и дерево, и металл:
«Вслед за мной идет Строитель. Скажите ему — я знал».

Р. Киплинг. Дворец.

Вопреки болезни

Годы, десятилетия, до отказа наполненные энергичным трудом. Радости — с открытиями на раскопках и в архивохранилище, от поддержки друзей и верности учеников. Треволнения и горести в борьбе с бюрократическими препонами на пути архивной реформы и спасения археологических памятников, при столкновении с недругами из чиновно-академической среды. Все эти нагрузки и переживания не прошли даром даже для такого могучего, богатырского сложения человека, как Д.Я. Болезнь победила его организм на 69 году жизни. Духом ученый не уступил коварной хвори до самого конца. Вопреки приступам нездоровья, надолго уложившим его в постель с начала 1910 г., пренебрегая требованиями врачей и уговорами близких, профессор работал.

Обструкция, а потом замалчивание архивных инициатив Самоквасова со стороны большинства прямо заинтересованных в этом деле лиц парадоксальным образом сочетались с его же несомненным авторитетом в области архивной теории и практики. К управляющему МАМЮ неоднократно обращались за экспертизой, как к третейскому судье по особо сложным вопросам архивного строительства. В последний раз то были «Основания архивной реформы на флоте». Их подготовил Е.Н.Квашнин-Самарин, исполнявший должность начальника Исторической части Морского Генерального штаба («...Руководствуясь

при составлении прилагаемой записки Вашими учеными трудами»[1], — оговаривал он в письме к Д.Я.).

Замечания, вписанные профессором в объемистый текст данного проекта, свидетельствуют о том, что своих взглядов на архивную реформу он не изменил и после ее провала. Кроме множества конкретных рекомендаций о лучшем устройстве портовых архивохранилищ, Самоквасов пишет: «Японская война показала не количественную, а качественную слабость наших военных сил, сухопутных и морских, обусловленную слабостью направления и контроля деятельности военных учреждений в мирное время. — И, возвращаясь к своему «карфагену», заключает, — ... Но рационального направления и контроля военной службы, как и всякой другой государственной службы, не может быть там, где нет исторических знаний, основанных на документальных источниках, где такие источники предаются сожжению и обращаются в картон, где делопроизводство государственных учреждений не исполняет требования закона, где над законом господствует бюрократический произвол»[2].

Не довольствуясь собственными поправками к записке Квашнина-Самарина, Самоквасов для пущей важности доложил ее в заседании Московского отделения Военно-исторического общества и «получил единодушное одобрение всех предложений проекта архивной реформы в Морском ведомстве, административных и законодательных»[3]. О том, что военным морякам удалось сделать по спасению флотских архивов, узнать профессору было не суждено.

В июне 1910, предсмертного для него года, воспользовавшись некоторым улучшением самочувствия, Д.Я. выполнил очередное задание министерства юстиции — подготовил и продиктовал доклад о государственных цветах древней Руси [4]. Дело в том, что вопросы национально-государственной символики оживленно обсуждались тогда в повременной печати и между историками [5]. На сей счет организовалось даже специальное правительственное совещание. Последние Романовы, чей трон вовсю зашатался, проявляли заметный интерес к средневековым истокам своего царствования. Среди прочих попыток укрепить авторитет абсолютной монархии они охотно прибегали к аргументам от истории. И Самоквасов, и его преемники по архиву не раз привлекались к наведению геральдических, генеалогических справок в недрах МАМЮ по «высочайшему» заказу. Они всегда выполняли подобные поручения с

явным удовольствием, проявляя особое рвение и творческий подход к изучению «романовской старины». Так и на этот раз, еле-еле поднявшись с постели, насквозь больной управляющий самолично перерыл множество документов Разряда и Сената, сгруппировал и прокомментировал извлеченные оттуда сведения, изложил свое понимание вопроса в статьях для «Московских ведомостей», объединенных затем в брошюру [6].

Геральдические ухищрения Николая II и его клевретов отнюдь не канули в историографическую лету. Вопрос о государственных цветах Руси-России сегодня снова стал как нельзя более актуальным, страстно дебатируется в Государственной Думе, историками, журналистами, общественностью [7]. Самоквасову удалось поставить обсуждение данной проблемы на фактическую, документальную основу. В его работе учтены оригинальные изображения древних русских знамен и гербов, образцы государственных печатей и соответствующие описания из старейших архивных фондов и опубликованных первоисточников.

Летний отпуск не принес Д.Я. ожидаемого облегчения. После переезда в Курскую губернию на отдых, Т.В.Самоквасова писала 23 июня 1910 г. из Клиновой встревоженной дурными вестями о здоровье мужа П.С.Уваровой в Карачарово: «В деревне нас встретили ежедневные дожди, иногда с градом, и, вероятно, вследствие утомительной дороги и сырости мой муж снова вынужден был лечь в постель. ... В последние дни боли прекратились, а температура не подымается выше 38 гр.; но слабость даже сидеть не позволяет, самочувствие плохое, аппетит отсутствует ...»[8].

Рецепты нескольких врачей, диетный стол, заботливый уход всё не помогали. Могучий мужчина похудел на полтора пуда. На вторую половину лета Самоквасовы перебрались дальше на юг, на Черноморское побережье, прожив по месяцу сначала в Симеизе, а затем в Севастополе. «Всего печальнее то, что доктора различно определяли и определяют причину повышения температуры, признавая в ней кавказскую малярию [ею Д.Я. в тяжелой форме переболел в 1882 г., подхватив лихорадку на раскопках в районе Военно-Грузинской дороги и проболев потом с полгода — С.Щ.], непорядки кишечника, бронхит и остатки давнего воспаления легких, непорядок в печени и переутомление нервной системы. Различие диагноза обусловило и различные способы лечения, преимущественно ядовитыми лекарствами: стрихнином, мышьяком, фосфором, хинином, белладонной и прочее. По возвращении в Москву

Дмитрий Яковлевич решил приостановить употребление докторских средств и испытать средства народной медицины: подсолнечник, трифоль, земляника ...»[9], — сообщалось Уваровой в октябре.

Встав всё же на ноги и превозмогая недуг, профессор начал осенью 1910 г. как обычно читать лекции в университете и в лицее. Однако «прочитав несколько лекций, Д.Я. заболел и в дни его лекций на дверях аудитории вывешивалось объявление: «Сегодня по случаю болезни профессор Самоквасов лекции читать не будет». Так тянулось до следующего семестра. Д.Я. прочитал две-три лекции и больше в университет уже не появлялся, так как доктора запретили ему оставлять квартиру. Через некоторое время один из наших слушателей, работавших в архиве министерства юстиции, которым заведовал Д.Я., и часто бывавший у него (интересно отметить, что этот студент был старик лет 55—60, полковник в отставке) сообщил нам, что Д.Я. для желающих может читать лекции в здании архива по праздничным и воскресным дням. ... — Вспоминал один из студентов-юристов. — В архиве Д.Я. читал нам лекции не по курсу истории русского права, а по археологии. Да это были и не лекции, их можно назвать задушевной беседой. Нельзя забыть, с какой нежной, чисто отцовской заботливостью относился Д.Я. к нам, своим слушателям ...»[10].

Однако и архивные чтения вскоре были категорически запрещены врачами. Тогда Самоквасов решил весь остаток сил посвятить практической заботе с Архивом. Как раз сбывалась его давняя мечта, наметился результат его многолетних хлопот во властных инстанциях — МАМЮ получал новый штат, на порядок поднимающий материальное и академическое положение этого учреждения. Не зря профессор обивал пороги кабинетов С.Ю.Витте, П.А.Столыпина, И.Г.Щегловитова и прочих высших сановников государства. В 1910 г. законопроект «Об установлении новых штатов Сенатского архива и МАМЮ»[11] попал наконец на рассмотрение Государственной думы. Намеченный было срок введения соответствующего закона — 1 апреля 1911 г. пропустили из-за всегдашней волокиты законодателей и перенесли на 1 октября. Но управляющий еще в начале лета выработал детальный план работ для усиленного состава сотрудников, их перераспределения по новым должностям.

Последний отпуск Д.Я. провел в Кисловодске. Возвращаясь оттуда в Москву, уже безнадежно больной, всё-таки завернул в Клиновую. По воспоминаниям земляков, он, как и в прошлый приезд, почти не выходил из

дома, больше лежал на диване. Читал, играл с огромной красно-серой собакой по кличке КАРО, своим верным спутником по прошлым археологическим походам.

Уехали Самоквасовы из деревни раньше обычного. Собирался очередной — XV съезд археологов России в Новгороде. Профессор еще надеялся принять участие в его работе, как и в дюжине предыдущих. Там предстояло выработать положение об Архивных комиссиях, предстояли раскопки на Новгородчине и Псковщине, на которые Д.Я. заблаговременно выделил целых 6000 рублей из личных средств — больше, чем он когда-либо мог позволить себе потратить на научные цели.

Но обстоятельства сложились иначе. Сил на новую поездку уже не хватило. Оставшись в Москве, Самоквасов занялся выполнением следующего правительственного задания — подготовкой документов (с 1500 г.) для выставки, посвященной юбилею Царского села — летней императорской резиденции под Петербургом. Управляющий собирал совещания начальников архивных отделений, диктовал описание выделяемой для демонстрации в столице архивной коллекции, исправлял доклад о ней и, в конце концов, 27 июля подписал документы к отправке.

Согласно свидетельству его ближайшего сотрудника Н.Н.Ардашева, «вообще же по делам архива подписал последнюю бумагу и принял последний доклад в свой последний день, за несколько часов до смерти ... И так и не смогла тяжелая болезнь заставить его признать себя бесповоротно. Он мыслил, чувствовал как бы здоровый. Когда же, случалось, смущали его опасения близких лиц насчет последствий какого-нибудь шага для здоровья, он отвечал: «Не умру же я от этого ...» И только власть и тайна смерти, мгновенно и мужественно осознанной им в последнюю минуту, покорила его дух. «Вот, конец ...» были последние слова, предшествовавшие последнему вздоху ...»[12].

Прощание

Газеты известили: «В пятницу 5 августа около 5 часов вечера после продолжительной и тяжелой болезни [окончательный диагноз — саркома легкого — С.Щ.] скончался управляющий Московским архивом министерства юстиции, заслуженный ординарный профессор Московского университета, тайный советник Дмитрий Яковлевич Самоквасов ...»[13].

Панихиды у гроба покойного, похороны 9 августа на только что

заложенном тогда Новодевичьем кладбище, заупокойные литургии на 9 и 40 дни по его кончине всколыхнули многих представителей московской и провинциальной интеллигенции. Отдать дань памяти покойного профессора, выразить свою скорбь пришли руководители учебного округа, университета, факультета, преподаватели и студенты разных учебных заведений (хотя продолжались каникулы и многие из них были в разъезде), все служащие архива и другие почитатели Д.Я.

Стало особенно наглядным, скольким людям помогали его разностороннее дарование, душевная широта. Взять хотя бы венки на его могиле: от служащих архива — серебряный, «Дорогому управляющему»; от Московского университета — «Заслуженному профессору»; от директора Московского Археологического института проф. А.И.Успенского; от директора Московского коммерческого училища проф. Д.В.Цветаева; от лицея памяти цесаревича Николая — «Глубокоуважаемому профессору»; от Императорского Московского Археологического общества — крест-венок из живых цветов «Богатырю-археологу»; от «благодарного Московского Исторического музея»; от Усачевско-Чернявского женского училища — «Почетному члену попечительства»; от родных и близких; от низших служащих архива — «Незабвенному начальнику».

Телеграммы соболезнования Т.В.Самоквасова получила от почетного председателя Российского Исторического музея великого князя Михаила Александровича; управляющего министерством юстиции сенатора А.Т.Гасмана; председателя XV Археологического съезда графини П.С.Уваровой; председателя ученого комитета министерства народного просвещения Н.Я.Сонина; заведующего общим архивом министерства императорского двора К.Я.Грота; доктора русского истории Д.И.Иловайского с супругой; Курской и Саратовской Ученых архивных комисий; начальницы Брянской гимназии А.В.Слоновской.

Над свежей могилой прозвучали речи, очертившие жизнь покойного как ученого, педагога, администратора и человека.

Так называемое «церковное слово» в память о Самоквасове в день его погребения произнес законоучитель Катковского лицея протоиерей Иоанн Соловьев. В «слове» этом по традиции преобладали достаточно отвлеченные парафразы из Библии. Но прозвучали там и дельные мысли, своевременные оценки, правдивые эмоции. «От школьной скамьи полюбил почивший, до конца — до гробовой доски не переставал любить то научное слово о русском праве или, лучше сказать, о русской правде в ея истории — в

истории жизни народа, на служение которому ... он посвятил всю свою жизнь, отдал все свое время, все свои силы. ... Не прельщаясь почестями вышних знаний, он чуть не полвека оставался учителем истории русского законоведения в высшей школе и с первых же шагов своего педагогического служения, как профессор истории русского права, сумел поставить эту науку на практическую почву, обратив главное внимание свое на изыскание и изучение источников этой науки — документальных и исторических памятников «русской правды», и не хартиях только отечественных написанных, а и в недрах родной земли скрытых вещественных остатков древнего быта и правового уклада русской общественно-государственной жизни. Относясь к служению своему как к долгу совести, он сумел служение науке сделать вместе с тем и служением благу народному и добытых наукой сокровищ не продавал иноземцам за чечевичную похлебку»[14].

Попы не забыли подчеркнуть благочестие профессора. Проводивший отпевание епископ Анастасий Серпуховский «в обширном слове остановился на характеристике покойного как истинного христианина, всегда открыто и смело проповедовавшего свои православно-церковные воззрения»[15].

Затем выступили остальные спутники последнего пути ученого, его коллеги и личные друзья — профессоры Д.В.Цветаев, Н.И.Новосадский, А.Н.Филиппов (москвичи), Н.Я.Новомбергский (из Томского университета, учившийся у Самоквасова в Варшаве и писавший диссертацию в МАМЮ), сослуживцы по архиву Н.Н.Ардашев, И.Я.Стеллецкий. Прежде я не раз ссылался на их речи как ценный источник биографии Д.Я.

Последние двое не ограничились речами, но решили «запечатлеть на бумаге память о Дмитрии Яковлевиче за эти печальные дни, не ожидая будущих докладов о нем в ученых учреждениях и обществах». Они составили и в складчину с прочими служащими МАМЮ отпечатали мемориальный сборник, без которого теперь не обойтись при жизнеописании Самоквасова.

Конечно, мемориально-некрологическая литература — жанр особенный, почти житийный. В него не помещаются возражения и откровенная хула ушедшему от нас деятелю. Они скапливаются в источниках иного рода. Однако мы не видим оснований отрицать объективность оценок и искренность соболезнующих откликов на кончину Д.Я. Те, кого она не огорчила, тогда просто промолчали.

На это печальное событие сочувственно отозвался целый ряд столичных и провинциальных изданий. Общий вывод газетно-журнальных некрологов сводился к глубокому сожалению о крупной потере для русской науки.

Подчеркивалось, что при жизни профессора «венок его известности состоял не из одних только роз» — дескать, вплетались в него и терния ...

Советы Московского и Варшавского университетов, обоих Археологических институтов, Московского и Петербургского, собрания большинства губернских архивных комиссий и других историко-краеведческих обществ почтили память бывшего сотрудника вставанием и минутой молчания. В Отделении русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества в Петербурге «А.А.Спицын сделал доклад, посвященный памяти Д.Я.Самоквасова и оценке его деятельности как выдающегося русского археолога»[16].

Наиболее основательно заслуги своего бывшего члена отметило Московское общество археологов. При жизни ученый не удосужился отметить ни одного из своих юбилеев. Он умер в один день с окончанием работы Археологического съезда в Новгороде. Совпадение знаменательное, я бы сказал — провиденциально-мистическое. Вместе с Д.Я. отходила в прошлое наша дореволюционная археология, со всеми ее достижениями и проблемами. XV съезду ее представителей суждено было стать последним. Следующий, намеченный во Пскове, не состоялся из-за войны и революции, которая подвела черту под периодом становления русской науки о древностях.

Уже 6 сентября, на первом же по возвращению из Новгорода заседании ИМАО отслужили панихиду памяти Самоквасова. П.С.Уварова «в краткой теплой речи очертила деятельность почившего и его отношение к науке и обществу». «Дмитрий Яковлевич, — заявила графиня, — оставит навсегда след в русской науке не только как археолог, но и как историк, как знаток русского права и архивовед»[17]. По ее инициативе Общество подготовило и 7 декабря того же 1911 г. провело еще одно заседание, специально посвященное творческому наследию «этого богатыря воли и духа», как выразилась Уварова. В зале заседания стоял портрет Д.Я., декорированный растениями и цветами.

Прозвучавшие тогда и вскоре опубликованные доклады охватили главные направления научной и общественной деятельности Самоквасова: археологию (Д.Н.Анучин), сотрудничество с Историческим музеем (А.В.Орешников), труды по истории русского права (выборочный обзор А.Н.Филиппова), руководство Архивом министерства юстиции (Н.П.Чулков — о нем читатель верно знает из рассказа И.Л.Андроникова «тайна Н.Ф.И.»: «Великий знаток государственных и семейных архивов XVIII и XIX вв., лучший специалист по истории русского быта»), деятельность в самом ИМАО

(П.С.Уварова, председательствовавшая на этом заседании). С дополнениями же выступали Н.Н.Ардашев, И.С.Беляев, В.А.Городцов, Ю.В.Готье, Д.И.Иловайский, С.А.Покровский, Д.В.Цветаев. Присутствовала и Т.В.Самоквасова.

Все докладчики — признанные специалисты соответствующих областей знания, к тому же близко знавшие Д.Я., долгие годы сотрудничавшие с ним каждый по своей части. Их суждения о Самоквасове основательно аргументированы и, как правило, окрашены очевидной симпатией к нему. Причем ради объективности оценок кое-кому из ораторов пришлось подняться над партийно-политическими пристрастиями и внутринаучными противоречиями. Однако дефицит времени и источников для подготовки речей не мог не сказаться на их содержании. Впрочем, авторы получившегося мемориального выпуска полупериодического сборника ИМАО «Древности» не претендовали на исчерпывающую полноту сделанных впервые обзоров.

Творческое наследие Д.Я.Самоквасова окончательно стало историографией.

Наследство

Далеко не все из тех, с кем А.С.Уваров начинал научную археологию в России, остались верны увлечению своей молодости. В бурные для страны, переломные годы многие отошли от исследований, забросили свои коллекции. Самоквасову, наоборот, не хватило времени для осуществления всех замыслов и начинаний. Среди задуманного им, но несбывшегося из-за болезни и безвременной кончины: археологический музей Северянской земли в Чернигове; новые раскопки на севере и на юге страны; издание большого атласа к «Могилам Русской земли», третьего тома «Архивного материала» и других начатых рукописей по археологии и археографии, своей богатейшей научной переписки. Таиса Васильевна, овдовев, сделал всё от неё зависящее, чтобы распорядиться наследием мужа в соответствии с его собственными намерениями.

Ссудосберегательной кассе МАМЮ для малоимущих чиновников она перевела по завещанию Д.Я. 5 000 рублей. Архиву же перешла обширная библиотека ученого — несколько тысяч томов по археологии, архивоведению, истории, юриспруденции, искусству, включая редкие старопечатные и ценные иллюстрированные издания. Библиотеке был составлен систематический каталог, отпечатанный Т.В.[18]. Книги Самоквасова до сих пор хранятся

отдельной коллекцией как часть библиотеки РГАДА в специально для них изготовленных шкафах карельской березы. Эти книги каким-то чудом избежали печальной судьбы многих личных библиотек, бездумно распыленным по разным местам [19].

Самоквасов успел позаботиться о своем преемнике на посту руководителя архива. Охотников на эту заметную в официальных и академических кругах, хорошо материально обеспеченную должность сыскалось немало. В их числе называли известных историков и археологов — Л.М.Савелова и А.Н.Филиппова из Москвы, Д.И.Багалея из Харькова, А.А.Липинченко из Одессы и др. Но сам Д.Я. выбрал Д.В.Цветаева, зная, что для него «вопрос не в рублях [их он немало получал как директор Коммерческого училища — С.Щ.], а в деле по душе»[20]. Тот периодически занимался с материалами МАМЮ еще с 1880-х гг. Таиса Васильевна отправила министру юстиции письмо «о желании Д.Я.Самоквасова и архивных чиновников относительно преемника ему по управлению и руководству архивом»[21]. К этому ходатайству присоединились влиятельные друзья покойного управляющего — Д.И.Иловайский, В.Г.Глазов, А.Г.Гасман и др. Д.В.Цветаев получил искомое место и с успехом руководил МАМЮ до 1918 г., успев на склоне лет принять участие в реорганизации архивного дела советской властью.

Надо отдать должное коллективу архива — о Самоквасове здесь сохранили добрую память. По просьбе самих служащих портрет покойного управляющего пополнил галерею живописных изображений прежних директоров в читальном зале. Жаль, что впоследствии все эти картины исчезли в неведомых запасниках Исторического музея (?), а на смену им пришли общеканцелярские портреты политических вождей.

Архив болезненно относился к посмертным нападкам на репутацию Д.Я. Так, в «Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете» за 1915 г. появилась переписка уволенного из МАМЮ архивиста Н.Н.Оглоблина и издателя С.Н.Шубинского, «рисующая личность светлой памяти Д.Я.Самоквасова в пристрастно-сгущенных красках». Чины архива, много лет проработавшие с этим управляющим «и высоко всегда ценившие в нем любовь и преданность к делу и неизменное гуманное бережное отношение к подчиненным лицам, правильно ведущим общую архивную работу»[22], выступили с коллективным протестом и добились публикации его в тех же «Чтениях».

Т.В.Самоквасова на собственные средства и при помощи учеников

покойного профессора из провинции несколько лет спустя издала дневники его последних раскопок — черниговских и гочевских, с прекрасными репродукциями важнейших находок, а также практически законченную автором, но оставшуюся в рукописи монографию «Могильные древности Северянской Черниговщины». Без этих «посмертных изданий» 1916–17 гг. теперь трудно представить список самоквасовских трудов. Ею же готовился к печати третий том «Архивного материала» — по отложившимся в личном архиве мужа копиям книг и столбцов Поместного приказа. Судя по переписке Т.В. с П.С.Уваровой, рукопись этого тома была передана в МАМЮ на редактирование, но в свет из-за войны и революции так и не вышла.

Могилу ученого на Новодевичьем кладбище (1 участок, 1 ряд, 1 могила) отметил внушительный обелиск темно-серого гранита. Ему суждено было стать со временем семейной усыпальницей для московской ветви Самоквасовых, нескольких их родственников и свойственников. Одна из последних — Ольга Николаевна Сычева трогательно ухаживает сейчас за этим фамильным склепом в старейшей части ставшего знаменитым погоста. А недалеко, за кирпичной стеной, на еще более престижной по прежним понятиям территории самого монастыря покоятся Анатолий Петрович Богданов и Алексей Сергеевич Уваров. На могиле графа — новодельный камень с малограмотной надписью. Тут некому оказалось присмотреть — Прасковья Сергеевна со чады после революции нашла прибежище в Югославии, здесь и похоронена. В эмиграции графиня оказалась без гроша в кармане, тут на досуге писала историю Московского Археологического общества, да рукопись эта затерялась ...

... Остался другой памятник неутомимым трудам героев моей книги на пользу отечественной науки и культуры — изящный обелиск темного камня на вершине кургана Чёрная могила. Самоквасов установил его после завершения здесь своих раскопок 1872–73 гг. На четырех гранях памятника изображены предметы из княжеского погребения — меч, шлем с броней, бронзовый божок, сосуд с поминальной пищей. Теперь здесь — почти центр современного Чернигова. Случайные прохожие, организованные экскурсии. Фоторепродукция в путеводителе по историческому городу. Пора провести реставрацию стелы, поврежденной во время войны. Но за время, пока писалась эта биография, Украина оказалась за границами России ...Стилизованная фигура древнерусского воина-шлемоносца смотрит в грядущее...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одну минуточку, я что хотел спросить:
Легко ли Гофману три имени носить?
О, горевать и уставать за трех людей
Тому, кто Эрнст, и Теодор, и Амадей.

А. С. Кушнер. Гофман.

Теперь возвращу внимание терпеливого и вдумчивого читателя к началу книги. Повторю поставленный там вопрос: ограничивается ли биография ученого его идеями и книгами? Ответ на этот вопрос в свете всего вышесказанного, надеюсь, становится яснее. Как видно, ученый ученому рознь — каждый выбирает подходящий для себя образ жизни, посильный именно ему стиль деятельности [1].

Насчет В.О.Ключевского, допустим, мемуаристы отзываются единодушно: «У него не было «биографии»; вся его жизнь прошла в Москве, за книгами и рукописями, за чтением лекций и кабинетной работой»[2]. А Д.Я.Самоквасов принадлежал к совсем другому типу людей науки. В его лице логично сочетались разные области гуманитарного познания и практики; кабинетная работа с музейной, экспедиционной — «от Москвы до самых до окраин».

По словам Д.С.Лихачева, «наука — это многоэтажное задние. Как и всякое здание, она имеет «фундамент» — материал, который наука изучает, потом есть первый «этаж» — непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются «этажи» проблем и теорий, обобщений и гипотез»[3]. Мой автор участвовал в строительстве сразу нескольких научных «зданий» — отечественной археологии, археографии, истории, включая историю государства и права. Хотя особенно ценным, незаменимым никем другим из его коллег приходится признать вклад профессора в выкладку эмпирического фундамента этих отраслей знания и культурной практики.

Потрудившись за письменным столом (а чаще — конторкой), в лекционных аудиториях да у архивных полок, он отправлялся в путешествия по стране и за ее рубежами. Занимался в таких поездках главным образом разведками и раскопками курганов и городищ, других памятников археологии. Не упускал, впрочем, возможности и для

попутного знакомства с музеями, архивами, вообще историческими достопримечательностями тех краев, где бывал. Не пренебрегал также этнографическими наблюдениями, вел заинтересованные беседы с местными жителями, меняя научное знание на устные предания седой старины, бытовавшие в народе.

С археологическими целями профессор посетил почти все области Европейской России, некоторые из них — Черниговскую, Курскую, Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую губернии, Кавказ и Крым исходив и изъездив буквально вдоль и поперек; а кроме того — Польшу и многие западноевропейские государства.

«Mr. Samokvassoff» (как значится на французский лад в его заграничных паспортах) немало способствовал укреплению международного престижа русской науки. Тому служили переведенные на французский язык работы Д.Я., его участие в международных конгрессах, личное общение и переписка с корифеями европейской науки. О находках и концепциях профессора Самоквасова одобрительно писали в своих книгах французы Луи Леже и Альфред Рамбо; чехи Йозеф Пич, Клим Чермак и Любор Нидерле; Фридрих Хагер из Вены и Карл Фишер из Будапешта; граф Ян Завиша из Варшавы и Адам Киркор из Кракова; префект Ватиканской библиотеки отец Эрле и директор Лейпцигского музея древностей Обст, другие зарубежные светила гуманитарной науки.

С одной из зарубежных поездок ученого связан весьма характерный для него эпизод. Как упоминалось выше, в 1878 г. он привез свою археологическую коллекцию в Париж, на Всемирную выставку. Древности из России, в том числе драгоценные в ювелирно-антикварном отношении, привлекли внимание выдающихся археологов и богатых коллекционеров из разных стран. «Результатом этого внимания, — вспоминал Д.Я.Самоквасов, — было желание богатейшего Британского музея, не имевшего отдела славянских могильных древностей, приобрести мою коллекцию, бывшую на выставке, сообщенное мне Богданом Ивановичем Ханенко [1858–1917; земляк и друг Д.Я., археолог-любитель и удачливый коллекционер древностей Поднепровья, их издатель — С.Щ.], посетившим сказанный музей. Но по моему мнению, древностей своей Родины нельзя передавать в чужую страну, а потому в 1891 г. я всё своё собрание передал безвозмездно в Императорский Российский Исторический музей»[4].

Своей стране Д.Я.Самоквасов послужил на славу. Подытожу основные моменты его вклада в российскую науку и культуру: автор нескольких десятков научных трудов по истории, археологии и архивному делу, поныне остающихся в научном обороте, до сих пор успешно конкурирующих по частоте цитирования со всё новыми и новыми трудами в этих областях научного исследования; неутомимый организатор массового учета, сохранения и изучения вещественных и документальных памятников отечественной истории; первооткрыватель эталонных для периода становления славяно-русской цивилизации древностей; один из признанных основоположников научного метода раскопок, полевой фиксации, музейного хранения и экспонирования, классификации и интерпретации находок из древних поселений и могил; рьяный поборник спасения гибнущих исторических документов, рациональной постановки государственной архивной службы в нашей стране;

авторитетный наставник студенческой молодежи, заслуженный профессор двух университетов; воспитатель нескольких талантливых археологов и архивистов; инициатор преподавания археологии и архивистики в высшей школе России; чтения просветительских лекций по истории древнерусской культуры для широкой публики;

активный сотрудник целого ряда столичных и провинциальных объединений историков, археологов и краеведов; постоянный участник и координатор съездов, выставок, экспедиций, печатных трудов этих обществ и организаций (ИМАО, ИАК, ИОЛЕАЭ, ИРГО, ИРАО, многих ГСК и ГУАК, др.); щедрый благотворитель, пожертвовавший десятки тысяч кровным трудом преподавателяи и чиновника заработаннных рублей на свои и чужие печатные издания, покупку древностей для музеев, финансирование археологических экспедиций;

страстный, а порой, надо признать, и пристрастный полемист, отстаивающий свои научные идеи и практические начинания в периодической печати, с трибуны съездов ученых, перед скромным кружком краеведов и в гостиной великого князя, на международных конгрессах и в стенах Государственной Думы.

Всё это — Дмитрий Яковлевич Самоквасов.

А ведь в его время «интересы основной массы профессуры суживались от поколения к поколению. Каждый был поглощен вопросом, любопытным только для нескольких коллег. ... В своей ограниченной среде пользу они приносили, но зачастую мелкотемье и крохоборство заслоняло в

глазах большинства подлинные достижения научной мысли. Вот почему важно рассказать читателю о людях, понимавших, как исследование древностей соотносится с путями современной культуры»[5], — замечает А.А.Формозов. Герой этой книги сознательно стремился к такому понимаю.

При всём том я вовсе не намерен втискивать историографию гуманитарного знания в прокрустово ложе антитезы «специализация — универсализация», «теория — практика», «наука — просветительство». Всё это — чаще всего взаимодополнительные тенденции любой отрасли познания. Да и проявлялись они по-разному — то поверхностно и утрированно, а то гармонично.

С одной стороны, разносторонняя и самозабвенная деятельность далеко не всегда благо сама по себе. Герой чеховского рассказа «На пути» Григорий Петрович Лихарев признается: «Я любил русский народ до страдания, любил и веровал в его бога, в его язык, творчество ... В своё время был я славянофилом, ... и украйнофилом, и археологом, и собирателем образцов народного творчества ... , увлекался я идеями, людьми, событиями, местами ..., увлекался без перерыва»[6]. Бытовал в интеллигентской среде старой России и такой тип полу-ученого, полу-дилетанта, не умевшего согласовать и применить с пользой для себя и для других свои разнородные умственные, душевные устремления. И.С.Тургенев вывел подобный же персонаж в сатирической повести «Дым» — Семена Ворошилова, «милейшего поэта—живописца—историка—философа—экономиста—публициста». Переход от ученого энциклопедизма прошлых веков к системному охвату предмета гуманитарных исследований не обходился без подобных издержек.

С другой стороны, тот же самый период общественной жизни дает нам образцы органичной разносторонности, цельности личности мыслителя, художника, практического деятеля. Географ-путешественник, революционер, историк, философ-моралист князь П.А.Кропоткин; химик Д.И.Менделеев, увлеченно выступавший в печати против мистицизма спиритов, по проблемам экономики России и т.п. публицистическим сюжетам; профессор математики В.Я.Цингер, публикующий ценные труды по ботанике; зоолог С.А.Усов, ставший редким специалистом по истории искусства; недоучившийся юрист и дипломированный инженер-путеец, общественный деятель и популярный беллетрист Н.Г.Гарин (Михайловский); один из высших чинов министерства внутренних дел, редактор официозного «Правительственного вестника» и он же проникновенный поэт-лирик К.К.Случевский — вот взятые наудачу из многих десятков возможных примеров соотечественников того универсалистского типа, куда относился и Д.Я.Самоквасов. М.А.Волошин, вспоминая И.Ф.Анненского, в том же духе писал: «... Можно ли было догадаться о том, что этот окружной инспектор и директор гимназии, этот поэт-модернист, этот критик, заинтересованный ритмами Бальмонта, этот знаток французской литературы ... , этот переводчик Еврипида — всё одно и то же лицо? Для меня, — продолжает сторонний наблюдатель, — здесь было около десятка различных лиц, друг с другом не схожих ни своими интересами, ни возрастом, ни характером деятельности, ни общественным положением ... «[7].

Так и жизнь Самоквасов, не в сравнение со многими, многими другими гуманитариями — его современниками, явно выходит за рамки диссертаций, лекций, статей и книг. К словам ученого необходимо прибавить поступки, включая государственную службу — «делу, а не лицам».

Порой одни увлечения профессора мешали другим. «Как назло, — с досадой сообщал однажды Д.Я. графу А.С. Уварову, — скопилась такая масса дел по университету и к съезду естествоиспытателей в Варшаве, что в течение последнего месяца и не имел никакой возможности уделить хотя несколько дней на обработку имеющихся у меня археологических материалов»[8]. Но обычно ему удавалось согласовывать одно с другим. Вот тому образец из письма уже к П.С.Уваровой: «Хочется подвинуть печатание второго тома «Архивного материала», чтобы закончить его зимой, а в будущее лето быть свободным для работ по [Археологическому] съезду; по этой причине воспользуюсь только месячным отпуском, с половины июля; 25 августа уже начинаются университетские экзамены и лекции»[9].

В нашей историографической литературе объектом анализа чаще всего выступают письменные тексты; в лучшем случае печатные работы дополняются архивными документами. Те или иные практические действия, общественно значимые шаги представителей гуманитарных наук если и упоминаются, то в виде «бесплатного приложения» к их интеллектуальным биографиям. «Мне кажется, — сетовал в данной связи С.С.Аверинцев, — что у нас есть слегка суеверное отношение к печатному слову в отличие от устного слова ... Написанное остается ... Но ведь и то, что сказано, сделано, тоже услышано ... Свой вес имеет в жизни всё ...»[10].

Таким образом, работа Самоквасова-чиновника и общественного деятеля — не просто фон, внешнее материальное условие, дающее возможность этому автору в другое время удовлетворять возвышенные духовные интересы, как то не раз бывало в истории науки и культуры. Жизненный опыт и научные устремления этого человека гармонировали, разные направления и периоды его плодотворной деятельности предполагали и обеспечивали друг друга. Его биография, которую я постарался в общих чертах воссоздать, несёт в себе не только (а может быть, и не столько) сугубо историографическое, внутриакадемическое, но также идейно-нравственное значение. Какие-то черты его мировоззрения мне лично малосимпатичны и кажутся архаичными (утрированный монархизм прежде всего). Но патриотизм Дмитрия Яковлевича отличался не показным, а деятельным характером. Сегодня, когда в очередной раз повторяется прыжок России от ужасного тоталитарного прошлого в туманное будущее, опыт наших славных предшественников, таких, как Дмитрий Яковлевич Самоквасов, выглядит вдохновляюще.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книгу о Д.Я.Самоквасове я начал писать в 1980 г. На тот момент в моем распоряжении имелись лишь неточные и противоречивые энциклопедические статейки о нем, да выборочная библиография его печатных работ в картотеках центральных книгохранилищ страны. Собрать печатные и архивные данные о жизни и деятельности моего персонажа, побывать в тех краях, где он жил и работал, было бы невозможно для меня без самоотверженной помощи многих лиц и организаций. Приятный долг — душевно поблагодарить тех, кто разделил со мной интерес к теме и действенно способствовал ее изучению и изложению, предварительной публикации обнаруживаемых материалов.

Сотрудники курских, черниговских, владимирских, петербургский и московских библиотек и архивов благосклонно консультировали меня и обязательно выполняли мои заказы на необходимые для работы издания и документы, за что высказываю им всем сердечную благодарность.

Незаменимую помощь при создании оригинал-макета этой книги оказал автору А.А.Федин.

Для восстановления доброй памяти о Д.Я.Самоквасове особенно много сделали специалисты Российского государственного архива древних актов — бывшего самоквасовского МАМЮ — его директор М.П.Лукичев, заместитель директора Ю.М.Эскин, заведующий читальным залом А.И.Гамаюнов, научные сотрудницы С.Р.Долгова, Е.Е.Лыкова, Л.Н.Прокофьева, Е.Б.Лукьянова и др., организовавшие первые архивные чтения в честь своего знаменитого предшественника и выставку документов к ним (ноябрь 1993 г.) [1].

В трудах А.А.Формозова очерчен социально-исторический и общекультурный контекст становления и дальнейшего развития отечественной археологии, вне которого нельзя представить себе роли отдельных ее представителей. Удивительно точные и нужные, заинтересованные подсказки и поправки, внесенные Александром Александровичем, поддерживали мою работу на всем ее протяжении. Благодаря А.А.Формозову и его коллегам из редакции журнала «Российская археология» были впервые опубликованы многие документы самоквасовского архива [2], другие материалы на эту тему под рубрикой «История науки».

В окончательный текст книги несколько существенных уточнений

внесла также как редкий специалист по историко-юридическим вопросам Ирина Ардаллионовна Емельянова, доцент Казанского университета.

Ю.А.Липкинг, Э.А.Сымонович, А.Е.Алихова-Воеводская, а затем К.Ф.Сокол и В.В.Енуков предоставили мне счастливую возможность участвовать в их экспедициях к тем археологическим памятникам на курской земле, изучение которых начинал Д.Я.Самоквасов. В ноябре 1991 г. В.В.Енуков и Н.А.Тихомиров организовали в Курске научную конференцию «История и археология юго-востока Руси», посвященную 80-летию со дня кончины Д.Я.Самоквасова. В материалах конференции увидело свет своеобразное завещание археолога — перечень всех его раскопок и разведок, собственноручно составленный им незадолго до смерти [3].

С руководителями Курской археологической экспедиции — Владимиром Васильевичем и Ольгой Николаевной Енуковыми я в 1990–97 гг. неоднократно и с большой пользой обсуждал различные аспекты самоквасовской биографии и связанных с ней сюжетов.

В труднейших условиях кризиса государственных отношений между Украиной и Россией многие украинские коллеги проявили профессиональную заинтересованность и, я бы сказал, гражданское мужество в разработке научного наследия нашего общего знаменитого земляка. В.М.Зубарь (Киев) [4], А.Б.Супруненко (Полтава) [5], В.Б.Звагельский (Сумы) [6] напечатали обнаруженные мной материалы о вкладе Самоквасова в изучение и охрану украинских древностей. В.П.Коваленко (Чернигов), А.П.Моця (Киев) и их сотрудники организовали международный историко-археологический семинар, посвященный 150-летию со дня рождения Д.Я.Самоквасова (сентябрь 1993 г.). В работе семинара и сборнике материалов прозвучавших на нём докладов участвовали авторы из многих городов Украины и России, чья исследовательская специализация так или иначе продолжает самоквасовскую [7].

Особую благодарность должно высказать великодушной москвичке О.Н.Сычевой, сберегшей и предоставившей мне не публиковавшиеся до сих пор фотоматериалы из семейного альбома Самоквасовых. Ольга Николаевна получила их в наследство от своей тетки по материнской линии Натальи Борисовны — супруги племянника Д.Я.Самоквасова Александра Петровича. Будучи по отцу праправнучкой декабриста И.А.Анненкова и Полины Гёбль, О.Н.Сычева бережно хранила и эти фамильные реликвии и предания, много сделала для их музеефикации. Ее стараниями поддерживается в порядке самоквасовское надгробие на Новодевичьем кладбище, где похоронена и воспитавшая ее тетка.

Между прочим, впервые на самоквасовское надгробие на Новодевичьем мое (тогда еще ребенка) внимание обратили на экскурсии туда в 1960-е гг. мои родители — Павел Михайлович и Александра Михайловна Щавелёвы, родившиеся в Подмосковье и учившиеся, работавшие в Москве в гг. 1920–30-е.

Их внуку, моему сыну Алексею посвящается эта книга, чья рукопись — его ровесница; шумом своих детских игр он мешал мне писать ее, а школьными вопросами, затем студенческими советами помог завершить работу над ней.

8.02. 1991; 4.07.1995; 28. 02. 1998.

Курск — д.Клиновая Медвенского района Курской области — Новгород-Северский — с.Стахорщина Новгород-Северского района Черниговской области — Чернигов — Москва.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912. С.27. См. также: Щавелев С.П. Д.Я.Самоквасов – историк русского государства и права // Государство и право. 1993. № 2. С.114–120.

2. См.: Самошенко В.Н. Д.Я.Самоквасов как историк-архивист // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984.

3. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.23.

4. См.: Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С.117.Достойное место заняла фигура Самоквасова и в недавно опубликованной монографии на ту же тему: Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб., 1992. С.132–133, 159, 162, 168–170, 179, 184, 221, 224, 241, 329, 378. См. также: Щавелев С.П. Д.Я.Самоквасов – эскиз археологического наследия // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993.

5. Анучин Д.Н. Д.Я.Самоквасов как археолог // Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып.2. М., 1914. С.410.

6. См. хотя бы: Назаренко А.В. [Рец. на кн.:] Goehrke C. Fruhzeit des Ostslaventums. Darmstadt. 1992. // Средневековая Русь. I. М., 1996. С.177–181; Мурашова М. Была ли древняя Русь частью великой Швеции?; Петрухин В. «От тех варяг прозвася...»; Мельникова Е. Тени забытых предков // Родина. 197. №10. Россия и Швеция: 12 столетий. —

7. См. одну из самых последних и представительных сводок по отечественному урбогенезу: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.2. Славянский средневековый город. М., 1997.

8. См.: Щавелев С.П. Д.Я.Самоквасов – историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3. С.177–183.

9. См.: Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995.

10. См.: Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; Советская историография. М., 1996.

11. Ключевский В.О. С.М.Соловьев // Очерки и статьи. Второй сб. Пг., 1918. С.25.

12. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.321.

13. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982. С.3.

14. Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение серии. М., 1987. С.156.

15. Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1990. С.156.

16. Селье Г. От мечты к открытию. Как стать ученым. М., 1987. С.87.

17. См. подробнее: Щавелев С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994.

Глава I. Малая родина – Новгород-Северский.

1. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Ч.XLVIII. Черниговская губерния. СПб., 1866. С.IX.

2. См.: Танский И. Село Стахорщина, Новгород-Северского уезда // ЧГВ. 1858. № 12.

В «Географическом и статистическом словаре Российской Империи» П.П.Семенова о Стахорщине сказано: «В 21 версте от города, при ручье Малотече, по почтовому тракту из Новгород-Северского в Сосницу. Число жителей 589. Дворов 64. Почтовая станция. Кирпичный завод. Около села находится месторождение фаянсовой глины, ... криница (источник) – вода считается целебной ...» (Т.4. Спб., 1873. Стб.756). Место рождения Д.Я.Самоквасова правильно указывают только украинские справочники, например, «Украинский советский энциклопедический словарь»: «Хутір поблизу с. Стахорщини» (Т.3. Киев, 1968. С.209). Эта формулировка взята из послужных списков ученого. —

3. Весьма преклонных лет крестьянка из Стахорщины в беседе со мной в 1983 г. вспомнила фамилию одного из богатейших помещиков здешних мест – Серб-Савич, на которых батрачили ее односельчане. Эта фамилия есть в «Списке землевладельцев Новгород-Северского уезда, имеющих право избирать уполномоченных для участия в уездном избирательном съезде»[дворянства] // ЧГВ. № 54. Самоквасовых в этом списке нет. Их земельное владение было мизерным. См.: Материалы

для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделением при губернской земской управе. Т.XII. Новгород-Северский уезд. Чернигов, 1884. С.171–172.

4. Данные о хуторе Самоквасовых, извлеченные из разновременных статистических источников, представлю в виде таблицы:

Год сбора данных	Число жителей			Число дворов
	мужчин	женщин	всего	
1858 *	5	4	9	?
1866 **	5	4	9	3
1884 ***	?	?	?	1
1890 ****	?	?	4	?
1897 *****	?	?	4	1
1924 ******	?	?	9	1

* См.: Черниговская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1866. С.112.

** См.: Списки населенных мест Российской Империи ... С.112.

*** См.: Материалы для оценки земельных угодий ... С.59.

**** См.: Движение народонаселения в Черниговской губернии за 1884, 1885 и 1866 гг. // Земский сборник Черниговской губернии. 1890. № 2. С.65.

***** См.: Русов А.А. Описание Черниговской губернии. Т.II. Чернигов, 1899. С.194.

****** См.: Список населенных мест Черниговской губернии. 1924 г. Чернигов, 1924. С.74.

При самоквасовском хуторе была водяная мельница. (См.: ГАЧО. Ф.942. Оп.1. Д.3683. Каталог промышленных предприятий с. Стахорщины, Рыковской волости, Н.-Северского уезда за 1920 г. Л.3). Она исправно молола муку вплоть до 1930-х гг., потом была перенесена выше по течению, где оно посильнее, а в 1970-е гг. ее переместили в третий раз, уже на сушу, снабдили электромотором и с его помощью мельница работает по сей день.

5. Формулярный список о службе управляющего Московским архивом министерства юстиции тайного советника Д.Я.Самоквасова. 15. IX. 1911 г. // РГИА. Ф.1405. Оп.525. Д.843. Л.1об.

В предшествующих послужных списках Д.Я.Самоквасова значилось по поводу имения: «Родовое, неразделенное с двумя братьями около 400 десятин земли в Орловской губернии Севского уезда; в Черниговской губернии Кролевецкого и Н.-Северского уездов, в хуторе близ с. Стахорщины» (РГИА. Ф.733. Оп.150. Д.1477. Л.26). В других формулярах профессора упоминается и «господский дом» около того же села. Сравнение этих и цитированного выше, в главе 1 формуляров Д.Я. позволяет сделать вывод, что унаследованное от родителей недвижимое имущество он уступил в конце концов братьям.

6. Последний по Табели о рангах, XIV чин. Общественное положение чиновников этого нижайшего класса выразительно охарактеризовано А.С.Пушкиным в «Станционном смотрителе»: «Сущий мученик XIV класса, защищенный своим чином токмо от побев и то не всегда ...» (Собр. соч. в 10 тт. Т.5. М., 1960. С.86). К началу XX в. средний брат – П.Я.Самоквасов дослужился всего лишь до XII классного чина губернского секретаря (См.: Календарь Черниговской губернии на 1893 г. Чернигов, 1892. С.289). Младший брат – И.Я.Самоквасов также тянул чиновничью лямку – служил в Одесской конторе государственного банка (См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц ... Российской империи. Ч.I. СПб., 1900. С.351).

Скудные условия жизни не были редкостью для захиревших дворянских родов Украины. Также с хлеба на квас перебивались на Черниговщине, например, потомственные дворяне Миклухи, чей внук прославился путешествиями к папуасам.

7. Чичерин А.В. Сила поэтического слова. Статьи. Воспоминания. М., 1895. С.250.

8. Первые советские историки археологии делили представителей этой достаточно специальной науки на «аристократов», «помещиков, капиталистов», «мелкобуржуазных интеллигентов, тесно спаянных с крупным капиталом и мелкобуржуазные элементы» (Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. С.122). Подобные классификационные дизъюнкции в отношении археологов практиковались ее советскими исследователями и много позднее. Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру перехода от капитализма к социализму и коммунизму. ... Это потребовало принципиальной борьбы за внедрение марксистско-ленинской методологии во все науки об

обществе ... К таковым относилась и археология, где господствовали буржуазные и буржуазно-дворянские взгляды» (Пряхин А.Д. История советской археологии (1917–середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. С.3). Сегрегация ученых-гуманитариев по мнимоклассовому признаку послужила обоснованием репрессий против них большевистских властей (См.: Формозов А.А. Археология и идеология (20-30-е гг.)// Вопросы философии. 1993. № 2; Его же. Русские археологи до и после революции.М., 1995 (Гл.7. «Разгром»); Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е гг. М., 1994).

9. Сначала речь идет о сельском священнике и его сыне, пошедшем по стопам отца в дьячки*; затем выплывает дворянин, отставной поручик-кавелерист Даниил Самоквасов, жительствующий, между прочим, как раз в Новгород-Северском уезде**; попадаются и еще два Самоквасовых – мелкие чиновники Матвей Васильевич и Алексей Андронникович, разом уволившиеся из межевого суда***; потом – мещанка Анастасия Степановна и ее муж Иван Тарасович****; а в заключение – еще одна дворянка – Мария Сергеевна*****

* См.: ГАЧО. Ф.679. Оп.2. Д.4060. Дело Черниговской духовной консистории о назначении дьячком с. Лукнова Логгина Андреева Самоквасова. 1826 г.

** См.: ГАЧО. Ф.128. Оп.1. Д.10663. Дело канцелярии гражданского губернатора по отношению Военного министерства ... о получении патента уволенному от службы поручику Самоквасову. 1846 г.

*** См.: ГАЧО. Ф.127. Оп.2 а. Д.410. Дело Черниговского губернского правления ... об увольнении коллежского регистратора Матвея Самоквасова от службы по порошению. 1858 г.; Д.413 сходного содержания.

****См.: ГАЧО. Ф.127. Оп.786. Д.248. Дело Черниговского гражданского правления по прошению мещанки А.С.Самоквасовой о выдаче ей отдельного вида на жительство. 1906–7 гг.

***** См.: ГАЧО. Ф.127. Оп.1504. Д.169. Дело Черниговского губернского правления по делу Коропского сиротского суда о выдаче опекуну имущества умершей дворянки М.Самоквасовой. 1908 г.

Фамилия Самоквасовых, скорее всего южнорусская по происхождению, встречается, вообще говоря, в различных краях России. Скажем, в известных романах П.И.Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» выведен казанский купец Петр Самоквасов и его родня, обрисованные автором с явной симпатией. «Петр Степанович был на все лады молодец. За что ни возьмется, дело у него горит, кипит, само делается» (Мельников П.И.(Андрей Печерский). В лесах. Кн.2. М., 1958. С.513).

10. Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии ... Составлен ... графом Г.А.Милорадовичем. Чернигов, 1890. С.19.

11. «... Офицерский чин в то время давал потомственное дворянство и я не раз слышал от отца, – вспоминал знаменитый поэт А.А.Фет-Шеншин, – по поводу какого-то затруднения, встреченного им в герольдии: «Мне дела нет до их выдумок; я кавалерийский офицер и потому потомственный дворянин» (Фет А.А. Воспоминания. М., 1983. С.127).

То же самое мог сказать и прадед Д.Я.Самоквасова. Впоследствии чин, дававший подобную привилегию, несколько раз повышался – тем самым ее получение значительно затруднилось. Что касается воинского звания предков Д.Я., то оно связано с принципами дислокации и должностной структурой украинского казачьего войска. Его полки состояли из сотен, а те квартировали по разным городкам. «Здесь жил сотник и прочая сотенная старшина, начальству коей подлежали одни казаки, но в действительности ... всё население сотни» (Миллер Д.П. К истории Новгород-Северского // Труды XIV АС в Чернигове. 1909. Т.III. М., 1911. С.328. См. также: Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т.2. Полк Нежинский. Киев, 1893).

12. См.: Метрическое свидетельство Ивана Яковлева Самоквасова, выданное консисторским архивом Успенской церкви села Стахорщины Новгород-Северского уезда // СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.3885. Л.3.

13. Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т.I. Ч.1–2. СПб., 1901. С.80.

14. РГАДА. Ф.337. Оп.4. Д.2128. Л.4-4 об.

15. Собственных документов Новгород-Северской гимназии в фондах Черниговского областного архива нет. Встречаются лишь разрозненные упоминания о ней в переписке губернского начальства. Факт обучения Д.Самоквасова в этой школе и результаты оного установлены по его личному делу из архива Петербургского университета. См.: СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.2. Стоящее доныне здание гимназии построили

в 1844 г. (См.: ЧГВ. 1844. № 39), интернат при ней открыли 28 января 1848 г. (См.: Сообщение дирекции об открытии общей ученической квартиры при Новгород-Северской гимназии // ЧГВ. 1848. № 9).

16. Ушинский К.Д. Дневник, относящийся к гимназическим годам // Собр. неизданных соч. К.Д.Ушинского. Т.III. Материалы для биографии. СПб., 1908. С.4 (2-й паг.).

17. «Эту гимназию, которой питомцем был и я (с 1812 по 1819 гг.), мой дядя любил, как дитя своё, – писал М.А.Максимович, – был в ней весь, до изнеможения сил, и поставил ее на высокую степень совершенства» (Воспоминания о Тимковском // Киевская старина. 1898. 1898. Т.XIII. № 11. С.264. См. также об этом замечательном просветителе и энциклопедисте: Тимковский И.Ф. Записки // Русский архив. 1874. Кн.I. Вып.6. Стб.1421–1453; Шугуров Н.В. Илья Федорович Тимковский – педагог старого времени // Киевская старина. 1891. Кн.10. С.85–86.

18. См.: Шульгин В. История университета Св.Владимира. Спб., 1860. С.30–31.

19. Одна из самых первых краеведческих публикаций в отечественной периодике принадлежала учителю математики именно этой школы: Сбитнев И.М. Новгород-Северский // Отечественные записки. 1828. № 96. С.105–137; № 97. С.313–333. Этот же автор (?–1856) оставил воспоминания о своей гимназии: Записки Ивана Матвеевича Сбитнева (Из времени учреждения на Волыни и Подолии, после восстания 1831 г., русских школ взамен польских) // Киевская старина. 1887. Кн.2. С.285–291; Кн.5. С.52–55.

20. Ушинский К.Д. Дневник... С.4–5.

21. Там же. С.7.

22. Представления о познаниях Дмитрия-гимназиста можно получить по аналогии с дошедшим до нас школьным аттестатом его младшего брата Ивана, окончившего ту же гимназию несколькими годами позже. Тот поступил в нее «из дома родителей» 9-ти лет и, проведя там 12 лет «при поведении отличном», выказал «весьма удовлетворительные успехи» в Законе Божием, русском языке, географии, латыни; удовлетворительные – по русской словесности, математике, физике, истории, французскому и немецкому языкам. См.: СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.3385. Л.4. При сравнении надо учесть, что в университетет Иван учился несколько хуже старшего брата.

23. Северянин. К 100-летию Новгородсеверской гимназии // ЧГВ. 1888. № 74. С.5.Воспоминания «Северянина» описывают его гимназические годы – рубежа 1850–60-х гг., что как раз соответствует ученичеству здесь и Д.Я.Самоквасова. Среди разъехавшихся по стране выпускников гимназии автор упоминает жителей Варшавы, скорее всего имея в виду именно Д.Я.

24. Ушинский К.Д. Дневник... С.10–11.

25. См. хотя бы: Новгород-Северский. Фотоальбом. Киев, 1985; Новгород-Северский. Город десяти веков. Фотопутеводитель. Киев, 1989.

26. ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб.339.

27. См.: Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси: историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.

28. См. подробнее: Коваленко В.П. Любецький з'їзд в історії Чернігово-Сіверської землі // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997.

29. Библиотека литературы Древней Руси. Т.IV. XII век. М., 1997. С.255.

30. См.: Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1983. С.227.

31. См.: Сведения о курганах и городищах Черниговской губернии // Рукописный архив ИИМК. Ф.4. Оп.1. Д.218. Л.4.

32. См.: Памятники истории и культуры Украинской ССР. Киев, 1987. С.602.

33. Ушинский К.Д. Дневник... С.14–15.

34. См.: Чернигову 1300 лет. Сб. документов и материалов. Киев, 1990. С.3,5; Коваленко В.П. Древнерусские храмы Чернигова // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М., 1995. С.22–25.

35. Самоквасов Д.Я. – Курской УАК. 26.X.1904 // ГАКО. Ф.2. Оп.1. Л.104.

36. См.: Щавелев С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.–Брянск, 1996.

1. Потому, что «ученики и воспитанники Гимназий, не окончившие в оных полного курса обучения, допускаются к испытанию в студенты не прежде, как по истечению времени, равного тому, какое следовало им еще пробыть в гимназии для окончания полного курса ... Из 7 класса – не ранее, как через год со времени выбытия из гимназии» (Правила, относящиеся до приема молодых людей в Императорский Харьковский университет // КГВ. 1845. №22. С.318).

2. О принятии в число студентов Дмитрия Яковлева Самоквасова. 29.IX.1862 – 23.XI.1868 // СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.2–2 об.

3. Там же. Л.1.

4. Там же. Л.2 об.

5. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Статьи. Эссе. Заметки. Л., 1987. С.276.

6. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.5.

7. Там же. Л.6.

8. Там же. Л.10.

9. См.: Юридический факультет Императорского С.–Петербургского университета. 1819–1894 гг. (Историческая справка к 75-летию С.–Петербургского университета) // Журнал юридического общества при С.–Петербургском университете. 1894. № 3. С.6–7. (2-й паг.).

10. См. воспоминания сокурсника Д.Я.Самоквасова по факультету: Шимановский М.В. Мои профессора и мое студенчество (Петербургский университет 1863–1867 гг.). Одесса, 1892. С.24–26, 47–48.

11. Дорошевич В.М. Интеллигенция // Избр. страницы. М., 1986. С.62.

12. Специальное исследование положения студентов 1860-х гг. см. в кн.: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С.238–265.

13. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.9. Ср.: «Со всех слушающих лекции в Университетах и Лицеях, за исключением лишь казенных студентов, взимается плата: в университетах С.–Петербургском и Московском по 40 рублей серебром. ... От платы за учение освобождаются ... сироты и дети совершенно недостаточных родителей, не иначе, как по усмотрению Попечителей Учебных округов» (Положение о взимании платы за учение в высших и средних учебных заведениях // КГВ. 1845. № 47. С.627, 629). Вскоре сумма оплаты за лекции возросла до 50 рублей в год, взносимых по полугодиям.

14. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.18.

15. Там же. Л.11.

16. Там же. Л.15.

17. Там же. Л.11.

18. Там же. Л.21.

19. Гарин-Михайловский Н.Г. Студенты. Инженеры. М., 1981. С.213.

20. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.27.

21.См. там же: Свидетельства Д.Самоквасова на право свободного проживания в С.–Петербурге. Л.8, 17, 28, 38.

22. Там же. Л.13.

23. Величковский П.П. – Самоквасову Д.Я. 6.VII.1883 // ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.25. Л.31.

24. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.27.

25. Там же. Л.29–30.

26. Там же. Л.33.

27. Там же. Л.35.

28. Там же. Л.35.

29. Там же. Л.33.

30. Там же.

31. Там же. Л.24.

32. Там же. Л.25 об.

33. Там же. Л.26.

34. Там же.

35. О зачислении в студенты Ивана Яковлева Самоквасова. 12.VIII. 1868 – 31.V.1873 // Там же. Д.3585. Л.6–6об. По приведенному прошению Ивану выдали 25 рублей. Однако, в отличие от старшего брата, пособие это не пошло ему впрок и он был оставлен на 1 курсе повторно, на 1869/70 учебный год – получил на экзамене у П.Г.Редкина («из энциклопедии юридических и политических наук») единицу. Надо заметить, что строгость этого профессора обоих столичных университетов вошла у тогдашних студентов в легенду. Редкин говаривал своим ученикам: «Положительно, никто не может быть образованным юристом, хоть будь семи пядей во лбу и хоть занимайся науками 50 лет», – свидетельствует

мемуарист – Я.П.Полонский (Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С.256). Напомню, что Д.Самоквасов получил у Редкина по юридической энциклопедии пятерку.

Личное же дело Ивана Самоквасова пестрит просьбами от отсрочке платы за лекции, выдаче денежных пособий и врачебными свидетельствами в еще большем количестве, нежели дело его старшего брата. Только на 4 курсе, в 1872/73 учебном году Иван наконец платит за обучение в срок – видимо, получив очередную субсидию от Дмитрия, ставшего к тому времени преподавателем Варшавского университета. Раньше того Дмитрий делился с родными своей магистерской стипендией. Так, в июне 1869 г. он писал секретарю по студенческим делам, своему старому знакомцу и доброжелателю Н.Н.Погорелову: «... Получите от казначея, по доверенности, за июнь 49 руб. и передайте брату моему, потому что иначе ему с сестрой не на что выехать из Петербурга» на каникулы (СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.3585. Л.62).

Перед тем же адресатом Дмитрий хлопотал о пересдаче проваленного Иваном экзамена: «Сделайте отеческую милость, примите участие в подателе сего письма, брате моем и наставьте, что ему делать? Видите ли, он обрезался у Редкина. Кто виноват у них, кто прав – судить не нам, впрочем, знаю, что брат занимался энциклопедией и знает, кажется, ее; а это, как Вам известно, влечет за собой не одну потерю года, но и невозможность получить не только стипендию, но и освобождение от платы за слушанье лекций» (Там же. Л.61–61 об.).

В конце концов Иван окончил университет в мае 1873 г. со званием действительного студента и приличным аттестатом (См. там же. Л.54).

36. Напомню, что первая ученая степень – кандидата той или иной науки – присваивалась тогда в России наиболее отличившимся в учебе студентам (при пятибалльной шкале оценок требовалось за годы учебы набрать средний балл не менее 4,5). Кроме того, на выходе из высшей школы они представляли диссертацию, которая должна была получить одобрение факультета. Та соответствовала, пожалуй, нынешней дипломной работе или же нашему реферату для поступления в аспирантуру. У некоторых молодых ученых кандидатское сочинение становилось первой опубликованной статьей (как у Д.Я.Самоквасова) или даже монографией (как у В.О.Ключевского).

37. См.: Диплом С.–Петербургского университета, выданный

Д.Я.Самоквасову. 23. XI. 1868 // РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.10043. Л.1.

38. Григорьев В.В. Императорский С.–Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. С.429.

39. Там же. Приложение V. Список студентам и вольным слушателям, окончившим в Университете полный курс наук со степенью кандидата или со званием действительного студента. С.CXXI.

40. Об этом можно судить хотя бы по тематике диссертаций непосредственных учителей Д.Я.Самоквасова по университету. Цивилист С.В.Пахман: «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии» (М., 1851); специалист по уголовному праву А.П.Чебышев-Дмитриев: «О преступном действии по русскому допетровскому праву»(Казань, 1862); известный государствовед А.Д.Градовский: «Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры» (СПб., 1866 – магистерская, как и все вышеназванные) и «История местного самоуправления в России» (СПб., 1868 – докторская); а научным руководителем Градовского был проф. И.Е.Андреевский, который получил степень доктора государственного права за диссертацию «О наместниках, воеводах и губернаторах» (СПб., 1864), т.е. опять-таки за историко-правовое исследование; мн. др.

41. В 1901 г. Совет Петербургского университета разработал проект нового «Положения об испытании на ученые степени», где, помимо прочего, предлагалось на юридическом факультете для магистерских испытаний выделить разряд истории русского права. Но этот проект утвержден не был. См.: Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С.151; более подробно: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994.

42. Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С.123–124. Ту же самую мысль встречаем в мемуарах и о предреволюционных годах: «Юридический [факультет – С.Щ.] в то время был общеобразовательным, на него шли люди, которые ничем особенно не интересовались, но им нужен был диплом о высшем образовании для чисто служебных целей» (Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М., 1995. С.78).

43. Афанасьев А.Н. Из воспоминаний // В его кн.: Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С.11.

44. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.49.

45. Шимановский М.В. Мои профессора и мое студенчество... С.9.

46. Памяти Александра Дмитриевчиа Градовского. СПб., 1890. С.5, 20–24.

47. Акад. Б.Д.Греков, который неоднократно ссылался на работы Д.Я.Самоквасова в своих исследованиях, попутно сетует на стилистику письма этого историка-юриста. Отдавая этому автору приоритет в постановке и решении некоторых сложных вопросов социально-экономической истории России, он предупреждает: тот «облек свои мысли в такую форму, пользовался такой своеобразной терминологией, что много надо затратить предварительных усилий, чтобы понять подлинную сущность мыслей автора» (Греков Б.Д. Краткий очерки истории русского крестьянства. М., 1958. С.172).

48. См.: Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. Государственная школа историко-правовой мысли России давно и разносторонне изучена. См. обзор: Китаев В.А. Государственная школа в русской историографии: время переоценки? // Вопросы истории. 1995. № 3. С.161–164. Противоположное ей направление той же науки выделено и охарактеризовано И.А.Емельяновой как школа общинная или же общественная. См.: Емельянова И.А. Историко-правовая наука в России XIX в. Ч.II. История русского права. Казань, 1988.

49. СПб.ГИА. Ф.14. Оп.5. Д.2413. Л.62–62 об.

50. О Ходаковском см. подробнее: Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988. С.8–26.

51. Вестник Европы. 1819. № 20. С.280.

52. Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С.18.

53. Срезневский И.И. О городищах в землях славянских, преимущественно западных // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т.2. С.532.

54. См.: Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С.331–360.

55. Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С.3.

56. На книгу: Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993, где выдвигается гипотеза о «языческом

ренессансе» на Руси X–XIII вв., в отдельных ее областях, последовали убедительные возражения в рецензии В.П.Даркевича (Российская археология. 1996. № 4).

57. Самоквасов Д.Я. Северянская земля ... С.3.

58. Разные точки зрения на исторические судьбы и разновидности городищ см. в кн.: Куза А.В.Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII вв. // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. Воронеж, 1983; Его же. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.17–34; Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990. С.28–71; Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси // Вопросы истории. 1994. № 10. С.43–60; Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.2. Славянский средневековый город. М., 1997; мн. др.

59. Современные оценки самоквасовского вклада в разработку проблемы раннего урбанизма см.: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.8–9; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С.9–10; Алферова Г.В. Русские города XVI–XVIII вв. М., 1989. С.13–16, 25; Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С.15–16.

60. См.: Равдина Т.В. Погребения с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С.25 [«денарий: Гронинген, епископ Бернольд (1027–1054)].

61. Дальнейшие, сто лет спустя после самоквасовских, раскопки этих памятников в принципе подтвердили и развили выводы первоисследователя: Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С.6–38; Кашкин А.В., Узянов А.А. Об одном «несостоявшемся городе» на верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

62. ПВЛ. СПб., 1996. С.8.

63. Самоквасов Д.Я. О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории // ЧГВ. 1872. № 45. С.2.

64. Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С.639.

65. См. подробнее: Щавелев С.П. И.Е.Забелин и Д.Я.Самоквасов:

моменты сотрудничества // Научные чтения [ГИМ] к 170-летию И.Е.Забелина. М., 1990.

Глава III. Первая половина службы – Варшава

1. См.: Александренко А. Высшее юридическое образование в Царстве Польском XIX в. и его организация // Журнал юридического общества. 1894. № 4. С.54; Есипов В.В. Высшее образование в Царстве Польском за сто лет (1815–1915). Варшавский университет. Пг., 1914. С.9–10; Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С.23.

2. См.: Авенариус Н.П. Варшавские воспоминания // Исторический вестник. 1904. № 5. С.421–445; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983, С.44; Докудовский В.А. Мои воспоминания // Труды Рязанской Губернской ученой архивной комиссии. Вып.1. Рязань, 1899; Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т.1. 1883–1886. М., 1966. С.91, 489–490.

3. Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С.726–727.

4. Сын Отечества. 1905. 24 сентября. С.2.

5. См. подробнее: Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б.Антонович, М.В.Довнар-Запольский и их ученики). М.–Брянск, 1997.23–28. Доцентское начало работы Антоновича в Университете Св.Владимира автор этой книги миновал.

6. Последний по времени критический обзор современного состояния проблемы: Даркевич В.П. К проблеме происхождения древнерусских городов // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997.

7. «Советский энциклопедический словарь» (М., 1980. С.1175) и ряд других справочных изданий приводят неточную дату получения Самоквасовым профессуры – 1877 г. Ее нужно, следуя многим формулярным спискам о его службе, исправить на 1873 г. См., например: ЦГИАМ. Ф.418. Оп.62. Д.525. Л.17–27 об.

В центральных университетах России профессура предоставлялась только лицам, защитившим диссертацию на высшее ученое звание – доктора той или иной науки. В Варшавском же, с его особым статусом

(см. выше, сноску 1 данной главы) в низший профессорский разряд (экстраординарный) в виде исключения допускались некоторые магистры. Кроме Самоквасова, например, – Н.И.Кареев. Это и привлекало на службу сюда молодых, подающих надежды ученых.——

8. Примем в расчет: прожиточный минимум интеллигентной семьи, скажем, университеского преподавателя, не слишком многочисленной, составлял в России второй половины XIX в. не менее 3000 рублей в год (Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983). Из этой суммы, с горькой иронией отмечали современники, «профессору предоставлено было питаться на 33 копейки в сутки [что соответствует, пожалуй, по нынешнему курсу 33 деноминированным рублям – С.Щ.], никогда не болеть и не ездить на извозчиках» [при отсутствии другого общественного траспорта – С.Щ.], ибо такие расходы не умещались в указанные размеры его жалования (Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. № 2. С.720–721. Ученых и преподавателей выручало нередкое соместительство нескольких должностей, а кое-кого и доходы от земельной собственности, ценных бумаг и т.п. частных источников.

9. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.798. Л.3.

10. См.: Самоквасов Д.Я. О методе ученой разработке исторических источников. Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете // ЖМНП. 1873. № 11.

11. Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1920) – историк, археограф, публицист. Выпускник и магистр богословия Петербургской духовной академии, приват-доцент Московского университета, директор московского Коммерческого училища (1907–1911). Младший брат Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) основателя Московского музея изящных искусств, ныне носящего имя А.С.Пушкина. Самоквасов долгое время дружески общался, переписывался с братьями Цветаевыми, особенно с Дмитрием Владимировичем, в бытность того профессором русской истории историко-филологического факультета Варшавского университета. После кончины Д.Я. Д.В.Цветаев сменил его на посту управляющего МАМЮ.

12. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.32.

13. «Д.Я.Самоквасов, декан, будет читать для студентов 1 и 2 курсов историю русского права по 5 часов в неделю, из которых 3 часа будут

посвящены систематическому обзору источников и институтов русского права, 1 час экзегезе древнейших памятников и 1 час репетициям» (ВУИ. 1887. № 7. С.11).

14. РГИА. Ф.733. Оп.121. Д.8. Л.144–144 об.

15. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.34.

16. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.782. Л.65.

17. Тур К.Н. Студенческие годы (Воспоминания о Варшавском университете) // Русская старина. 1912. № 9. С.427.

18. Там же. С.442.

19. Брюсов В.Я. Стихи. М., 1972. С.361.

20. Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908. С.109.

21. См. о негативных сторонах тогдашней высшей школы в России автобиографическую статью Д.И.Писарева «Наша университетская наука», а также воспоминания университетских выпускников следующих поколений. Например: Вересаев В.В. В студенческие годы // Воспоминания. М., 1982.

22. См.: Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ // ВУИ. 1912. № 3.

23. ВУИ. 1887. № 7. С.104.

24. Университетский суд, созданный по либеральному уставу 1863 г., рассматривал дела о нарушениях студентами правил высшей школы и о конфликтах между студентами и преподавателями. В его состав входили трое авторитетных профессоров, один из которых должен был быть юристом – как Д.Я.Самоквасов в Варшаве. Меры административного взыскания, вплоть до исключения, налагаемые этим судом, передавались на усмотрение Совета университета.—

Сами студенты рассматривали университетский суд как одну из своих привилегий, составную часть университетской автономии. После упразднения таких судов реакционным уставом 1884 г. студенческая масса выразила острое неудовольсвие. А.П.Чехов, как очевидец, писал А.С.Суворину 9 марта 1890 г.: «У нас грандиозные студенческие беспорядки. ... Студиозы, окруженные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на конях и с пиками, требуют следующее: 1) Полная автономия университетов. ... 6) Учреждение университетского и студенческого суда. ... Это скопировано мной с прокламации» (Чехов А.П. Переписка

в 2-х тт. Т.1. М., 1894. С.219–220).

25. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.219–220.

26. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.33.

27. РГИА. Ф.1654. Оп.1. Д.235. Л.2.

28. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.34.

29. Павинский А.[И.] Доисторическое время в Царстве Польском. Археологический очерк. Варшава, 1875. С.10.

30. См.: Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

31. РГИА. Ф.733. Оп.149. Д.164. Л.1 об.–2.

32. Уварова П.С. Д.Я.Самоквасов как член ИМАО// Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып.2. М., 1914. С.440. Об отношении Л.Н.Толстого к П.С.Щербатовой (с 1559 г. – Уваровой) см. в кн.: Жданов В. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993. С.34–35, 80.

33. См. подробнее: Щавелев С.П. Д.Я.Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых // Уваровские чтения–II. М., 1994. С.52–57.

34. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С.217.

35. Формозов А.А. Начало изучения кмаенного века ... С.86.

36. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л.178.

37. См. одну из первых работ по этой, явно недооцененной историографами теме: Комарова И.И. Московское Археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // АЕ за 1989 г. М., 1990. В ней использованы только печатные источники. Огромный архивный фонд ИМАО и его сотрудников на местах остается по большей части неизученным. Статьи «Археологические общества», «Археологические съезды» появились в наших энциклопедиях совсем недавно: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. С.121.

38. Часть переписки Самоквасова и Уваровых опубликована мной: Щавелев С.П. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я.Самоквасова) // Российская археология. 1993. № 1. С.224–225, 227–228

39. Самоквасов Д.Я. О поднесении графу А.С.Уварову золотой медали от членов Тифлисского съезда археологов // Труды V АС в Тифлисе. 1881. М., 1887. С.XCIV–XCV. См. также: Формозов А.А. А.С.Уваров

и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С.246–249.

40. Репродукция медали с профилем А.С.Уварова в кн.: Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т.II. СПб., 1883. С.263. Табл. VII.

41. Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Чёрной могилы // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1984. № 3.

42. См.: Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

43. См.: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск–М., 1995. С.171.

44. Претич соотнесен (в высшей степени гипотетично) с Чёрной могилой Д.А.Мачинским. См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С.243.

45. См.: Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи //Десинские древности. Брянск, 1995.

46. См.: Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996.

47. См.: Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О применении рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсионного анализа в археологии // Вестник МГУ. Серия 8 «История». 1997. № 1.

48. См.: Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. Брянск– СПб., 1995.

49. См.: Петрухин В.Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1975. № 2.

50. См.: Щавелев С.П. Образ змея-дракона в эпической мифологии и его археологическая реплика – зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы // Юдинские чтения–96. Курск, 1996.

51. См.: Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории; Историческое значение городищ // Труды III АС в России. Т.1. Киев, 1878.

52. Завитневич В.З. Научное значение археологических раскопок // Труды Киевской духовной академии. 1887. № 8. С.2–3.

53. См.: Родина. 1996. № 12. С.29.

54. Костомаров Н.И. Исторические произведения ... С.639.

55. Первым репродуцировал и истолковал древности из черниговских курганов сам находчик: Самоквасов Д.Я. О раскопках кургана Чёрная могила в Чернигове // Известия ИРГО. Т.X. СПб., 1874; Его же. Древние земляные насыпи их значение для науки // Древняя и новая Россия. 1876. Т.1.№ 3–4; др. С тех пор к их анализу много раз возвращались историки, археологи, искусствоведы: Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып.V. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897. С.14–19, 70–71; Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. № 11. Т.1. М.–Л., 1949; Его же. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л., 1872. С.6–15 (Здесь лучшие – крупномасштабные, цветные репродукции серебряной обкладки ритонов); Василенко В.М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М., 1977. С.144–157; Макарова Т.А. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С.127–134; Чернецов А.В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988; Молчанов А.А. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Чёрной могилы // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 1988; Петрухин В.Я. К начальной истории русского искусства. Ритоны из Чёрной могилы и тюркско-иранская традиция // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995; др.

56. Проблема влияния археологических раскопок на культурно-исторический ландшафт последнее время осознается заново и обостренно: Макаров Н., Чернов С., Кренке Н. Археология. Открытия или утраты? // Знание – сила. 1990. № 5. Неучтенный авторами опыт Д.Я.Самоквасова по восстановлению черниговских курганов после их раскопок усиливает их аргументы в пользу конструктивной археологии.

57. Макаренко Н. [Е.] Городища и курганы Полтавской губернии (Сборник топографических сведений). Полтава, 1917. С.1.

58. См. подробнее: Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (Анкета Д.Я.Самоквасова 1872–73 гг. и ее результаты) // Российская археология. 1991. № 1.

59. См.: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.412–416 (Список древнерусских укрепленных поселений); Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

60. Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод

археологических памятников. М., 1996. С.7–8.

61. См.: Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. М.,1895; Его же. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI АС. Т.1. М., 1901; Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевы) валы, находящиеся в бассейне р.Сулы // Труды XI АС. Т.1. М., 1901; Его же. Городища, курганы и длинные (змиевы) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII АС. Т.1. М., 1907; Его же. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевы) валы в области Днепровского Левобережья // Труды XIV АС. Т.3. М., 1911; Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии // Труды Виленского ПК. Вильна, 1893; Его же. Археологичсекая карта Гродненской губернии // Труды IX АС. Т.1. М., 1895; Его же. Археологическая карта Ковенской губернии // Труды X АС. Т.3. М., 1900; Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии // Труды XI АС. Т.1. М., 1901; др.

62. См., например, карту древнерусских урбанонимов с формантом «-скъ»: Моргунов Ю.Ю., Щавелев С.П. «Курескъ на Тускорh»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.2. Славянский средневековый город. М., 1997. С.264.

63. Самоквасов Д.Я. Археологические карты В.Б.Антоновича. Киев, 1906. С.7–8.

64. Макаренко Н.[Е.] Городища и курганы Полтавской губернии ... С.11.

65. Известия ИАК. Вып.5. СПб., 1903. С.2.

66. Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археологии. 1975. № 4. С.9.

67. См.: Уваров А.С. Лекции, читанные в МАО. 1879 г. // Сборник [малых трудов]. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. Т.III. М., 1910. С.193–195.

68. См. подробнее: Щавелев С.П. Становление археологической методологии и методики в России (Вклад А.С.Уварова и Д.Я.Самоквасова) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С.9–12.

69. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп. 1877 г. Д.4. Л.6–6 об.

70. Там же. Л.7.

71. Там же. Ф.1. Оп. 1878 г. Д.14. Л.16–18.

72. Например, в 1910 г. А.В.Орешников отказалася принять в ГИМ клад дирхемов, найденный с.Береза Дмитриевского уезда Курской губернии, так как он не содержал в себе редких экземпляров. Клад был выкуплен полицейским управлением за 350 рублей – по весу драгоценного металла и потерян для науки. См. подробнее: Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып.1. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, 1997. С.57.—

73. Котляр Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С.91.

74. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.335.

75. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.4. Оп.1. Д.38. Л.79.

76. О понятиях методологии и методики см. подробнее: Покорытов Г.А. О природе научного метода. Л., 1988; Щавелев С.П. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996 (Параграфы: «Теория, метод, методология»; «Методика и технология производства»).

77. См.: Макушников О.А. О неизвестном типе погребальных памятников радимичей // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київскої Русі. Чернігів, 1997.

78. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1980. С.5.

79. Отдел рукописей РНБ. Ф.386. Оп.1. Д.103. Л. 1 об.

80. Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С.4.

81. Уваров А.С. Раскопки Самоквасова // Сборник мелких трудов. Т.II. М., 1910. С.149.

82. См., например: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С.254, 258, 272–273, 312–334; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.36, 77–78; др.

83. См.: Граков Б.Н. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д.Я.Самоквасова // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т.1. М., 1928. С.69–80.

84. См.: Труды ГИМ. Вып.XI. Сб. статей по археологии СССР.

М., 1940.

85. Самоквасов Д.Я. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878. С.7.

С нынешними приемами раскопок и новыми достижениями российских археологов читатель-неспециалист может познакомиться благодаря целому ряду научно-популярных изданий: Берестов В. Государыня пустыня. М., 1968; Путешествия в древность / Под ред. В.Л.Янина. М., 1983; Деревянко А.П. Ожившие древности: рассказы археолога. М., 1986; Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990; Никитин А.Л. Распахнутая земля. М., 1973; Его же. Костры на берегах. Записки археолога. М., 1986; Окладников А.П. Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Хабаровск, 1989; Федоров Г.Б. Возвращенное имя. М., 1986; Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988; Шилов Ю.А. Космические тайны курганов. М., 1990; Щукин М.Б. Машина времени и лопата. Кишинев, 1991; Буров В.А. Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М., 1994; Древности нашего Отечества // Природа. 1994. № 8; некоторым др. изданиям этого увлекательного жанра.

86. Танков А.А. Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. 1910. № 4. С.287.

87. Древности. Труды ИМАО. Т.VII. Вып.1. М., 1877. С.48 (2-й паг.).

88. Маркевич А.И. Стихотворения археологов Е.Е.Люценко и В.Г.Тизенгаузена // Известия Таврической ГУАК. 1910. № 44. С.80–81.

89. См.: Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895; Его же. Археологические раскопки. СПб., 1910.

90. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф.4. Оп.1. Д.54. Л.65.

91. См. подробнее: Щавелев С.П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я.Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии / Под ред. А.А.Формозова. М., 1991. С.25–50.

92. См.: Богданов А.П. Курганные черепа области древних северян (Суджанское длинноголовое население по р. Пслу) // Антропологическая выставка (АВ). Т.II. М., 1878; Его же. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // АВ. Т.III. Ч.1. М., 1879; Его же. О черепах людей каменного века, найденных до сего в России // АВ. Т.IV. Ч.1. М., 1886.

93. См. специально: Левин М.Г. А.П.Богданов и русская антропология // Советская антропология. 1946. № 1. С.204. Объективный очерк необычной биографии и противоречивой личности А.П.Богданова см. в кн.: Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988. С.43–63.

94. См., например: Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 1; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.–Л., 1948. С.259–261; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. Новейшие споры антропологов о соотношении морфологии черепа и культурно-цивилизационной истории человечества см.: Эволюция Homo sapiens. Традиционные механизмы и новые факторы // Человек. 1997. № 6. Отдаленные предпосылки такого рода дискуссии находятся в опыте сотрудничества естественника Богданова и гуманитария Самоквасова.

95. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп1. Д.25. Л.87.

96. Известия ИОЛЕАЭ. Т.XXXV. Вып.1. М., 1881. С.11.

97. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.25. Л.71.

98. См.: Лебединская Г.В. Российская школа антропологической реконструкции //Этнографическое обозрение. 1997. № 6.

99. См.: Lege L. Rapport a' son excellence le ministre de l'instruction publique sur une mission scientifique pres le congre's archeologique de Kiev. Paris, [1875]; Rambaud A. L'histoire de la Russie depuis les origines jusqu'a l'annee 1874. Paris, 1878. P.37; Proffessor Samokwassow's untersuchngen an goroditshen und kurganen // Russishe Revue. 1880. Bd. 16–17; De Baye J. Le congr'es international d'antropologie et d'arche'ologie pre'historique de Moskou en 1892. Paris, 1893. P.23–24; Rambaud A. Histoire de la Russie depuis les origines jus'qua nos jours. Paris, 1900. P.36–37. 897. См. переиздание перевода одной из работ А.Рамбо с рефератом самоквасовских публикаций о городищах: Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М., 1994. С.26–27, 29–30.

100. АВ. Описание предметов выставки. Вып.2. Отдел доисторический. Сост. Д.Н.Анучин. М., 1879. С.9; Вып.3. Отдел краниологический. Сост. А.П.Богданов. М., 1879. С.9–12, 17. См.

также: Гладкова Т.Д. Антропологическая выставка 1879 г. и основание музея антропологии // Советская антропология. 1959. № 2.

101. Самоквасов Д.Я. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей черниговских для XIV АС // Труды Московского ПК по устройству XIV АС. Вып.1. М., 1906. С.5.

102. Отдел рукописей РНБ. Ф.386. Оп.1. Д.103. Л.3 об.

103. См.: Самоквасов Д.Я. Семейная община в Курском уезде // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.VIII. СПб., 1878.

104. См.: Этнические аспекты власти. СПб., 1995; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

105. См., например: Джаксон Т.Н. Он подготовил развитие исторической науки XIX века: Август Людвиг Шлёцер //Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.70–71.

106. См., например: Назаренко А.В. [Рец на кн.:] Gothrke C. Fruhzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992 // Средневековая Русь. I. М., 1996. С.166–167.

107. Самоквасов Д.Я. История русского права. Университетский курс. Кн.1. Варшава, 1888. С.146.

108. Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С.13.

109. Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С.8–9.

110. Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998. № 1. С.3.

111. Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне ... С.9.

112. См.: Самоквасов Д.Я. О происхождении русских и польских славян и о причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды VIII АС. Т.III. М., 1897. С.31–33.

113. Анучин Д.Н. Кто вводит в науку большие недоразумения? Вопрос и ответ г-ну профессору Д.Я.Самоквасову. М., 1888.

114. См.: Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

115. См.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.М., 1993. С.157–158.

116. См.: Петрухин В.Я. Дунайская предыстория славян и начальная Русь // Истоки русской культуры (археология и лингвистика) М., 1997.

117. Отдел рукописей РНБ. Ф.120. Оп.1. Д.1219. Л.2.

118. Там же. Л.4–5.

119. РГИА. Ф.733. Оп.122. Д.235. Л.28–29 об.

120. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.630. Л.190–190 об.

121. Труды [VIII] Большого АС в Москве. Т.IV. М., 1897. С.58–59.

122. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С.43.

123. Городцов В.А. Первобытная археология. М., 1908. С.89.

124. De Baye J. Le congre's international d'antropologie et arche'ologie prehistoriqes de Moskou en 1892. Paris, 1893. P.24.

125. Самоквасов Д.Я. Музей имени Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича // РГИА. Ф.1636. Оп.1. Д.147. Л.3.

126. РГИА. Ф.1654. Оп.1. Д.903. Л.1–1 об.

127. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп. 1887 г. Д.69. Л.14.

128. Орешников А.В. Собрание древностей Д.Я.Самоквасова в Историческом музее // Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып.2. М., 1914. С.415.

129. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп. 1891 г. Д.27. Л.3об.

130. Указанная архивная коллекция подготовлена мной к печати под заглавием: «История и археология в переписке из архива Д.Я.Самоквасова». См. предварительные публикации некоторых ее частей: Щавелев А.С. Эпизоды истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 1; Его же. Вклад Д.Я.Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии // 100-річчя Полтавського краезнавчого музею. Ч.2. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991; Его же. На пути изучения древностей Украины: сотрудничество Д.Я.Самоквасова и Н.Е.Макаренко // Полтавський археологічний сбірник. Т.3. Полтава, 1995.

131. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.34.

Глава IV. Вторая половина службы – Москва

1. О происхождении и составе МАМЮ см. подробнее: Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С.332; Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга

(XVIII– начало XX в.). М., 1990.

2. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914 гг.). Прага, 1929. С.271–272.

3. Ключевский В.О. Речь, произнесенная после похорон А.Н.Зерцалова // Неопубликованные произведения. М., 1983. С.137.

4. Наконец опубликован биографический очерк об этом предшественнике Самоквасова по руководству МАМЮ: Кириллов В.В. Н.А.Попов как историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1995. № 3.

5. Новомбергский Н.Я. Речь, произнесенная на похоронах Д.Я.Самоквасова // Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.42.

6. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.630. Л.36.

7. Очерк истории здания бывшего МАМЮ, нынешнего РГАДА и примыкающих к нему архивохранилищ см. в кн.: Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986; Автократова М.И., Долгова С.Р. Большая Пироговская улица, 17. М., 1988.

8. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп.1. Д.568. Л.104.

9. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн.1. Современное русское архивное нестроение. М., 1902. С.121.

10. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.728. Л.5.

11. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн.1. ... С.67–68.

12. Там же. С.71.

13. См. обстоятельный отчет ведущего «самоквасовца»: Шереметьевский В.В. Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в бывшем Московском архиве Министерства юстиции // Исторический архив. Пг., 1919. Кн.1. С.65–100. Обращу внимание на подзаголовки этой статьи: «Архивное нестроение» (при директорстве Иванова); «Начало археографических работ» (при Калачове и Попове); «Описание разрядных бумаг и столбцов» (под началом Самоквасова).

14. Чулков Н.П. Доклад, читанный в заседании Московского археологического общества, посвященном памяти Д.Я.Самоквасова // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн.XVII. М., 1912. С.VI.

15. Новомбергский Н.Я. «Слово и дело государевы». Т.1. // Записки Московского Археологического института. Т.XV. М., 1911. С.2.

16. Кротков А.А. Самоквасов Дмитрий Яковлевич // 25-летие

Саратовской ученой архивной комиссии. Исторический очерк. Краткие биографии членов. Саратов, 1911. С.31–32. Милюков резко критиковал («подвергал поношению», согласно протоколам VIII АС) самоквасовскую версию происхождения славян от скифов и даков, но общение с Д.Я. должно было сыграть свою роль в приобщении этого замечательного историка к вещественным древностям. См.: Формозов А.А. П.Н.Милюков и археология // Российская археология. 1995. № 2.

17. См.: Самоквасов Д.Я. Происхождение поместного права и общинного крестьянского землевладения Московского государства. Речь, читанная в торжественном собрании Московского университета. М., 1904; Его же. Крестьянство и земская реформа времени царя Ивана Грозного. М., 1906; Его же. Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909.

18. Греков Б.Д. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958. С.172–173; Его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Т.2. М., 1954. С.270; Его же. Киевская Русь. М., 1953. С.163.

19. См.: Зимин А.А. В канун грозных испытаний. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С.66–69; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С.76; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С.95; Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С.152–180; мн. др. работы данной тематики.

20. РГИА. Ф.814. Оп.1. Д.176. Л.5 об.–6.

21. ЦГАЛИ. Ф.553. Д.216. Л.42 об. Цит. по: Демина Л.И. Проблемы отечественной историографии в мемуаристике русских историков XIX– начала XX вв. М., 1990. С.34.

22. Документальную историю криминально-политического «дела Сташевского» см. в кн.: Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии ... С.146–154, 198–219.

23. Историки архивного дела стремятся дать объективную оценку деятельности Самоквасова как руководителя МАМЮ. Но, как ни странно, отголоски былого конфликта в этом архиве слышны по сию пору. Одни авторы склоняются на сторону противников самоквасовских описей. При чтении их работ складывается впечатление, что это их самих сей грозный начальник принуждал выполнять служебные

обязанности вместо писания диссертаций и отчетов по грантам. См.: Шохин Л.И. Описание документов в МАМЮ во второй половине XIX – начале XX в. // Советские архивы. 1987. № 2. С.53–58; Его же. План описания столбцов Поместного приказа в МАМЮ // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. С.16, 22–23. Другие исследователи с большим пониманием относятся к тому, чего и как добивался Самоквасов во главе своего учреждения. См.: Автократова В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // АЕ за 1981 г. М., 1982. С.15; Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С.118, 140–141; Шобухов М.Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955. С.37–40.

24. Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сборник государственных знаний. Т.IV. СПб., 1877. С.207.

25. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л.96–96 об.

26. См.: Брачев В.С. Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1997. С.56.

27. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Ч.1. Д.728. Л.11 об.

28. См.: Шумаков С.[А.]. Материалы для истории рязанского края. Вып.1. Рязань, 1898; Его же. Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. 2–4. М.,1900–1917; Его же. Сотницы (1537–1597), грамоты и записи (1561–1696 гг.). Вып.1. М., 1902;

29. РГАДА. Ф. 337. Оп.1. Ч.1. Д.728. Л.11 об.

30. Цит. по кн.: Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн.1. Приложение. С.31.

31. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий ... С.275.

32. См. любопытные образчики архивной публицистики недавних лет: Гримстед П. Прописи про описи // Литературная газета. 1989. 16 августа. С.5; Бацанова Г. С отмычкой в XIII век // Правда. 1989. 9 ноября. С.6; Петров Р., Черный А. Украденная история // Огонек. 1990. № 9. С.9–11; Пихоя Р.Г., Максимова Э. Пророчества из прошлого. Что знают архивы и что мы занем о них? // Известия. 1991. 20 февраля. С.4; Максимова Э. Сколькостоит наша история? О причинах разрыва российско-американского договора по архивам // Известия. 1996. 17 января. С.5; У истории не может быть границ.

Проблема с возвращением архивов тормозит культурное сотрудничество с Францией, утверждает директор Госархива РФ Сергей Мироненко // Новые известия. 1988. 3 марта С.7.

33. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.568. Л.94–94 об.

34. См.: Самоквасов Д.Я. Проект правил организации и направления деятельности правительственных центральных архивов Киевского, Виленского и Витебского. СПб., 1892 (На правах рукописи).

35. Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899. С.3.

36. См. также: Самоквасов Д.Я. Архивное дело на Западе. М., 1900.

37. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С.163.

38. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Т.1.М., 1902. С.18. Специальный разбор данного произведения архивоведческой мысли см.: Мазин К.А. Монография Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России» как исторический источник // Архивы в СССР. М., 1989. С.58–65.

39. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.736. Л.8 об.

40. См.: Шведова О.И. Указатель «Трудов» ГУАК и отдельных их изданий // АЕ за 1957 г. М., 1958. С.377–378; Макарихин В.П. ГУАК и их роль в развитии общественно-политической мысли России в конце XIX– начале XX века // История СССР. 1989. № 1. С.169–170; Писарькова Л.Ф. ГУАК: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.187–188.

Первая монография о феномене ГУАК (на частичном, но выразительном материале комиссий Поволжья): Макарихин В.П. ГУАК России. Нижний Новгород, 1991. 118 с.

41. Самошенко В.Н. История архивного дела ... С.163.

42. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры ... С.71.

43. Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов ... С.29.

44. Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск, 1893. С.32 (1-й пог.). См. также целый ряд материалов ГАКО о «разрешении продажи» на макулатуру старых архивных дел полицейских, судебных, благотворительных и др. учреждений губернии: Ф.33. Оп.2. Ч.4. Д.8788;

4844; 5753; 5789; 5790; 5798; 5858 и мн. др.

45. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного едла в СССР. Ч.1. М., 1941. С.286.

46. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.781. Л.7; Там же. Д.635. Л.135.

47. Труды Воронежской ГУАК. Вып.2. Воронеж, 1904. С.XIV.

48. Императорский Археологический институт в С.-Петербурге. Речи, адресы и приветствия. 1878–1908. СПб., 1908. С.15.

49. Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге проф. Д.Я.Самоквасова «Архивное дело в России». Оренбург, 1902. С.22–23.

50. Цит. по: Зубова Н.Л. Архивно-просветительские организации в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1990. № 2. С.68.

51. Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии ... С.23.

52. РГИА. Ф.733. Оп.143. Д.240. Л.183 об.

53. РГИА. Ф.746. Оп.1. Д.200. Л.1–4.

54. РГИА. Ф. 565. Оп.5. Д.20214. Л.8.

55. Там же. Л.1 об.

56. Там же. Л.1.

57. Там же. Л.5 об.

58. Там же. Л.6–7 об.

59. Там же. Л.8 об.

60. Там же. Л.15.

61. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.3. Оп.1. Д.411. Л.40–40 об.

62. РГИА. Ф.733. Оп.143. Д.240. Л.142.

63. Там же. Л.138.

64. Багалей Д.И. О необходимости превращения Харьковского исторического архива в Центральный архив. М., 1900. С.8.

65. РГИА. Ф.484. Оп.1. Д.1035. Л.6.

66. РГИА. Ф.733. Оп.143. Д.240. Л.174–174 об.

67. Там же. Л.146–147.

68. РГИА. Ф.1284. Оп.241. Д.116. Л.252.

69. РГИА. Ф.484. Оп.1. Д.1035. Л.9.

70. Там же. Л.12-12 об.

71. Русские ведомости. 1903. № 350. 21 декабря.

72. Мазин К.А. Проекты архивной реформы в России конца XIX–

начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. историч. н. М., 1987. С.4.

73. Труды состоящей под Августейшим его Императорского Величества Государя Императора покровительством Черниговской ученой архивной комиссии. Вып.IV. Чернигов, 1905. С.61.

74. Чепелева И.Д. Социальный состав членов научно-краеведческих обществ Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.–Курск, 1994. С.158.

75. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л.186.

76. Там же. Л.178.

77. Там же.

78. Цит. по: Хорхордина Т. История и архивы. М., 1994. С.9.

79. РГИАМ. Ф.418. Оп.62. Д.525. Л.7.

80. См.: Конкурс на соискание кафедры истории русского права в Московском университете. Дсклад заслуженного профессора Д.Я.Самоквасова, составленный по поручению факультетской конкурсной комиссии. М., 1903.

81. См.: Мануйлов А.А. Разбор ученых работ профессоров А.Н.Филиппова и М.А.Дьяконова и отзыва о них заслуженного профессора Д.Я.Самоквасова. М., 1903.

82. Ключевский В.О. Руская историография. 1861–1893 гг. // Неопубликованные произведения. М., 1983. С.381; Его же. Соч. в 9-ти тт. Т.VII. Специальные курсы. М., 1989. С.486.

83. См.: Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С.592.

84. 25-летие Саратовской УАК ... С.32.

85. Осоргин М.А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С.62–63.

86. Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.140.

87. Загоскин Н.П. История права русского народа. Т.1. Казань, 1899. С.138.

88. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.351. Л.92.

89. См., например: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; Культуральная антропология. СПб., 1996.

90. См.: Орлов В.И. Студенческое движение в Московском университет в XIX столетии. М., 1934. С.105–106.

91. Самоквасов Д.Я. К материалам по университетской реформе. М., 1901. С.14.

92. РГИА. Ф.922. Оп.1. Д.18. Л.1 об.

93. Об этом учебном заведении см.: Историческая записка Императорского лицея в память цесаревича Николая за 30 лет. М., 1899; Вишняков П.М. В Катковском лицее. Записки старого пансионера. М., 1908.

94. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.782. Л.57–58.

95. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.635. Л. 180 об. См. также: Львов А.Н. Нужен ли нам Археологический институт и какой именно? СПб., 1894.

96. РГИА. Ф.733. Оп. 142. Д.917. Л.32.

97. Период становления этого замечательного археолога с редкой скрупулезностью изучен в работе: Жук А.В. Василий Алексеевич Городцов в первые годы его научной деятельности // Археология Сибири: историография. Омск, 1995.

98. Городцов В.А. Из дневника // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С.114. Пророчество Самоквасова насчет МАИ как «лавочки для продажи дипломов», по мнению Городцова, «отчасти сбылось, будучи оправданным Успенским» — директором института.

99. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.120.

100. См.: Мекк А.К. Справочник МАИ. М., 1909; Отчет о состоянии Императорского МАИ имени Императора Николая II в 1911–1912 академическом г. М., 1914. С.43–46; 142–143.

101. См.: Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV АС. М., 1916; Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.С.459–460.

102. Отдел рукописей РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.3. Л.1–1 об.

103. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.568. Л.104–104 об.

104. 25-летие Саратовской УАК ... С.31–32.

105. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.568. Л.78.

106. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.25. Л.65.

107. Цит. по : Бондаренко И.А. Красная площадь Москвы. М., 1991. С.186.

108. Уварова П.С. Д.Я.Самоквасов как член ИМАО // Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып.2. М., 1914. С.442–443.

109. 25-летие Саратовской УАК ... С.32.

110. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.25. Л.109.

11. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп. 1. Д.26. Л.15.

112. Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове ... С.VII.

113. См.: Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорегиона // Археологические микрорегионы Западной Сибири. Омск, 1997. С.53 и след.

114. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.26. Л.26.

115. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.26. Л.3–4.

116. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.568. Л.101 об.

117. Речь профессора Д.Я.Самоквасова 5 августа 1908 г. в торжественном юбилейном заседании XIV АС. Чернигов, 1908. С.5.

118. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.26. Л.24.

119. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.25. Л.131.

120. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.782. Л.48.

121. Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М., 1985. С.6.

122. См. подробнее: Щавелев С.П. «Москва. Девичье поле. Архив. Профессору Самоквасову...» // Московский журнал. 1992. № 7. С.52–58.

Глава V. Курское пристанище

1. В краеведческой литературе, музейных экспозициях, справочниках административного деления и на географических картах с 1950-гг. закрепилось неточное название села — «Кленовое». Дореволюционная картография приводит изначальное и, значит, правильное название — «деревня Клиновая», «село Клиновое». См.: Списки поселений по волостям и уездам Курской губернии. 1887 г. // ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.96. Л. 21 об.; Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С.238. «Клиновой» до сих пор называют деревню сами ее обитатели. По их разъяснению, наименование места их жительства происходит не от слова «клён», а от слова «клин», имея в виду клин земли — пахотной или же изрезанной оврагами и поросшей рощицами, клиньями деревьев.

У В.И.Даля в словаре читаем: «Вообще мн. клинья, но о земле и о картах говорят «клины», отсюда «клиновой», ко клину относящийся». С уходом в прошлое земельной чересполосицы название села оказалось произвольно переосмыслено пришлыми картографами в искаженное «Кленовое» и так фигурирует в целом ряде изданий; например, на туристской схеме Курской области. Необходимо исправить досадную неточность.

2. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп. 1891 г. Д.54. Л.6 об.

3. См.: Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Курская область. М., 1979. С.81–82.

4. См.: Переверзев И.Е. Народный музей Д.Я.Самоквасова // Школа и родной край. Курск, 1967. С.57–61; Щавелев С.П. Не менее Шлимана славен ... Профессор Самоквасов и Курский край // Городские известия. 1993. 21 августа. С.4. —

5. См.: Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995.

6. См.: Енуков В.В. Летописные сведения 1283–1284 гг. и география округи Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С.126; Щавелев С.П. Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Ч.1. Курск, 1997.

7. Памяти Димитрия Яколвевича Самоквасова ... С.45.

8. Анучин Д.Н. Д.Я.Самоквасов как археолог // Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып.2. М., 1914. С.410.

9. Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978. С.88.

10. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С.16.

11. Лесков Н.С. Зимний день (пейзаж и жанр) // Собр. соч. в 11-ти тт. Т.9. М., 1958. С.400.

12. 25-летие Саратовской УАК ... С.32.

13. См.: Щавелев С.П. Археологический почин курского учителя А.И.Дмитрюкова в 1820–30-е гг. // Российская археология. 1996. №4.

14. ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.116. Л.66–66 об.

15. См.: Библиотечная книга изданиям и рукописям, поступавшим в Курскую ГУАК с 11 апреля 1903 г. по 26 апреля 1911 г. // ГАКО. Ф.2. Оп.1. Д.28. Л. 19–19 об.

16. К примеру, на заседании 14 мая 1904 г. «помощник председателя Комиссии А.Н.Кобылин прочитал свой реферат о Зеленом кургане ... в Корочанском уезде. ... Ему возразил П.Г.Попов, полагавший курган татарским. ... Кобылин сказал, что он, при определении типа Зеленого кургана, придерживался классификации проф. Д.Я.Самоквасова, авторитет которого, вероятно, признает и П.Г.Попов» (Труды Курской ГУАК. Вып.1. Курск, 1911. С.31).

17. ОПИ ГИМ. Ф.104. Оп.1. Д.26. Л.113.

18. См.: ГАКО. Ф.2. Оп.1. Д.11. Л.3. Когда в Курске еще не было специализированного общества краеведов, каким стала Архивная комиссия, некто А.А.Филиппенко из Обоянского уезда прислал в ИМАО письмо, в котором указывал на городище «Гачево» [правильно – Гочево] и предлагал свои услуги для раскопок его. Предложение это не нашло поддержки (Древности. Труды ИМАО. Т.XVI. М., 1900. Протоколы. С.61).

19. См.: Щавелев С.П. К.П.Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

20. Златоверховников Н.И. Памятники старины и Нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С.64.

21. См. об этом: Щавелев С.П. Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Миф и история. М., 1996.

22. Труды Курской ГУАК. Вып.1. С.75.

23. «... В 1909 г., – писал, между прочим, Есипов (вернее, писарь под диктовку слепца), – приезжал какой-то профессор – делал испытание, отыскал кладбище поодаль горы, отрывал человеческие трупы, убранные драгоценностями, но гору под названием «Городище» не раскапывал ...» (Заявление И.Н.Есипова курскому губернатору. 20.02. 1912 г. // ГАКО. Ф.2. Оп.1. Д.21. Л.19–20). Таким образом первые гочевские раскопки отразились в сознании местных жителей.—

24. Труды Курской ГУАК. Вып.2. Курск, 1915. С.31–32.

25. Дневник раскопок в окрестностях с.Гочева, Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я.Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915. С.IV.

26. Там же. С.V.

27. См.: Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псёл в

XI–XII вв. (По материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 2.

28. ГАКО. Ф.2. Оп.1. Д.21. Л.83.

29. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.781. Л.84 об.

30. См.: Щавелев С.П. Курский дебют П.С.Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3–4. С.17–18.

31. См.: Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев. Биографический очерк. СПб., 1994.

32. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп.1912 г. Д.116. Л.1.

33. Там же. Л.17–46.

34. Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с.Гочева, Обоянского уезда Курской губернии) // Ученые записки гос. Саратовского им. Н.Г.Чернышевского ун-та. Т.1. Вып.3. Саратов, 1923. С.40.

35. См.: Глазов В.Н. Отчеты о раскопках в Обоянском уезде в 1913, 1915 гг. // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.1. Оп.1912, 1915 гг. Дд. 123, 93.

36. Отчет ИАК за 1913-15 гг. Пг., 1918. С.170.

37. Отчетные материалы гочевских раскопок Б.А.Рыбакова оказались разрознены и по сути затеряны. Мне удалось выявить его конспективный отчет о них в Рукописном архиве СПб.ИИМК (Ф.35. Оп. 1937 г. Д.239. Л.2–8; долгое время хранился среди бумаг И.И.Ляпушкина), а «список негативов Гочевской экспедиции» в ГАКО (Ф. Р–3139. Оп.1. Д.148. Л.20–22). Сами негативы на стекле, без подписей переданы из КОКМа в КГОМа; с них удалось изготовить качественные фотографии рабочих моментов и общих видов раскопок Б.А.Рыбакова. Их вещевой материал в свою очередь оказался разрознен и депаспартизирован при хранении в КОКМ. Одну из неординарных находок этой коллекции – зооморфное «острие» из рога косули – мне удалось заново атрибутировать с помощью В.И.Склярука. См.: Щавелев С.П. Образ змея-дракона в эпической мифологии и его археологическая реплика – зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы // Юдинские чтения–96. Курск, 1996. Самый подробный очерк итогов той экспедиции: Самсонов В. Раскопки на Гочевском городище // Литературный альманах. Кн.2. Курск, 1940.

38. См.: Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985. С.131–132; Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

39. См.: Александров Ю.А. Поиски древнего Рима // Знание – сила. 1968. №8; Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1972. С.87–90. Имеются и другие локализации летописного Римова. Из них самая настойчивая связана с городищами у с. Великая Буримка на нижней Суле: Моргунов Ю.Ю. К изучению летописного города Римова // Российская археология. 1989. № 1. Отдавая должное проделанным автором этой локализации повторным разысканиям – полевым, текстологическим и историографическим, попутно отмечу слабые места и в его построениях (любезно высказанные мне А.В.Зориным). Так, по логике рассуждения Ю.Ю.Моргунова войско Кончака штурмовало только одно из двух рядом расположенных синхронных городищ – Городок, оставив в своем тылу, на 1 версту, большее по размеру укрепленное поселение Мисто, чьи валы, судя по шурфовке их оснований этим автором, остались в домонгольское время целы. Между тем, в соответствующем сюжете Ипатьевской летописи говорится о полной гибели самого города и о спасении части «римовичей», покинувшей обреченный город и сражавшихся с врагами на болоте, куда конница степняков, очевидно, не имела доступа. Оставлять в ближнем тылу целой русскую крепость и отступать дальше, будучи обремененным добычей и полоном, для Кончака вряд ли было благоразумно – та могла если не своими силами преследовать его, то направить на его точный след русских князей «с помочью», карауляющих врага у Канева, от коего рукой подать до Великой Буримки, но очень далеко до верхнепсельского Гочева. Подкупает энтузиазм автора буримовской локализации и в таком ее моменте, как отождествление частичной, на 40 м нивелировки «мощного вала» Городка с «проходом войска Кончака вместе с груженными полоном обозами», якобы размесившими «колесами и копытами остатки вала почти до основания» (Цит. соч. С.216). Пожалуй, не то что конному полку да тележному обозу, но и танковой дивизии не под силу такой подвиг по изменению рельефа местности. Судя по этнографическим аналогиям с гуннами, татаро-монголоами и т.п. кочевниками, пленных они гонят исключительно пешим ходом, но никак не на телегах. Автор сам отмечает прогон местными жителями скота на водопой через это городище, так что куда реалистичнее предположить причиной частичного повреждения вала прокладку удобной дороги в новейшее время. В итоге вопрос о

локализации летописного Римова, пожалуй, остается пока открытым, а многие аргументы Ю.А.Липкинга по этому поводу в силе.

40. См.: Стародубцев Г.Ю. Некоторые итоги и перспективы исследований Гочевского археологического комплекса // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996; Его же. Продолжение охранных раскопок Гочевского курганного могильника // АО 1995 г. М., 1996.

Глава VI. На рубеже времен

1. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.772. Л. 1 об.
2. РГАДА. Ф. 337. Оп.1. Д. 9 об.
3. РГАДА. Ф. 337. Оп.1. Д.772. Л.31.
4. Материалы этого доклада Д.Я.Самоквасова были учтены межведомственным совещанием при правительстве о национальных цветах России: РГАДА. Ф. 337. Оп.1. Д.781. Л.116.
5. См.: Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах. М., 1910; Трутовский В.К. К вопросу о государственных цветах и о типе государственного знамени в России. М., 1911 (Репринт: М.–Л., 1990), а также: Рабинович М.Г. Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию А.В.Арциховского. М., 1972. С.176–181.
6. См.: Самоквасов Д.Я. К вопросу о государственных цветах древней России. М., 1910.
7. Новейший этап дискусии о российской государственной геральдике соединил историю и политику – Государственная Дума РФ никак не утвердит новых государственных символов из-за обструкции депутатов-коммунистов и вопреки разумным доводам государственного герольдмейстера Г.Вилинбахова. См.: Вилинбахов Г. Флаги России // Наука и жизнь. 1990. № 12; Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991; Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993; др. публикации на эту тему, историографическим истоком которой выступила полемика с участием Самоквасова в 1910-х гг. —
8. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.568. Л.108 об. – 108 а.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп.1. Д.568. Л. 108 в – 108 в об.
10. 25-летие Саратовской УАК ... С.31–32. Упоминаемый

мемуаристом отставной полковник – слушатель лекций Самоквасова – скорее всего Никандр Александрович Маркс (1860–1921). Он окончил МАИ в 1910 г. и в дальнейшем стал профессором археологии и палеографии, а вернувшись в связи с мировой войной в армию, дослужился до генерал-лейтенанта. См. о нем: Волошин М. Дело Маркса // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. —
11. РГИА. Ф.1278. Оп.2. Д.1450. Л.23–67.
12. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.38.
13. Русское слово. 1911. 9 августа. С.1.
14. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова ... С.6–7.
15. Там же. С.23–24.
16. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф.3. Оп.1. Д.416. Л.14. К сожалению, текст этого доклада Спицына опубликован не был.
17. Древности. Труды ИМАО. Т.XXIII. Вып. 2. М., 1914.
18. См.: Каталог библиотеки Д.Я.Самоквасова. М., 1912.
19. См.: Назарова А.М. Научная бибилиотека ЦГАДА СССР // Исторический архив. 1960. № 5.
20. РГАДА. Ф.364. Оп.1. Д.286. Л.6 об.
21. РГАДА. Ф.364. Оп.1. Д.286. Л.5.
22. РГАДА. Ф.337. Оп.1. Ч.1. Д.31. Л.1–1 об.

Заключение

1. См. подробнее: Щавелев С.П. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996 (Гл. «Когнитивный стиль (манера) работы»).
2. Платонов С.Ф. Василий Осипович Ключевский // Платонов С.Ф. Соч. Т.1. СПб., 1912. С.498.
3. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и чоерки. Л., 1985. С.459.
4. Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С.19.
5. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С.4.
6. Чехов А.П. Соч. в 12-ти тт. Т.4. Рассказы. 1886. М., 1961. С.514.
7. Цит. по: Федоров А. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. М., 1984. С.59.

8. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.351. Л.61.
9. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.635. Л. 155 об.
10. Аверинцев С.С. Не утратить вкус к подлинности ... // Огонек. 1986. № 32. С.12.

Благодарности

1. См.: Щавелев С.П. Научные конференции, посвященные Д.Я.Самоквасову // Архив русской истории. Вып.4. М., 1994; Его же. 150-летие со дня рождения Д.Я.Самоквасова. Юбилейные мероприятия // Российская археология. 1994. № 4.

2. См. публикацию малой выборки из эпистолярного архива ученого, большая часть которого хранится в ОПИ ГИМ: Щавелев С.П. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я.Самоквасова) // Российская археология. 1993. № 1.

3. См.: Археология и история юго-востока Руси / Тезисы конференции (26–28 ноября 1991). Курск, 1991. 100 с.

4. См.: Щавелев С.П. Д.Я.Самоквасов: заповіт археолога // Археологія. Киев, 1991. №1.

5. См.: Щавелев С.П. Вклад Д.Я.Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии // 100-річчя Полтавського краезнавчого музею. Ч.II. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991; Его же. На пути изучения древностей Украины: сотрудничество Д.Я.Самоквасова и Н.Е.Макаренко // Полтавський археологічний сбірник. Вып.3. Полтава, 1995; Его же. Этнографические материалы в научном наследии археолога Д.Я.Самоквасова // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры). СПб., 1997.

6. См.: Щавелев С.П. Юбилей Д.Я.Самоквасова // Сумська старовина. Сумы, 1996.

7. См.: Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я.Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я.Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993. 110 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТРУДОВ Д.Я.САМОКВАСОВА

После 1917 г. ни одна из работ Д.Я.Самоквасова ни полностью, ни частично не переиздавалась. Все они давно стали библиографическими редкостями, многие отсутствуют в крупнейших библиотеках Российской Федерации, не говоря уже о странах СНГ и дальнем зарубежье. Самые важные статьи и книги ученого я старался упомянуть в его жизнеописании. Но при пересказе и кратком цитировании сплошь и рядом слабеет накал творческой мысли любого автора, блекнет его собственный стиль, тем более у такого разностороннего исследователя и страстного пропагандиста отечественных древностей, как этот. Поэтому предлагаю вниманию читателей несколько цельных фрагментов из некоторых его сочинений, подобранных в соответствии с кругом научных интересов и общественных начинаний профессора, но менее известных сегодня даже специалистам по сравнению с «Городами древней России», «Основаниями хронологической классификации ...», «Могилами Русской земли», «Северянской землей ...», «Крестьянами древней России», «Гочевскими древностями» и некоторыми другими, на которые до сих пор довольно часто ссылаются историки и археологи. По архивной части впервые публикуются два письма Самоквасова, а по части полевой археологии перепечатывается (ввиду повышенной ценности этого документа для археологов и краеведов разных регионов) список его раскопок, выявленный и атрибутированный мной в РГАДА. Сделанные публикатором сокращения отмечены отточием в квадратных скобках, туда же помещены пояснительные добавления к текстам.

I

«I. Должны быть приняты меры к сохранению городищ и курганов. Россия — единственная страна в Европе, обладающая богатством исторического материала, могущего осветить для науки историческую эпоху, остающуюся до сих пор покрытой непроницаемым мраком; материала, сохранившегося только благодаря меньшей заселенности Востока Европы по сравнению с Западом. Но с каждым годом этот материал уменьшается путем распашки и раскопки кладоискателями и

людьми, не имеющими возможности произвести раскопку научным путем, точно описать и оценить значение найденных вещей. Будем ли ждать, пока древние могилы и селитьбы сделаются у нас так редки, что не будут в состоянии ответить на те вопросы, какие мы теперь можем им предъявить? До новейшего времени по неведению не принимали мер к сохранению древних земляных насыпей, сохранившихся в пределах земель древнерусской славян и не знали, что они интересны для нашей истории, — черниговские раскопки [1872–73 гг.] показали их действительное значение; а следовательно, если и ныне не примем мер к сохранению городищ и курганов, то будем виновны в сознательной растрате драгоценнейшего из национальных имуществ — национальных древностей.

II. Должны быть начаты систематические раскопки курганов и городищ людьми, сведущими в истории, подготовленными для раскопок и снабженными подробными и обязательными для них инструкциями. Каждая земляная насыпь, разрытая с соблюдением правил, требуемых наукой, сохраняется для науки; каждая насыпь, распаханная плугом, раскопанная ради пустого любопытства или кладоискателем, уничтожается бесследно. Раскопка курганов подобна изданию письменного памятника, с той разницей, что ошибки в издании писанного памятника могут быть исправлены при его втором издании, так как оригинал сохраняется в архиве. Раскопкой курганов оригинал уничтожается, а следовательно, неполнота в описании раскопки или ошибки в этом описании, в большинстве случаев, уже не могут быть исправлены. А между тем, точное описание устройства могил и обрядов погребения, открываемых раскопкой курганов данной местности, более важно для решения вопроса о народности курганов, нежели вещи, в них находимые, так как одинаковые вещи могут принадлежать различным племенам одной эпохи. Я вполне убежден, что если до 1873 г. не было разрыто в пределах России ни одного кургана с определенными признаками славянской народности (См.: Труды Московского Археологического общества. Т.III. Вып.3. М., 1873. Статья графа [А.С.]Уварова), то это было только потому, что при раскопках обращали внимание больше на вещи, нежели на устройство могил и обряды погребения и не сличали результатов раскопки с указаниями письменных памятников.

III. Должны быть приняты меры к сохранению материалов, находимых при раскопках, и сравнительному их изучению. В настоящее время масса

находок пропадает бесследно для науки. Но и сохраняемые вещи приносят науке сравнительно немного пользы. Множество находок хранится в частных и общественных коллекциях без точного обозначения местности и условий находки, а потому не имеет значения исторического материала. Для сравнительного изучения было бы очень полезно сосредоточить, если не в оригиналах, то в копиях и снимках, курганные находки, по крайней мере важнейшие, где-либо в одном древлехранилище, например, в строющемся в Москве Историческом музее.

IV. Наконец, по крайней мере главнейшие курганные находки должны быть точно изданы, с приложением точных описаний устройства могил и обрядов погребения, обнаруженных раскопками курганов, в которых найдены издаваемые вещи. Издание курганных находок, во-первых, будет способствовать их ученой разработке; во-вторых, поможет сохранить от потери. Последнее особенно важно по отношению к частным коллекциям. Ни один частный владелец не может ручаться, что после его смерти его собрание древностей не будет распродано вразброд или расхищено; подобно, например, коллекциям господ Томилина, Карпицкого, графа Тышкевича и пр.»

Самоквасов Д.Я. Значение курганов как исторических источников. СПб., 1877. С.23–31.

II

«В 1873 г. при посредстве варшавских археологов я впервые познакомился с песчаными побережьями рек, озер и болот, представляющими богатые хранилища предметов культуры человека каменного века. После сильных ветров, удаляющих с дневной поверхности верхний слой сыпучего песка, обнажается культурный слой почвы и на его поверхности открываются орудия труда человека глубокой древности. При таких условиях археологами Царства Польского собраны были богатые коллекции каменных орудий. С того времени, при дальнейших моих исследованиях в Малороссии, я стал обращать внимание на песчаные побережья рек, озер и болот, и успел собрать на них более 1200 предметов каменного века, представляющих собой различной формы и величины наконечники стрел и копий, ножи и ножики, долота, проколки, молотки, топоры, скребки, пилки, узорчатые черепки, обугленные кости и проч. [...]

На основании изложенных фактов, я считаю себя вправе признать неверным традиционное убеждение западноевропейских археологов о несуществовании в Центральной и Южной России следов самостоятельной культуры каменного века, укоренившееся в немецкой теории о культурном влиянии Запада Европы на Восток с глубочайшей древности, повторяемое и в наше время такими авторитетами в науке, как Ворсо, Вирхов, Гревинг и Монтеллиус. Основы этой теории — малочисленность следов каменного века в пределах России и несамостоятельность форм каменных орудий — совершенно разрушены новейшими открытиями в России следов человека, современного мамонту, следов общественных поселений, могил, кладов и отдельных предметов культуры человека каменного периода; наконец — разнообразием форм каменных орудий России, не уступающих разнообразию форм таких же орудий, открытых в различных областях Западной Европы».

Самоквасов Д.Я. Археологическое богатство Малоросии // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.V. Ч.I. Малороссия, Подолия и Волынь. СПб.–М., 1897. С.66–67, 70–71.

III

«Когда вы раскапываете городища и курганы своих предков языческой эпохи, то входите в их общественные и частные жилище, — вы собственными глазами видите фактическую обстановку их общественной и домашней жизни, а не глазами летописца, христианского монаха, писавшего столетием позже крещения русского народа, критически и односторонне смотревшего на быт язычников. В городищах и курганах вы встречаете действительные факты общественности и культуры своих предков в славянской прародине [...] и в разрозненных русских княжениях VII–X столетий. [...]

Не менее важное значение имеют археологические факты и для истории русского права. Если мы пришли к сознанию необходимости выделения в особый период языческой системы русского права, если нашли возможным определить новые средства познания и такими средствами дать новое объяснение содержанию договоров Руссов и Греками, восстановить действительную организацию русского племенного

княжения, познать его учреждения экономические, религиозные, государственные, процессуальные, уголовные и гражданские, а затем дать новое объяснение многим статьям Русской Правды и других памятников русского права удельной эпохи, то не потому только, что обратились к широкому приложению сравнительного метода для объяснения истинного смысла письменных памятников, но и потому, что мы осветили их действительными фактами общественной и домашней жизни наших предков, отыскав и осмотрев лично жилища и могилы Скитов, Гетов, Россов и Руссов».

Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С.13, 15.

IV

«Факт существования во многих пунктах славянорусской земли остатков укреплений общественных псоелений, а при них общественных кладбищ языческого содержания, состоящих из сотен и тысяч могил, доныне сохранившихся, между которыми встречаются громадные могильные сооружения, обязанные своим возникновением труду многих лиц, доказывает существование у славяно-руссов языческой эпохи политических союзов, общественных глав и множества городов. Одинаковые обряды погребения, открываемые в кладбищах, удаленных друг от друга на сотни верст, доказывают существование одинаковых обычаев у политически разрозненных славянорусских племен языческой эпохи. Различная величина могильных насыпей в общественных кладбищах и различное богатство погребенных, выражающееся в большем или меньшем количестве, в лучшем или худшем качестве вещей, найденных в той или другой могиле, доказывают неравенство общественного положения и имущественного состояния отдельных лиц в древнеславянских общинах. Находимые в кладах монеты указывают на отдаленные сношения наших предков с другими народами и определяют направления таких сношений. Содержание славяно-русских городищ, могильников и кладов восстанавливает перед нами домашнюю жизнь язычника-славянорусса [...] остатки холстяных, шерстяных и шелковых тканей; разной формы и разного состава серьги, ожерелья, привески, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, фибулы, булавки, шлемы, кольчуги, щиты, копья, дротики, кинжалы, стрелы; глиняные и бронзовые сосуды, кубки,

замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, игральные кости (шашки, зернь, бабки); удила, стремена и стременные пряжки. Серпы и хлебные зерна (рожь, овес, ячмень и пшеница) доказывают земледельческий быт язычника-славянорусса. Стравницы, остатки погребальных тризн, остатки жертвоприношений, изображения божков и другие предметы, найденные в языческих курганах, поясняют верования наших предков.

Следовательно, по результатам археологических раскопок, по свидетельствам вещественных памятников, славянороссы IX и X столетий не «живяху в лесе якоже всякий зверь», не были дикими, звероподобными народами, какими их представлял себе Шлёцер, а за ним и новейшие историки. По свидетельству вещественных памятников, славянороссы представляются нам не рассеянными, полудикими племенами, а народами земледельческими, сплоченными в политические союзы и имевшими в глубокой давности и до времени рецепции христианства в России культурные сношения с цивилизованными народами Южной Европы».

История русского права. Университетский курс. Книга первая. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Д.Самоквасова. Декана юридического факультета Императорского Варшавского университета. Варшава, 1888. С.146.

V

«Ходатайство пред Его Величеством Государем Императором Киевского ученого съезда 1899 г. об архивной реформе в России остается без движения в Департаменте общих дел, подобно архивным проектам предыдущего времени, замеревшим в министерских канцеляриях. Министерства заняты своими специальными задачами, не имеют в своей среде лиц, располагающих временем и знаниями, потребными для разработки общего и сложного законодательства по архивной реформе в России. Это дело, как общее для учреждений всех ведомств, должно подлежать разработке специальной архивной комиссии из представителей всех министерств. Такая комиссия была учреждена по Высочайшему повелению в 1873 г., под председательством сенатора Н.В.Калачова, состояла из 28 представителей разных ведомств и ученых учреждений,

работала над своей задачей три года и проектировала ряд мер преобразования архивной службы в России (См. протоколы ее: Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн.1. Отд. 3. С.1–56). Назначая в эту комиссию своих представителей, министры того времени высказались за необходимость учреждения в России специального архивного главноуправления и издания общего для учреждений всех ведомств архивного законодательства, направленного к хранению в целости и порядке актов делопроизводств, имеющих научное значение. Движение в законодательные сферы архивного проекта комиссии 1873 г. было задержано турецкой войной и он до настоящего времени не представлен на рассмотрение Государственного Совета. Основания этого проекта и ныне соответствуют требованиям западноевропейского архивоведения и потребностям архивного дела в России; но по истечению четверти века, конечно, требуют пересмотра новой временной комиссией, подобной комиссии 1873 г. [...]

Преобразование архивной службы в России посредством издания общего для всех ведомств архивного законодательства, учреждения специального архивного главноуправления и выделения устаревших актов делопроизводства из регистратур действующих учреждений в центральные архивы, по образцу западноевропейских государств, — дело постоянной, неотложной необходимости. Наше законодательство требует хранить архивные материалы в целости и порядке, с описями и арфавитами, чтобы никакое дело не могло утратиться; в шкафах или на полках, расположенных рядами, со свободными между ними проходами и в помещениях просторных, сухих, светлых, теплых, с отдушинами для очистки воздуха, с каменными полами и сводами, с железными решетками на окнах (Общий наказ министерствам. Статьи 175–179. Общие губернские учреждения. Статья 595. Издание 1892 г.). Но эти требования закона остаются мертвой буквой, потому что их невозможно исполнять по множеству у нас разрозненных архивов при канцеляриях действующих учреждений разных ведомств, заваленных новыми делопроизводствами, и по отсутствию общего архивного законодательства и компетентного управления и контроля архивной службы. На практике архивное имущество русского народа, наследованное от предыдущих поколений, расхищается частными лицами, гибнет от пожаров в деревянных хранилищах, гноится массами в сырых подвалах, на чердаках и в крепостных башнях, часто без окошек и дверей, продается тысячами

пудов на бумажные фабрики для передлки на картон и фальсифицируется с целью доказательства в правительственных учреждениях мнимых личных и имущественных прав.

Комиссия из представителей разных ведомств и ученых учреждений при Государственном Совете, ознакомившись с современной постановкой архивного дела на Западе Европы и в России, найдет меры осуществления архивной реформы, проектированной уже 25 лет тому назад; и в нашем Отечестве, как на Западе нашего времени, прекратится растрата драгоценного документального народного имущества, необходимого цивилизованному государству для осуществления его административных, юридическихх и научных целей».

Д.Я.Самоквасов — министру внутренних дел Д.С.Сипягину. 6 февраля 1901 г. Москва — Петербург // РГИА. Ф.565. Оп.5. Д.20214. Л.2–3 об.

VII

«Милостивый государь Сергей Юльевич!

Честь имею препроводить Вашему Высокопревосходительству копию записки, переданной мной г-ну Министру внутренних дел, о которой я докладывал Вам лично 26 января [1901 г.]. Материалы по архивной реформе в России были собраны Высочайше утвержденными комиссиями 1873 и 1892 гг., дополнены в последнее десятилетие и частью напечатаны в Сборнике действующего законодательства западноевропейских государств, изданном Московским архивом министерства юстиции под заглавием «Устройство государственных архивов». Если Ваше Высокопревосходительство найдете возможным оказать содействие преобразованию архивной службы в России, то можете быть уверенным, что с учреждением при Государственном Совете архивной комиссии из представителей разных ведомств и специалистов архивного дела, давно ожидаемая архивная реформа в России осуществится в недалеком будущем, не потребовав непосильных новых расходов из Государственного казначейства.

На содержание центральных государственных архивов, подобных западноевропейским, могут быть отчислены учреждениями разных

ведомств те суммы, какое ныне расходуются на содержание множества разрозненных и беспорядочных хранилищ и хранителей устаревших актов делопроизводства, важных для науки, но ненужных действующим учреждениям, каковы хранилища старых актов при губернских правлениях, казенных палатах, судебных учреждениях, консисториях и др.

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и почитатель — Д.Самоквасов».

Д.Я.Самоквасов — министру финансов С.Ю.Витте. 6 февраля 1901 г. Москва — Петербург // РГИА. Ф.565. Оп.5. Д.20214. Л.1–1 об.

VIII

«В 1871–1872 годах

Осмотрены 72 [зачеркнуто: 50] городища на берегах рек: Невы, Нарвы, Лавы, Ловати, Волхова, озера Ильмень, Тверицы, Вилчи, Сейма, Рати, Кура, Сев. Донца, Москвы, Упы, Орла, [далее повтор: Кура] Есмани, Клевени, Десны, Малотечны, Вары, Судости, Снова, Псла, Сулы, Трубежа, Днепра, Роси, Россавы, Вабли, Бабинича в окрестностях Новгорода, Старой Руссы, под Москвой, около Путивля [и других населенных пунктов].

В 1872 г.

1. Делал раскопки под Москвой на городище у с.Дьяконовского.
2. Делал раскопки на двух Белогорских городищах Курской губ.
3. Раскопал 86 курганов у Белогорской Николаевской пустыни Курской губ. Суджанского у.
4. Раскопал 6 курганов у г. Мирополья Курской губ. Суджанского у.
5. Раск. курган Гульбище в г.Чернигове.
6. [Раскопал] курган Безымянный в г.Чернигове.

В 1872–1873

Раскопал Чёрную могилу в Чернигове.

В 1873 г.

1. Делал раскопки на Волокитинском городище Глуховского у. Черниговской губ.

2. Раскопал 9 курганов у х.Холодного Черниговской губ. Кролевецкого у.

3. Раскопал 19 курганов у с.Волокитина Черниговской губ. Глуховского уезда.

[4.]. Делал р[аскопки] на Юхновском городище Черн[иговской] губ. Новгородс[еверского] у. [в] 1873 и 1876 гг.

В 1873 и 1878 годах

[Раскопал] 106 курганов под Черниговом в Троицкой или Болдинской группе.

[Раскопал] 11 курганов под Черниговом в Стрижневской группе [Л.1].

[Раскопал] 10 курганов в окрестностях Чернигова у с.Гущина. [Далее повтор одной из предыдущих записей: «19 курганов у с.Волокитина, Черниговской губ. Глуховского у.» за 1873 г.]

В 1873–1880

Осматривал песчаные россыпи в пределах Царства Польского и на побережьях Десны и ее притоков.

В 1874 году

1. [Раскопал] 58 курганов у м. Седнева Черниговской губернии и уезда.

2. [Раскопал] 4 кургана у с. Хворостовичей Новгород-Северского у. Черниговской губ.

3. [Раскопал] 30 курганов у с. Мериновки Стародубского у. Черниг[овской] губ.

4. [Раскопал] 6 курганов у с. Левинки Старод[убского] у. Черн[иговской] губ.

5. [Раскопал] 11 могил в окрестностях Варшавы.

6. [Раскопал] несколько курганов в лесу китаевской пустыни под Киевом [на экскурсии делегатов III Археологического съезда].

В 1875 году

Делал раскопки на Ратманском городище на берегу р. Рать в 20 верстах от Курска.

Исследовал следы древних поселений при д. Енисалы у подножия

Чатыр-Дага.

Исследовал пещеру бимбат-Коба на Чатыр-даге.

[Раскопал] 7 курганов у с. Марьяновки Путивльского уезда Курской губернии.

[Раскопал] 8 курганов у х.Сетнова на границах Путивльского и Сумского у. [Раскопал] 24 кургана у с.Клюквы и д.Александровки и д.Городище Курского уезда.

Осмотрены 16 мест с погребальными урнами в Царстве Польском.

[Раскопал] курган у д.Клиновой Курского уезда.

[Раскопал] курган у подножия Чатыр-Дага [Л. 1 об.].

В 1876

Делал раскопки на Яблоновском городище у с.Яблоновки Каневского у. Киевской губернии.

Делал раскопки на городище Княжей горы в с.Пекарях при впадении Роси в Днепр, Черкасского у. Киевской губ.

Исследовал песчаные россыпи у с.Хоцки Переяславского у. Полтавской губ.

Исследовал 18 остатков гробниц в гминах Реснцины-Нетавского уезда Варшавской губ.

[Раскопал] Старшую могилу большого размера и 32 кургана разной величины у с.Аксютинцы в урочище Стайкин Верх Роменского у. Полтавской губ.

[Раскопал] 27 курганов у с.Аксютинцы в урочище Солодкое Роменского у. Полтавской губ.

[Раскопал] 3 кургана у с.Аксютинцы в урочище Вликие Будки Роменского уезда Полтавской губ.

[Раскопал] 3 кургана в г.Романх Полтав[ской] губ.

[Раскопал] 2 кургана в с.Герасимовке Роменского уезда Полт[авской] губ.

[Раскопал] Веселая могила и 34 кургана у с.Медвежьего в Роменском у. Полтавской губ.

[Раскопал] 8 курганов у с.Яблоновки Каневского у. Киевской губ.

[Раскопал] 3 кургана у ст. Бахмач-Роменский Конотопского у. Черниговской губернии.

[Раскопал] 3 кургана у с. Липового Роменского уезда Полтавской губернии.

В 1877

Исследовал раскопкой Болгарское городище Спасского у. Казанской губ.

[Раскопал] 10 курганов у с. Россавы Каневского у. Киевской губ.

[Раскопал] 13 курганов у д.Гамарни Черкасского у. Киевской губ.

[Раскопал] 2 больших [кургана] у с.Дойницы Переяславского у. Полт[авской] губ.

[Раскопал] 55 курганов у г. Переяслав Полт[авской] губ.

[Раскопаны «19+24»=] 43 кургана в окрестностях с.Россавы в урочище Лучки и у кладбища Каневского у. Полтавской губ. [Л.2].

[Раскопал] 3 кургана у с.Триполья Киевского уезда.

[В] 1878 году

[Раскопал] 15 курганов у с.Ларионовки Новгород-Северского у. Черниговской губ.

[Раскопал] 7 могил в с.Гребкова Венгровского у. Седлецкой губ. [Царства Польского].

Делал раскопки в фундаменте [разрушенного] храма [, заложенного] в Чернигове [князем Святославом Всеволодовичем в 1173 г. на берегу Десны].

В 1879 г.

Исследовал окрестности Одессы и Аккерманский уезд [, расположенные там археологические памятники].

В 1880 году

Исследовал следы селитьбы под Евпаторией.

[Раскопал] курган у Майкопского озера в окрестностях Евпатории.

В 1881 году

[Раскопал] 11 гробниц у колонии Каррас на Чеснок-горе под Пятигорском.

Прорыта канава на 50 аршин длины на Чеснок-горе.

[Раскопаны] 3 гробницы и проверены старые раскопки у колонии Каррас в урочище Длинный курган под Пятигорском.

[Раскопана] могила и проверены прежние раскопки в разных урочищах в нескольких могильниках у колонии Каррас под Пятигорском.

[Раскопана] могила в Мцхетском могильнике у Военно-Грузинской дороги.

[Раскопаны] 12 курганов у х.Мишкина Черниговского уезда.

[Раскопаны] 16 курганов у заштатного г. Березна Черн[иговского у.] Осмотрены курганы в окр[естностях] х.Дыденки у г[оры] Верблюда.

[Раскопаны] 5 курганов у Кисловодска в урочище «Три камня».

[Раскопаны] 2 больших кургана у колонии Каррас под Пятигорском.

[Раскопаны] 7 курганов и 2 могилы у колонии Константиновки под Пятигорском.

[Раскопаны] 11 гробниц и 6 курганов у Кисловодской станции.

В 1881–1882 годах [Л.2 об.]

[Раскопаны] 115 курганов у колонии Каррас под Пятигорском.

В 1882 году

[Раскопаны] 36 катакомб в Тагаурском ущелье вблизи аула Чми в Осетии.

[Раскопаны] 2 катакомбы и 2 кам[енные] гробницы в урочище Харх вблизи Балтской станции Военно-Грузинской дороги.

[Раскопаны] 77 курганов у колонии Константиновки под Пятигорском.

В 1883 году

[Раскопаны] 2 больших и 24 средних и малых курганов и 9 могил у с. Новогригорьевки Александровского уезда Екатеринославской губ.

[Раскопки на кладбище] у Черниговского кафедрального собора.

В 1883 и 1884 годах

[Раскопаны] 10 курганов у с. Новогригорьевки Александровского у. Екатеринославской губернии.

В 1884 году

Доследовал курганы у с.Большой Знаменки Мелитопольского уезда Таврической губернии.

[Раскопал] 9 могил у с.Новогригорьевки Александровского уезда Екатеринославской губернии.

[Раскопал] 5 курганов у д.Вороной Новомосковского у. Екатеринославской губернии.

В 1885 году

[Раскопал] 3 могилы в окрестностях Варшавы.

В 1886 году

[Раскопал] 1 курган у м.Седнева Черниговского у.

[Раскопал] 4 кургана у м.Мены Сосницкого у. Черниговской [губ.]

В 1887 году

[Раскапывал] гробницы под Варшавой у д.Чеховицы.

В 1889 [году]

Присутствовал при раскопках в Помпеях двух домов и в Чивита-Кастеляна 22 катакомб; осматривал музеи и некрополи в Италии и Австрии для ознакомления с римскими могилами.

[Раскопал] 3 кургана у с.Аксютинцы в урочище Привалы в Роменском у. Полтавской губ [Л.3].

[Раскопал] 3 кургана в д.Лозовой недалеко от Ромен Полтав[ской] губ.

[Раскопал] 5 курганов близ с.Ярмолинцы в урочище Каменское недалеко от Ромен Полт[авской губ.].

[Раскопал] 6 курганов у с.Сурмачевки, недалеко от г.Глинска Полт[авской] губ.

[Раскопал] 35 курганов у г.Глинска Полтавской губ.

[Раскопал] 6 курганов в г.Глинске Полтавской губернии.

В 1890

[Раскопана] каменная гробница у д.Коссево под Новгород-Северском.

[Раскопаны] 3 больших и 8 средних и малых курганов у с.Рыжановки Звенигородского уезда Киевской губернии.

В 1891 году

[Раскопаны] 1 большой и 2 малых кургана у с.Воробьевки Курского уезда.

[Раскопаны] 6 курганов в м.Рыжаноке Звенигородского у. Киевскойгубернии.

В 1906

[Раскопаны] 20 [захоронений] в окрестностях д.Шабалтыв и Катаржи Аккерманского уезда.

В 1908 году

[Раскопаны] 7 курганов на старом кладбище в Березках в окрестностях [слова «в окрестностях» зачеркнуты автором] Чернигова.

[Раскопаны] 12 курганов на Болдиной горе под Черниговом.

[Раскопаны] 5 курганов под Москвой в урочище Полова Гора.[Раскопаны] 8 курганов между деревнями Волхонкой и Чертановым под Москвой.

[Раскопаны] 7 курганов у д.Котляковой под Москвой.

В 1909 году

[Раскопаны] 272 кургана при с.гочеве Обоянского уезда, Курской губернии.

Делал раскопки на городище Гочевском.

Исследовал поле погребения у д.Шмыревой Обоянского уезда Курской губернии»[Л.3 об.].

[Перечень археологических исследований Д.Я.Самоквасова, составленный вчерне им самим между 1910 и 1911 гг.] // РГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.8374. Л.1–6 об.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В подборке иллюстраций к биографии Д.Я.Самоквасова использованы в том числе плохо сохранившиеся — архивные и любительские фотографии. Публикуя их (большей частью впервые) автор и издательство руководствовались стремлением спасти об забвения и утраты редкий фотоматериал, представляющий историко-культурный интерес.

1. Д.Я.Самоквасов. 1880-е гг. Варшава. Личный архив О.Н.Сычевой. Публикуется впервые.

2. Т.В.Самоквасова. 1890-е гг. Варшава. Личный архив О.Н.Сычевой. Публикуется впервые.

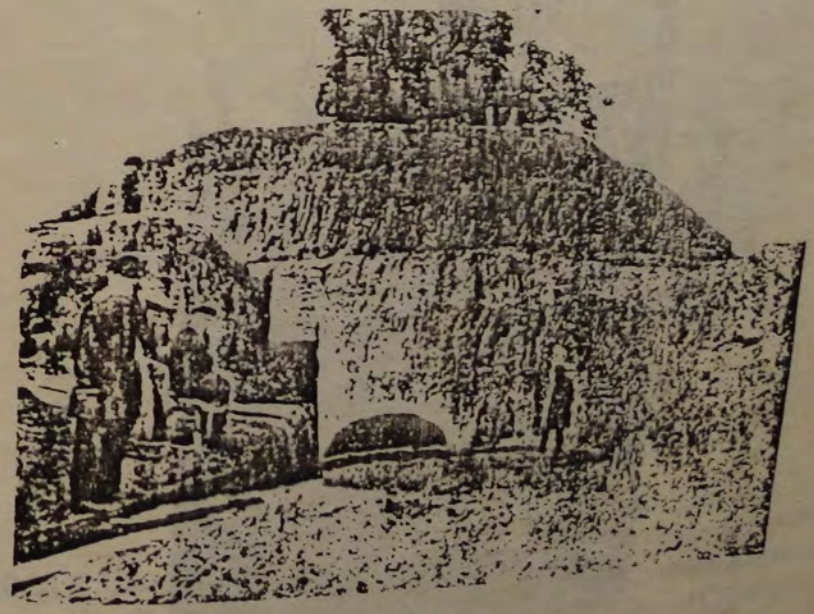
3. Граф А.С.Уваров. 1880-е гг. С.-Петербург.

4. Графиня П.С.Уварова. 1900-е гг. Имение Карачарово. Муром. Государственный архив Владимирской области. Публикуется впервые.

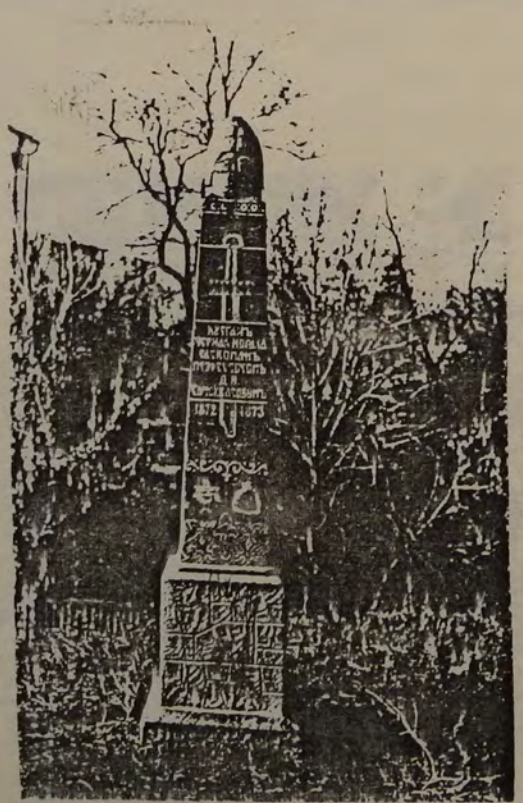
5. Курган Черная могила в начале раскопок. 1873 г. Чернигов. Д.Я.Самоквасов справа у бровки траншеи. Илл. из журнала «Древняя и новая Россия». 1876. Т.1.

6. Черная могила в начале раскопок. Иллюстрация из журнала «Древняя и новая Россия». 1876. Т.1

7. Курган Гульбище. Чернигов. Современный вид. 1984 г. Фото автора.

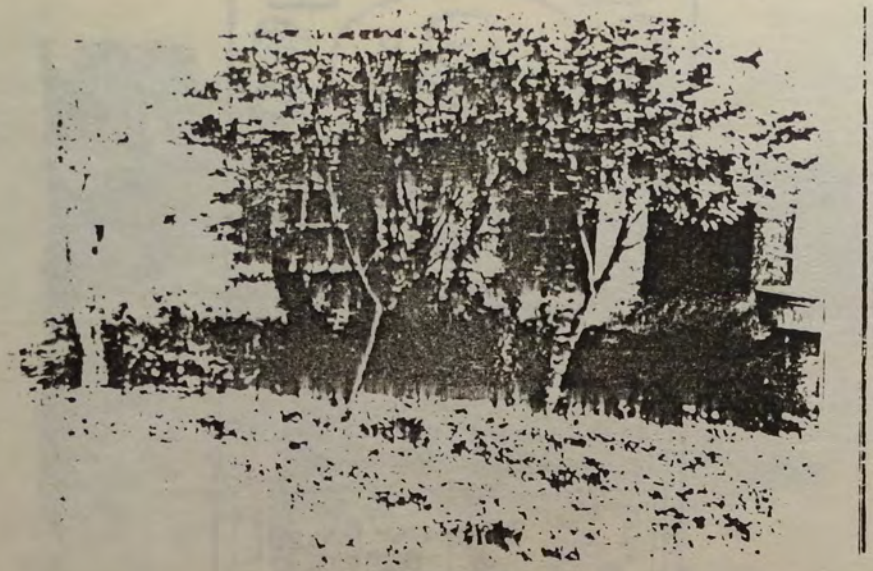
8. Обелиск на вершине Черной могилы. Современный вид. 1984 г. Фото автора.

9. Таблица археологических находок Д.Я.Самоквасова. Из кн.: Самоквасов Д.Я. Археологическое богатство Малороссии // Живописная Россия. Т.5. Ч.1. СПб.–М., 1897.

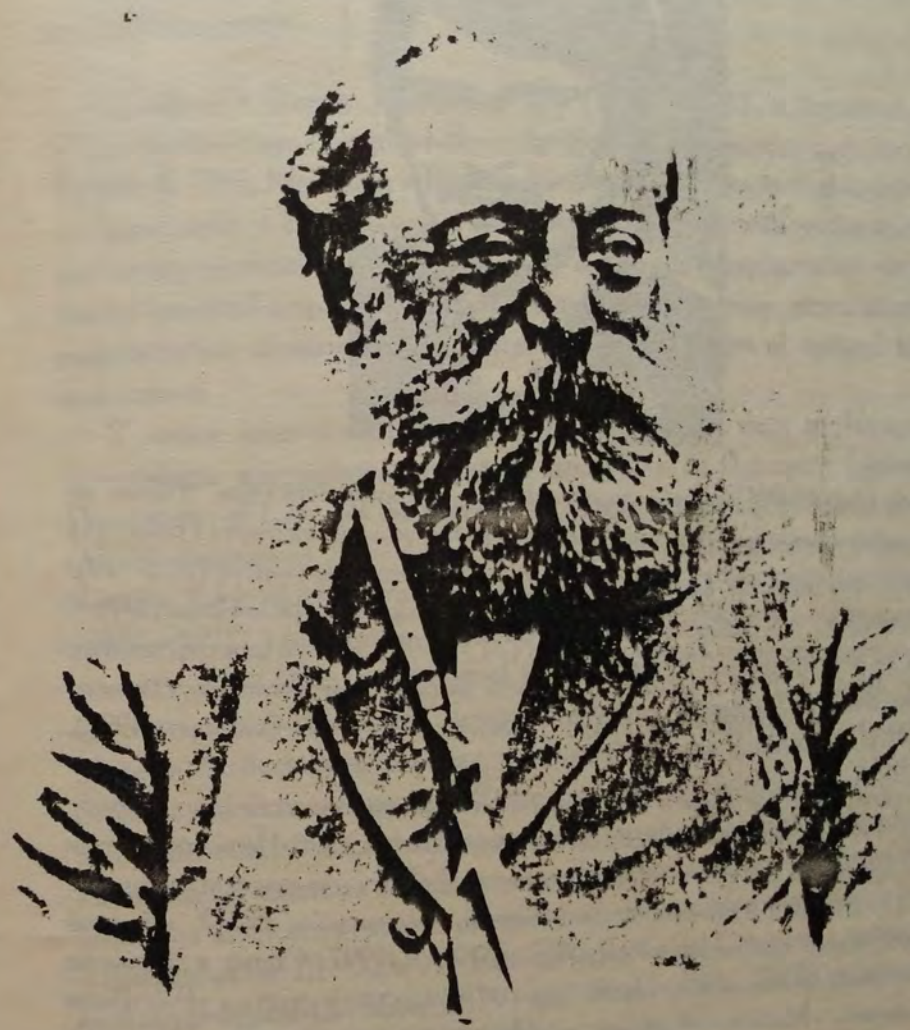
10. Д.Я.Самоквасов (стоит справа от зрителя) на раскопках курганов. Посулье (?). Фото 1880-х (?) гг. Из фондов Роменского краеведческого музея. Обнаружено и атрибутировано В.Б.Звагельским (Сумы).

11. Дом Самоквасовых в с. Клиновом Медвенского района Курской области. Фото 1960 г. Картотека Департамента культуры администрации Курской области. Публикуется впервые.

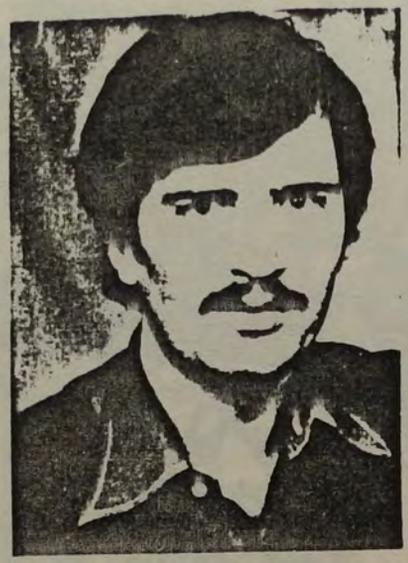

12. Надгробие могилы Д.Я.Самоквасова, Т.В.Самоквасовой, их родственников на Новодевичьем кладбище. Москва. 1993 г. Фото автора.

13. Д.Я.Самоквасов. 1900-е гг. Москва. Личный архив О.Н.Сычевой. Публикуется впервые.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Павлович Шавелев родился в 1953 г. в городе Магадане. Учился на историко-педагогическом факультете Курского педагогического института (1970–75) и в аспирантуре философского факультета Ленинградского университета (1975–79). Срочная военная служба в войсках противовоздушной обороны на Белом море (1976–77). Диссертации: кандидата философских наук (ЛГУ, 1979), доктора философских наук (СПбГУ, 1994). С 1980 г. работает в Курском медицинском институте: ассистент, старший преподаватель (1982), доцент (1986), заведующий кафедрой философии (1992), профессор (1995).

Монографии: Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; Метод практики: природа и структура. Курск, 1996; Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып.1. Предпосылки и становление региональной историографии. Вып.2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910 гг. Курск, 1997. Статьи в журналах: «Философские науки», «Вопросы истории», «Государство и право», «Российская археология», «Московский журнал», «Архив русской истории» (Москва); «Археология»(Киев); «Сеймские берега», «Летопись», «Архивная находка» (Курск); в сборниках научных трудов С.-Петербургского, Минского, Воронежского, Омского, Саранского, Ставропольского, Ярославского университетов; Брянского, Владимирского, Курского, Липецкого, Сумского, Черниговского педагогических институтов; Государственного Исторического музея, Института археологии РАН, Института славяноведения и балканистики РАН (Москва).

Участник многих научных конференций и симпозиумов, в том числе: VI Международного конгресса славянской археологии (Новгород, 1996); I Российского Философского конгресса (Санкт-Петербург, 1997).

SUMMARY

S.P.Shavelyov. The Historian of Russian Country. The Life and Works of D.J.Samokvasov.

Samokvasov Dmitry Jakovlevitch [15 (27). 5. 1843, a farmstead near village Stakhorsiny, Novgorod-Seversky ujezd, Chernigovskaya province — 5 (18). 8. 1911, Moscow], a Russian historian-lawyer, archeologist, archivist.

Landmarks of S.'s and career are connected not only with routine scientific and pedagogical activity of the university and academicspheres,but also with fruitful practical activity of a scientist aimed at discovering, preservation and popularization of material and documentary monuments of national history and culture.

S. came from a languished family of nobility, went to Nowgorod-Severrskaya gymnasium, graduated from The St.Peterburg University, Department of Law, got his kandidat's (1868), master's (1873) and doctor's (1878) degrees of State Law. He became a professor of the History of Russian Law of the Warsaw (1873–1892) and later of the Moscow (1894–1911) Universities. In 1892–1911 S. occupied the position of the manager of the Moscow archive of the Ministry of Justice. S. was an active member of a few scientific societies (including Russian Geographical and Moscow Archeological Societies, the Societies of the Enthusiasts of Natural Sciences, of Antropology and Ethnography of the Moscow University, of many provincial societies) and organization (including the Imperial Archeological commitee in St.Petersburg, Historical museum and Archeological institution in Moscow, several provincial scientific archive commitees). S. was a delegate of the III–XIV All-Russia Archeological Congresses,participated in Antropological (Moscow, 1879) and World (Paris, 1878) exibitions. S. is an author of more than 200 published works.

As a historian and lawyer S. studied etnogenesis of Slavdom, processes of origin and development of the Old Russian state and law, formation of selfdom and landocracy in Russia. He was one of the founders of interdisciplinary approachin historical-legal science. In his recearchS. utilized not only chronicles and other written sources but also data of antropology, ethnography,linguistics whichhe for a considerable part assembled himself in expeditions. Thus, he revealed a relict form of a large peasant family in the province of Kursk which may be correlated with Old Russian verv and Yugoslav zadruga. He introduced into scientific use an important part of

documentary data dealing with M.M.Speransky's administrative reform — arranged for codifying records of the usual law of the native tribes and nationalities of Siberia and the Far East. S.'s summarizing «Course of Russian Law» shared some shortcomings of the humanities of that time but nevertheless is remarkable for its encyclopedic knowledge of the subject and original reconstructions of disputable events of encient and medieval history.

As an archeologist S. carried out considerable excavations of burial-mounds, settlements and other objects in various regions of Ukraine, Caucasus, Center of Chernozem Zone, suburbs of Moscow, Poland and Italy. S. iniciated general calculation and map making of archeological monument all over the European part of Russia (questionnaire of 1873). S. participated in compiling the first Russian official instructions in carrying out archeological works. S. discovered many antiquities of different times and peoples. The most famous among them are prince's (knijazhesky), lords (bojarsky) and combatants' (druzhinnie) burial-mounds of X-th century — Black Grave (Chernja Mogila), Gulbische and other. There were found sets of armaments, attributes of religious cult, tools, household articles which belonged to the East Slavs of the Sever's Association. These objects became stadards of the Old Russian culture in transition from paganism to Christianity, revealed its originality and extensive international relations. On the basis of archeological data S. undertook attempts to reconstruct «pagan system of Slavic-Russian law», to verify the role of Varangians in the political history of Kiev Russia, to outline the borders of the lands (knjazhenie, volost) of East Slavic princes, which were shaped on the basis of tribal system, and changed together with the development of the political system. S.'s fundamental study of the Old Russian towns revealed the stages of their development, their communal structure and various (military, administrative, economical, ideological) functions. S. introduced an innovation and was the first who started to teach archeology among students and others who attended his popular lectures and laboratory classes.

Some of S.'s historical and juridical hypotheses were confirmed and verified, others with time were rejected by science. His incredibly rich collection of antiquities, which S. presented in 1892 to the Historical Museum in Moscow, and which since that time has been exhibited there, is of immutable value.

S.'s contribution to archive science and practice is also very significant. In the middle of his life road he became the head of one of the largest in

Russia repositories of ancient statements — The Moscow Archive of the Ministry of Justice. There were stored documents (over 2,5 millions of deeds) of supreme and local institutions of The Great Principality of Lithuania, The Moscow State of XIV–XVII centuries and The Russian Empire of XVIII–XIX centuries. Most of them were not inventoried, many were not even sorted out. S. and his collaborators effectively struggled against the chaos in national archive. They inventoried and introduced into scientific and reference use lots of historical and legal sources. S. discovered and published in two volumes «Archive materials» which made it possible to ascertain decisive stage of enslaving of peasant in Russia, — the introduction of so called «preserved years» (zapovednyh let) and abolition of Yuriev day. Though S. met incomprehension and preconceived criticism of many of his colleagues, he was the first who approached formulating of essentially important concept of archive fund as a historically established aggregate of documents, he devised and applied method of fund inventory (stock with reference index) of archive materials, which proved to be effective. Without such an inventory materials remained unknown to researchers and were not protected from plunderers and falsifiers.

In the beginning of XX-th century S. put forward a project of a radical reform of the archives of the country the aim of which was their national centralization. S. applied the progressive model of examined its state from sociological point of view during the period of reforms. The state of flagrant «archive discorder» and mass destruction of «documentary resources» of Russian people» which S. brought to light, demanded essential actions to be taken. Government offices and the scientific public enthusiastically discussed the urgent reform of archives. S. verified his project (obviously the best of all proposed ones) a number of times, but the authorities rejected it and preferred a palliative solution of the problem wichthe help of semi-charitable provincial committees. Many of S.'s constructive suggestions were carried out only after the October Revolution. Some of them have muchin common with the new, democratic law about the archives of The Russian Federation which stipulates, as S. insisted, abolition of monopolization of the storage and use of historical sources by different government departments.

The name of scientist-patriot was given to the Kursk national museum of regional ethnografy, perpetuated by the obelisk in Chernigov on the top of the Black Grave (Chernja Mogila) and by the monument in Novodevichje cemetery in Moscow.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. МАЛАЯ РОДИНА — НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ 14

Отчий дом – 14. Семейные корни – 16. Гимназия – 18.

ГЛАВА II. НАЧАЛО УЧЁНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ПЕТЕРБУРГ 25

Лицеист – 25. Студент – 27. Магистрант – 33. Археолог «вне службы» – 41.

ГЛАВА III. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СЛУЖБЫ — ВАРШАВА 47

Польская специфика – 47. Признание: университетский профессор – 49. Другая профессия: археологические раскопки – 56. С Уваровыми, в Московском Археологическом обществе – 59. Черная могила и её сокровища – 64. Сведения 1873 г. о городищах и курганах – 70. Инструкция археологам – 74. С А.П.Богдановым, в Обществе любителей естествознания – 89. На пути к комплексному методу исторического познания – 94. Коллекция древностей для Исторического музея – 103.

ГЛАВА IV. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СЛУЖБЫ — МОСКВА 110

Управляющий архивом – 110. За «живой водой» описей для «кладбища» исторических источников – 115. Борьба за архивную реформу в России – 125. В Московском университете – 146. «Курс истории русского права» – 150. В Катковском лицее и Археологическом институте –154. Общедоступные чтения о древностях – 156. Сотрудник историко-краеведческих организаций. Возобновление раскопок – 159. «Могилы Русской земли» – 167. Государевы награды за труды – 171.

ГЛАВА V. КУРСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ 173

Летняя резиденция профессора – 173. Д.Я. в обыденной жизни – 175. «Дорогой сотрудник ...» – 178. Последняя экспедиция – 180.

ГЛАВА VI. НА РУБЕЖЕ ВРЕМЕН 190

Вопреки болезни – 190. Прощание – 194. Наследство – 198.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 201

БЛАГОДАРНОСТИ 207

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ 210

ПРИЛОЖЕНИЕ. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТРУДОВ Д. Я. САМОКВАСОВА..... 251

ИЛЛЮСТРАЦИИ 266

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 279

ОБ АВТОРЕ 274

SUMMARY 275

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Антропологическая выставка.
АЕ – Археографический ежегодник.
АС – Археологический съезд.
ВУИ – Варшавские университетские известия.
ГАКО – Государственный архив Курской области.
ГАЧО – Государственный архив Черниговской области.
ГИМ – Государственный Исторический музей.
ГСК – Губернский статистический комитет.
ГУАК – Губернская ученая архивная комисия.
Д. – Дело.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.
ИАК – Императорская Археологическая комиссия.
ИАН – Императорская Академия наук.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество.
ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ИРАО – Императорское Русское Археологическое общество.
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество.
КГВ – Курские губернские ведомости.
КГОМА – Курский Государственный областной музей археологии.
КОКМ – Курский Областной краеведческий музей.
Л. – Лист.
МАИ – Московский Археологический институт.
МАМЮ – Московский Архив министерства юстиции.
МГАМИД – Московский Главный архив министерства иностранных дел.
МВД – Министерство внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет.
Об. – Оборот.
Оп. – Опись.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
Паг. – Пагинация.
Пг. – Петроград.
ПАИ – Петербургский Археологический институт.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПК – Предварительный комитет.
РАН – Российская академия наук.
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.
РГБ – Российская Государственная библиотека.
РГИА – Российский Государственный исторический архив.
РГГУ – Российский Государственный гуманитарный университет.
РНБ – Российская Национальная библиотека.
Сб. – Сборник.
СПб.ГИА – Санкт-Петербургский Государственный Исторический архив.
СПб.ИИМК – Санкт-Петербургский Институт истории материальной культуры.
Стб. – Столбец.
ЦГИАМ – Центральный Государственный Исторический архив г.Москвы.
ЦСК – Центральный статистический комитет.
ЧГВ – Черниговские губернские ведомости.

Научное издание

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Курского государственного медицинского университета.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ЩАВЕЛЁВ

ИСТОРИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Д. Я. САМОКВАСОВА

На первой странице обложки — обелиск на вершине кургана «Черная могила», установленный Д.Я.Самоквасовым после завершения раскопок в Чернигове в 1872–73 гг. Фото 1880-х гг. Публикуется впервые.

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 020868
от 14.04.1994 г.

Редактор Л.Н.Мастихина.

Сдано в набор 1.02.1998 г. Подписано к печати 10.03.1998 г.
Формат бумаги 60 X 84/16. Бумага типографская. Гарнитура «Академия».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 12,74. Тираж 500 экз.
Заказ № 162.

Издательство Курского государственного медицинского университета.
305033, Курск, ул. К.Маркса, 3.